МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ имени В. В. ВАХРУШЕВА

ИЗ ИСТОРИИ УРАЛЬСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ИЗДАНИЕ ИНСТИТУТА
1967

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ имени В. В. ВАХРУШЕВА

ИЗ ИСТОРИИ УРАЛЬСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

*Сборник статей
в помощь преподавателям, аспирантам
и студентам, изучающим историю КПСС*

Выпуск 2

ИЗДАНИЕ ИНСТИТУТА
1967

АННОТАЦИЯ

На основе большого фактического материала авторы статей показывают деятельность партийных организаций Урала в различные периоды жизни.

Преподаватели, аспиранты и студенты, изучающие историю Коммунистической партии Советского Союза, найдут в сборнике материалы о работе местных партийных организаций, о борьбе за победу революции и упрочение Советской власти, о разносторонней деятельности коммунистов в годы строительства социализма и коммунизма в нашей стране.

Авторы надеются, что их статьи в какой-то степени помогут основательней изучить историю местных партийных организаций и, в конечном итоге, историю КПСС в целом.

И. о. доцента Н. И. КУКЛИН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ РОССИИ В 90-х — НАЧАЛЕ 900-х ГОДОВ ПО ОРГАНИЗАЦИИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Ленинский этап в развитии марксизма начинается с 90-х годов XIX века. В. И. Ленин поставил задачу объединить разрозненные марксистские кружки в единую социал-демократическую партию, способную придать стихийному рабочему движению сознательный и организованный характер.

Разрабатывая учение о партии, ее руководящей роли, В. И. Ленин исходил из всесторонней оценки условий революционной борьбы в России. Пролетариату, его союзникам противостоял царизм с мощным аппаратом подавления, а также не менее сильными средствами духовного порабощения. «Правительство,— указывал В. И. Ленин,— опутало уже заранее сетью своих агентов не только настоящие, но и возможные, вероятные очаги антиправительственных элементов. Правительство неуклонно развивает и вширь и вглубь деятельность своих слуг, травящих революционеров, изобретает новые приемы, ставит новых провокаторов, старается давить на арестованных посредством запугиваний, предъявления ложных показаний, поддельных подписей, подбрасывания фальшивых записок и т. п. средствами» [1].

Быстро растущее рабочее движение, назревающая буржуазно-демократическая революция требовали организации, могущей возглавить их. Но в условиях жесточайшего реакционного режима царизма, свирепого преследования не только революционных, но и всяких прогрессивных организаций партия могла строиться только нелегально и в глубоком подполье. Это требовало от социал-демократов выработки определенных форм работы и организации.

Задачу создания такой организации выполнил В. И. Ленин. Его заслуга состоит не только в том, что он поднял на небывалую высоту значение революционной теории в классовой борьбе пролетариата, но и разработал организационные вопросы, подняв их на уровень науки о партийном строительстве.

В. И. Ленин ясно понимал, что без крепкой централизованной партии пролетариату России не добиться победы, не установить своего политического господства. Партия должна стать боевым организатором пролетариата и возглавить его борьбу за свержение капитализма.

Нелегальные условия требовали строжайшей конспирации [2]. Она рас-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 468.

[2] Конспирация (от латинского Conspiratio). В буквальном переводе означает сговор, единение, включает форму построения и методы работы подпольной организации, систему мер, позволяющих сохранить в тайне деятельность подпольных организаций.

сматривалась В. И. Лениным как один из организационных принципов построения партии. В работе «Что делать?» он писал: «Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и проч.) должны быть сообразованы с ним»[1].

В. И. Ленин разрабатывает основные принципы партийной конспирации. Важнейшими из них он считал: высокие требования при приеме в организацию (предварительное изучение, а затем испытание на деле); организация нелегальной связи; устройство конспиративных квартир; организация слежки за шпионами; ведение устной и печатной пропаганды; военно-боевая работа; создание различного рода подпольных специализированных групп и кружков для транспортировки оружия, запрещенной литературы; поведение арестованных во время следствия и на суде; организация боевых групп на случай демонстраций или освобождения революционеров из тюрем; принципы централизации и децентрализации в условиях подполья; создание кружков по руководству профессиональным движением и экономической борьбой.

Объем статьи не позволяет показать всех сторон подпольной деятельности партийных организаций, поэтому мы остановимся только на вопросе создания и деятельности подпольных типографий.

Организацию подпольных типографий центральным и местными комитетами, выпуск и распространение нелегальной литературы В. И. Ленин и его единомышленники рассматривали как один из важных факторов политического воспитания пролетариата и крестьянства. В печатных изданиях можно было ставить и обсуждать насущные вопросы революционного движения, решать задачи идейного и организационного сплочения социал-демократов. Большинство профессионалов-революционеров приняли боевое крещение именно при участии в тайном печатании и распространении нелегальной литературы.

Начало рабочей печати было положено Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», созданным под руководством В. И. Ленина осенью 1895 г. Главной целью Союза было соединение социализма с рабочим движением. В состав Союза входили: В. И. Ленин, Н. К. Крупская, В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, И. В. Бабушкин, А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, М. А. Сильвин, С. И. Радченко и другие. В. И. Ленин становится признанным руководителем Союза.

В воспоминаниях Н. К. Крупской раскрываются характерные черты работы В. И. Ленина этого периода. «Из всей нашей группы,— писала она,— Владимир Ильич лучше всех был подкован по части конспирации: он знал проходные дворы, умел великолепно надувать шпионов, обучал нас как писать химией, ставить условные знаки, придумывать всякие клички. Вообще у него чувствовалась хорошая народовольческая выучка. Недаром он с таким уважением говорил о старом народовольце Михайлове, получившем за свою конспиративную выучку кличку «Десятник»[2].

Вокруг «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» сплачиваются передовые рабочие заводов, фабрик. Под руководством В. И. Ленина организуется издание нелегальной литературы, как правило гектографированной. Была также использована на договорных началах хорошо законспирированная типография группы народовольцев. Она располагалась в Петербурге, на Крюковом канале, в доме № 23/4, а с конца мая 1896 г. — в дачном поселке Лахта, в доме № 10. В ней была напечатана брошюра В. И. Ленина «Объяснения закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», готовилась к изданию

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 136.
[2] Н. К. Крупская. Воспоминание о Ленине. Госполитиздат, 1957, стр. 17.

газета «Рабочее дело» — орган Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»[1]. Для первого номера будущей газеты В. И. Ленин написал три статьи: передовую, по поводу смерти Ф. Энгельса и «О чем думают наши министры»[2]. В передовой статье формулировалась главная задача рабочего класса — завоевание политической свободы.

Используя опыт Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», широкую нелегальную издательскую деятельность развернули социал-демократические организации многих городов России. В Москве ее вели Г. М. Круковский, Г. М. Мендельштам, А. Н. Винокуров, М. Н. Лядов, С. И. Мицкевич, Е. И. Стопани, И. А. Давыдов, А. И. Елизарова-Ульянова и др. Шрифт для оборудования этой типографии привез М. Н. Лядов из Нижнего Новгорода. Металлический станок оборудовал слесарь Оленин по заказу Мицкевича. Постоянного помещения для типографии найти не удалось, и она перемещалась с места на место. Успешно работала и гектографированная печатня, оборудованная в доме В. М. Величкиной на Ольховской улице[3].

Чтобы организовать рабочую печать в условиях жесточайшей реакции, требовались по истине титанические усилия, изобретательность и строжайшая конспирация. Социал-демократические организации при создании подпольных типографий должны были решать труднейшие задачи: подбирать и подготавливать кадры, приобретать печатную технику, выбирать места для типографии и хранения литературы, а также умело ее транспортировать и распространять.

С особой тщательностью подбирались кадры работников типографий. Эту работу, как правило, поручали только членам партии. Лишь в исключительных случаях, с согласия коллегии в типографии допускались и беспартийные[4]. В типографию направляли работников беспредельно преданных делу революции, способных вести работу в условиях подполья. Обычно они подбирались не из местных, а из иногородних организаций, не вызывавших у местной полиции какого-либо подозрения. Они должны были являться, как говорили, абсолютно «чистыми».

Большой настойчивости, умения знания людей, района будущей работы требовала подготовка мест для организации типографий. Все подчинялось главному — сохранить «живучесть» типографии, т. е. надежно скрыть от царской охранки, хорошо законспирировать. Малейшая неосторожность грозила провалом. Поэтому в каждом случае вопрос об организации типографий тщательно и всесторонне обсуждался партийным комитетом. Обычно типографии создавались в небольших городах или рабочих поселках. Выбирались такие дома или квартиры, которые были вне подозрений департамента полиции, с удобными подходами, обеспечивающими возможность скрытого подвоза материалов и выноса напечатанной литературы, где бы шум работающих печатных станков не был слышен прохожими.

С неменьшими трудностями было сопряжено и оснащение типографий техническим оборудованием. Преодолевая массу препятствий, подвергаясь преследованиям, русские марксисты создавали в различных городах России первые подпольные типографии. В начале они были небольшими. Они были оборудованы гектографами, мимеографами и печатными станками.

В конце 90-х годов появляются подпольные типографии в одном из промышленных районов страны — Урале и первые нелегальные издания.

---

[1] И. Т. Левитос, М. А. Москалев, Е. М. Фингерит. Революциоиные подпольные типографии в России. Госполитиздат, 1962, стр. 75.

[2] Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. 4000, д. 81, л. 165.

[3] И. Т. Левитос, М. А. Москалев, Е. М. Фингерит. Революциоиные подпольные типографии в России. Госполитиздат, 1962, стр. 83.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 7, д. 29200, л. 1.

Учащимися Уральского горного училища в Екатеринбурге выпускался нелегальный журнал «Уралец», печатавшийся на гектографе. На его страницах помещались статьи политического характера [1].

В 1897—1898 гг. в Екатеринбурге вела работу социал-демократическая группа в составе Ф. Ф. Сыромолотова, М. М. Берцинской-Розенберг, Д. Кремлева, М. Кускова, С. Полузадова, Н. Санина и др.[2] Она печатала на гектографе и распространяла прокламации и листовки.

К первомайскому празднику 1898 года эта группа впервые выпустила и распространила листок под названием «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В нем разъяснялось значение международного праздника трудящихся, говорилось о гнете и бесправии масс, о необходимости укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Листок заканчивался словами: «Долой самодержавие! Да здравствует социал-демократическая рабочая партия!».

Группой было принято решение о создании подпольной типографии и выпуске газеты или журнала. Спустя несколько месяцев, через типографского рабочего Емельянова удалось достать шрифт [3]. Был тщательно продуман вопрос о месте типографии. Ее решили разместить в Башкиле — глухом малонаселенном прииске, расположенном далеко от железнодорожной станции. Типографию оборудовали в квартире управляющего прииском Н. И. Кудрина, не вызывавшего подозрений у местных властей. В большом старом доме управляющего была комната, в которой, как было известно жителям, хранилось золото и деньги. Она была совершенно недоступна для посторонних. Все это создавало на редкость благоприятные условия для устройства типографии [4]. Организаторами первой уральской подпольной типографии были: Ф. Ф. Сыромолотов, М. М. Берцинская-Розенберг, Н. И. Кудрин [5]. Был выпущен сборник статей тиражом 600 экземпляров. Но типография просуществовала недолго, в 1899 г. она подверглась разгрому.

Достаточно хорошо были оборудованы подпольные типографии в Киеве, Екатеринославе, Одессе, Харькове, Новгороде, Орле и других городах России.

В статье «Из прошлого рабочей печати в России» В. И. Ленин указывал, что периодом, с которого начинается рабочая печать в России, были 1895—1896 гг., положившие начало пролетарскому этапу освободительного движения. Прокламации, листовки и т. п., выпущенные подпольными типографиями по злободневным вопросам рабочего движения, стали организующей силой в экономической и политической борьбе рабочего класса. Передовые представители рабочего класса увидели своего настоящего врага и поняли необходимость совместной, организованной борьбы. Поняли, что истинными защитниками их интересов являются социал-демократы.

Первые подпольные типографии подготовили необходимые условия для организации общерусской политической газеты. Но в организации рабочей печати этого периода имелись существенные недостатки. Наличие мелких подпольных типографий приводило к кустарничеству в работе, к дроблению сил и снижению общего уровня социал-демократической печати. Это усугублялось появлением в рядах социал-демократов экономистов, которые пытались теоретически обосновать свое преклонение перед стихийностью. Чтобы изжить создавшееся положение, марк-

---

[1] Партийный архив Свердловского обкома КПСС (ПАСО), ф. 41, оп. 1, д. 2259; л. 5.
[2] Там же, л. 9.
[3] М. М. Эссеи. Первый штурм. Изд. «Молодая гвардия», 1957, стр. 51.
[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1250, лл. 13—14.
[5] В газете «Уральский рабочий» от 13 октября 1965 г. были помещены снимок видных уральских социал-демократов и заметка «Первопечатники». Но автор заметки, иа иаш взгляд, допустил грубую ошибку, включив в число члеиов редакции Доменова, который, по даиным ряда источииков, был провокатором и иа следствии выдал члеиов редакции. ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2259, л. 9—10.

систы России должны были решить первоочередную задачу: «...довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства»[1].

Решению этой задачи «...должна служить — пока мы не завоевали политической свободы — революционная газета, без которой у нас невозможна никакая широкая организация всего рабочего движения»[2]. Такой газетой являлась «Искра», главным назначением которой было создание марксистской партии в России. Она должна была стать не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором, объединить широкую сеть агентов и корреспондентов. Большинством социал-демократических организаций идея создания газеты «Искра»[3] была одобрена. Со всеми подробностями был решен вопрос о создании пунктов корреспондентской связи. Разносторонняя и скрытая деятельность газеты обеспечивала успешную работу в условиях подполья. Выпуск газеты было решено организовать в Мюнхене. Сюда переезжает «русская половина» искровской редакции. Недавно в Мюнхенском городском архиве найден документ, представляющий большую историческую ценность. Из документа следует, что Ленин и Крупская поселились в Мюнхене в сентябре 1900 г. под именем Иордановых.

Как издатель «Искры», В. И. Ленин скрывался также под фамилией Мейера, а с 18 мая 1901 г. по апрель 1902 г. он жил с болгарским паспортом. Редакция «Искры» помещалась по адресу Кайзерштрассе 53-а, в темной комнате, принадлежащей гостинице «ЦУМ Гольденен Онкель», владельцем которой был социал-демократ Рит-Майер[4]. В. И. Ленин много внимания уделял организации прочных связей редакции «Искры» с социал-демократическими организациями России. Без них нельзя было получать материальную помощь, распространять газету, получать корреспонденции и вести повседневную работу, направленную на объединение этих организаций вокруг «Искры».

К апрелю 1901 г. эти связи были налажены достаточно хорошо. В различных районах России имелись группы содействия «Искре». Они проводили многогранную работу, направленную на всемерную поддержку газеты. Так, «группа содействия «Искре», работавшая на юге, состояла в самой деятельной переписке с редакцией и проводила следующую работу: 1) собирала деньги на «Искру» (с декабря 1900 г. по август 1901 г. всего было собрано 1253 руб. 44 коп.); 2) доставала адреса для посылки «Искры» в конвертах; 3) устроила в своем городе склад искровской литературы и создала явки, по которым можно было доставлять литературу с оказиями; 4) посылала корреспонденции; рассылала и развозила эту литературу по другим городам; 5) оказывала «Искре» услуги в деле устройства транспорта и техники[5]. Такие же функции выполняла группа, жившая под Петроградом. Эта группа, пользуясь близостью такого крупного революционного центра, каким был Петроград, особенно много сделала по доставке корреспонденций и всякого рода сведений. Восточная группа, оказывая «Искре» денежную помощь, только в течение первого года прислала редакции 600 рублей[6].

По указанию В. И. Ленина искровскую группу в Пскове, где намечалось создать опорную базу социал-демократии на северо-западе России, должны были возглавить А. И. Стопани, П. Н. Лепешинский, в

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 194.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 192.
[3] По соображениям конспирации редакцию газеты «Искры» в переписке называли «Феклой».
[4] «Правда», 28 января 1966 г.
[5] Второй съезд РСДРП. Протоколы. Госполитиздат, 1959, стр. 565.
[6] Второй съезд РСДРП. Протоколы. Госполитиздат, 1959, стр. 565.

Риге — М. А. Сильвин, в Смоленске — И. В. Бабушкин, в Уфе — Н. К. Крупская и А. Д. Цюрупа. Были определены адреса, связи, явки в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Сызрани, Самаре, а также в ряде городов Украины. Местонахождение редакции тщательно скрывалось, все материалы в редакцию доставляли законспирированные представители социал-демократических организаций. Только они знали почтовый ящик «Искры». С № 1 по № 6 (с декабря 1900 года по июль 1901 года) газета издавалась без почтового адреса, лишь с лаконичной подписью: «Типография «Искры». В № 7 (август 1901 г.) появилось объявление следующего содержания: «По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой», людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штутгарде для редакции «Зари». Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры». Заявление о том, что редакция «Искры» «повторяет» о способе сношения с ней, было сделано в конспиративных целях. В № 9 «Искры» (октябрь 1901 г.) под тем же объявлением появляется приписка, в которой говорится, что адрес Дитца следует писать на внешнем конверте, а указание для передачи редакции «Зари» — на внутреннем конверте. Эта приписка была необходима потому, что германская полиция, осведомленная царской охранкой, стала искать, где печатается «Искра», и за Дитцом было установлено наблюдение. Затем адрес Дитца исчезает (он приютил у себя П. Струве) и появляется адрес П. Б. Аксельрода [1].

Одновременно с подготовкой к изданию «Искры» была проведена огромная работа по организации перевозки и распространению газеты в России. Это дело требовало всесторонне продуманных и согласованных действий всех участников, начиная с типографа и брошюровщика и кончая ломовым извозчиком, на обязанности которого лежала доставка издания в определенные пункты и в строго назначенное время. Малейший промах грозил тяжелыми последствиями не только для участников, но и для организаций, деятельность которых могла быть расшифрована жандармами.

Опыт работы по нелегальному распространению рабочей печати накапливался и расширялся постепенно, но неуклонно. Если в конце XIX века масштабы этой работы были не так велики, то с появлением ленинской «Искры» размах ее невероятно вырос и охватил многие районы России. В различных городах России и за границей создаются транспортные группы. В них работали Н. Э. Бауман, О. Пятницкий, М. М. Литвинов, П. Г. Смидович, Р. С. Землячка и др. Разрабатываются и уточняются маршруты транспортов литературы и совершенствуются способы ее распространения. Наиболее безопасным путем доставки литературы из Швейцарии в Россию считался путь через Швецию и Норвегию. Это не было случайным, так как через эти страны свободно пересылалась вся литература, издававшаяся в Европе.

В начале, как отмечали в своих воспоминаниях агенты «Искры», эта литература поступала небольшими партиями через сочувствующих социал-демократам кондукторов, кочегаров и машинистов Финляндской железной дороги. Затем была установлена более тесная связь с финскими революционерами. Через них легче было найти квартиры, адреса и т. п. для получения литературы. Все это позволило наладить перевозку изданий через Стокгольм, Гельсингфорс, Выборг. Массовая пересылка их багажом шла в адрес Народного дома в Стокгольме и оттуда на пароходах «Борэ I» и «Борэ II» направлялась в Гельсингфорс, а затем

[1] Техника большевистского подполья. Сборник статей и воспоминаний. Госиздат, М.-Л., выпуск 1, 1924, стр. 222—224.

в Выборг. Связь с Народным домом осуществлялась через руководителя социал-демократической партии Швеции Брантинга[1].

Центром всех связей на границах, основным нервом подпольной техники по снабжению России заграничной литературой являлась техническая, особо конспиративная берлинская группа, возглавляемая Осипом Ароновичем Пятницким, жившем под именем Фрейтага. Группа держала в своих руках все конспиративные связи на границах, вела сношения с техническими агентами внутри России. Эта нелегальная экспедиция находилась в подвальном этаже здания, занятого редакцией, складами и типографией центрального органа Германской социал-демократической партии — «Форвертс»[2]. Работа группы была сопряжена с огромными трудностями. Она требовала, если можно так выразиться, двойной конспирации: надо было скрывать деятельность и от германской полиции, и от царской охранки, ибо они действовали в полном контакте. Кроме того, вожди Германской социал-демократической партии боялись скомпрометировать партийное учреждение участием в конспиративной работе русских революционеров. Из Женевы литература поступала в Берлин. Здесь она сортировалась и зашивалась в пакеты, удобные для транспортировки. Затем различными путями пересылалась в Россию. Мелкие транспорты литературы направлялись в переплетах книг, альбомов, гипсовых фигурках. Для пересылки литературы широко использовались обучающиеся за границей студенты во время их каникулярных поездок в Россию.

В письме Комитета заграничной организации местным большевистским группам настойчиво рекомендовалось использовать поездку студентов на каникулы для расширения связей партии и распространения литературы. «Ув. тт!,— говорилось в письме,— приближается наступление каникул, масса заграничной молодежи хлынет в Россию, и группам необходимо приложить все усилия к тому, чтобы использовать в интересах партии это временное переселение учащейся публики. Необходимо постараться переслать через нее возможно больше литературы, необходимо снабдить всех, кого следует, заграничными адресами для пересылки сюда местных русских изданий, корреспонденций, денег и пр. Необходимо получить возможно больше адресов для пересылки литературы в конвертах; необходимо агитировать среди отъезжающих за посильное содействие партии в течение временного пребывания на родине и др. В этом направлении стоит напрячь все силы. Наша энергия вполне окупится»[3]. Систематически практиковалась также пересылка газет и в отдельных конвертах почтой по определенным русским адресам.

В южные районы России «Искра» доставлялась по маршрутам: Вена — Тавриз — Баку и Архангельск — Батум — Одесса. Первый транспорт был организован жившими в Тавризе армянскими революционерами. Конспиративное название этого маршрута было «Лошади», так как литература до Баку перевозилась на лошадях. По второму маршруту перевозка литературы осуществлялась на русских и иностранных пароходах.

«Искра» поступала и на Урал, причем, непосредственно из-за границы, через Петербург, Москву, Баку, Самару и другие города.

Особенно часто газеты поступали в Пермь, Уфу, Алапаевск, Екатеринбург и другие места, где существовали конспиративные квартиры[4]. Из этих квартир «Искру» переправляли дальше по заводам. Например, нелегальная социал-демократическая литература, в том числе «Искра», поступала в охотничью избушку, вниз по Каме от Перми, недалеко от железнодорожного моста. В каталоге Мотовилихинской нелегальной

[1] Е. Д. Стасова. Страницы жизни и борьбы. Госполитиздат, 1960, стр. 26—27.
[2] М. Лядов. Из жизни партии (воспоминания). Госполитиздат, 1956, стр. 12.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 355, оп. 1, д. 13, л. 2.
[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 26, л. 28.

библиотеки, перехваченной полицией в 1904 г., значился полный комплект ленинской «Искры». В одном из домиков Екатеринбурга был также устроен склад для хранения нелегальной литературы и партийных документов [1].

Поступавшие в Россию из-за границы партийные издания, а также выпускавшиеся на местах газеты, листовки, прокламации и другую литературу социал-демократические организации распространяли среди трудящихся. На местах создавались конспиративные квартиры, подбирались специальные люди, совершенствовались способы хранения и доставки литературы по назначению.

Переносить и распространять листовки, тем более газету «Искра», поручалось тем партийцам, которые имели внешние данные обычного прохожего. Соответствующим образом они и одевались. Как пишет в воспоминаниях старая коммунистка А. П. Кин, Екатеринбургские социал-демократы часто поручали ей выполнение подобных задач. В простом будничном костюме заводской женщины, накрывшись большой шалью, обложив себя кругом прокламациями, А. П. Кин доставляла их на заранее указанную квартиру [2].

О своем участии в распространении нелегальной литературы в Перми пишет в своих воспоминаниях представительница старой гвардии Ю. А. Хлынова-Деменчук. Вместе с подругой они одевались в специально сшитые для этой цели шаровары, наполняли их листовками, засовывали листовки в рукава, за пояс и, «превратившись таким образом в мешки с бумагой, мы отправлялись в путь». Листовки доставлялись в специально оборудованную землянку. Позже туда приходили другие члены социал-демократической организации и забирали литературу для распространения среди рабочих. В целях конспирации прямая связь отсутствовала [3].

Использовались для переноски и распространения литературы учащиеся гимназий и реальных училищ. Трудно было кому-нибудь догадаться, что, скажем, гимназистки в ранцах переносят литературу, типографский шрифт, а иногда и оружие [4]. На заводах и фабриках литература распространялась самыми различными способами: раскладывалась по ящикам для инструмента, расклеивалась в цехах, вкладывалась в карманы пальто и т. д. [5].

Несмотря на многочисленные препятствия и трудности, благодаря умелой конспирации, газета «Искра», ленинские работы, листовки местных социал-демократических комитетов получили широкое распространение. Ленинские идеи все шире и глубже проникали в сознание партийных и беспартийных рабочих, воспитывали их и освещали путь последовательной и решительной революционной борьбы.

Всю работу агентов «Искры» — искровских организаций в России возглавлял В. И. Ленин — величайший мастер конспирации. Он сам лично или через Н. К. Крупскую поддерживал переписку со всеми искровскими организациями, был в курсе практических дел в стране, постоянно давал советы, указания. Н. К. Крупская отмечала: «Владимир Ильич просматривал каждое письмо. Мы знали очень подробно, кто из агентов «Искры» что делает, и обсуждали с ними всю их работу; когда между ними рвались связи, связывали их между собой, сообщали о провалах и пр.» [6].

---

[1] Ф. А. Александров. Ленинская «Искра» на Урале. Пермское книжное издательство, 1953, стр. 28.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1250, лл. 14—16.
[3] ПАПО, ф. 90, оп. 3, личное дело Ю. А. Хлыновой-Деменчук, л. 6.
[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1862, л. 8.
[5] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1696, лл. 12, 20.
[6] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 62.

Газета «Искра», редактируемая В. И. Лениным, обеспечила решение ряда важных, принципиальных и жизненно необходимых в период борьбы за создание партии задач; с ее выходом наступает новый, более высокий этап в развитии рабочей печати. Подпольные типографии появляются в 24 городах России[1]. Пропагандистская работа обогатилась новыми формами, расширились ее масштабы, она тесно связывалась с революционной практикой.

Политический авторитет газеты был необычайно высок. Это объяснялось тем, что на ее страницах разрабатывались вопросы теории, велась непримиримая борьба с ревизионистами и догматиками, публиковались секретные документы царских властей. В первый год «Искра» напечатала 14 таких документов, в следующий — предала гласности вдвое больше секретных циркуляров Министерства внутренних дел, департамента полиции, губернаторов, приказов военного министра и командующих военными округами, материалов о деятельности Государственного Совета, церкви, цензуры, судебных органов, финансового и почтового ведомств.

С появлением «Искры» установились прочные, систематические, действенные связи заграничного центра с осуществлявшими практическую работу партийными организациями. Впервые газета выступила как организационный центр, вокруг которого собирались кадры социал-демократии. Когорту профессиональных революционеров составляли агенты и корреспонденты «Искры», прошедшие труднейшую школу нелегальной работы. Их В. И. Ленин противопоставлял типу «жалких кустарей» в партийной работе, которые культивировались «экономистами». Ленинская «Искра» развивала классовое сознание пролетариата, помогла ему выйти из узкого мирка местных интересов и подняться до понимания общих задач революционного движения. Принципиальная защита интересов народа принесла газете известность, любовь. Образовавшийся летом 1903 г. Средне-Уральский комитет РСДРП, поддержал «Искру» и горячо приветствовал решения II съезда партии.

[1] Ж. «Каторга и ссылка», 1926, № 4 (25), стр. 139.

Кандидат исторических наук, доцент И. Ф. ПЛОТНИКОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1919 гг.)

После Великой Октябрьской социалистической революции Урал не переставал быть ареной ожесточенной классовой борьбы. Рабочим, трудящимся крестьянам приходилось с оружием в руках отстаивать Советскую власть от дутовцев и других врагов. На долю трудящихся Урала, как и многих других районов страны, выпали тягчайшие испытания в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Более года на Урале шло ожесточенное сражение между Красной Армией, с одной стороны, белогвардейцами и интервентами — с другой. На протяжении длительного времени Урал находился под пятой контрреволюции.

В ходе борьбы за восстановление Советской власти трудящиеся Урала проявили свои лучшие качества, стойкость и волю к победе, преданность идеалам коммунизма. Вместе с тем накануне и в начальный период иностранной военной интервенции и гражданской войны среднее крестьянство, большая часть трудящегося казачества, а в некоторых районах и часть рабочих проявили колебания, оказали поддержку контрреволюции. Но в дальнейшем они совершили поворот в сторону Советской власти, включились в борьбу за нее. Поворот середняка на сторону Советской власти прежде всего и предопределил победу Красной Армии над колчаковцами и интервентами.

Этот поворот среднего крестьянства, нарастание революционной борьбы трудящихся масс во многом обеспечивались неустанной организационно-политической деятельностью Коммунистической партии. Большую роль в мобилизации рабочих и трудящихся крестьян на последовательную и решительную революционную борьбу сыграли большевистские организации, действовавшие во вражеском тылу.

* * *

События гражданской войны на Урале неизменно привлекают внимание широких кругов историков. За истекшие десятилетия написано немало книг, брошюр и статей, посвященных этой теме. В этой литературе основное внимание уделяется военным событиям, общим вопросам борьбы трудящихся во главе с коммунистами против контрреволюционных сил, однако не обойдена и деятельность большевистского подполья в тылу врага. Значительное внимание историков к большевистскому подполью объясняется прежде всего тем, что оно вместе с партизанским

движением сыграло исключительно большую роль в разгроме белогвардейцев и интервентов.

Специальных историографических работ по большевистскому подполью на Урале в тылу белогвардейцев и интервентов не имеется. Можно указать лишь на два сообщения, авторы которых уделили внимание историографии большевистского подполья на Урале и Зауралье[1].

В данной статье мы делаем первую попытку дать обзор и анализ литературы, посвященной большевистскому подполью на Урале в годы гражданской войны. Мы укажем на исторические работы, а также на воспоминания и сборники документов, так как все они вместе и дают представление читателю о борьбе коммунистов в тылу врага.

Эта литература в историографических работах не без основания рассматривается по трем периодам: первый — 1920—1936 гг.; второй — 1937—1956 гг.; третий — 1957—1966 гг.

В первый период (1920—1936 гг.) вышла только одна работа о большевистском подполье на Урале в годы гражданской войны. Это была статья Е. Гольдича «Большевистское подполье во время колчаковщины»[2]. Она проливала некоторый свет на антиколчаковское движение на Урале, на революционную работу коммунистов-подпольщиков. Конкретных сведений о подпольных организациях на Урале, исключая Челябинск, Е. Гольдич не приводит. Круг источников, который он использовал, был весьма узок и сводился в основном к материалам следствия, произведенного колчаковцами над челябинскими коммунистами. Автор статьи цитирует и пересказывает эти документы, без критического отношения к ним, без проверки другими источниками, и допускает отдельные ошибки. В частности, Е. Гольдич не смог разобраться в вопросе о партийных центрах, руководивших подпольной работой на Урале и в Сибири, поэтому отделение Сибирского бюро ЦК РКП(б) в Вятке он называет отделением Уральского бюро Сибирского областного подпольного комитета партии и т. д.

Таким образом, начало разработки истории большевистского подполья на Урале при Колчаке, правда, не совсем удачное, было положено в 20-х годах.

Тридцатого июля 1931 г. было принято постановление ЦК РКП(б) об издании истории гражданской войны. Интерес к этой теме возрос. Спустя несколько лет, было положено начало издания многотомной «Истории гражданской войны в СССР», прерванное затем на длительный период. Собственно, гражданская война и иностранная военная интервенция в первых двух томах отражения не получили.

На Урале в первой половине 30-х годов также наблюдалось некоторое оживление в изучении и освещении истории гражданской войны. Однако публикаций, в которых описывалось бы большевистское подполье в белогвардейском тылу, не появлялось.

Более удачно освещался этот вопрос в воспоминаниях участников. В 1921—1932 гг. в различных сборниках появились воспоминания А. А. Брагинского[3], В. Заикина[4], И. Н. Смирнова[5], Е. А. Шепелева[6]

---

[1] Н. Ф. Варгин. К историографии большевистского подполья в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. «Вопросы истории КПСС», 1965, № 9; П. И. Рощевский. К вопросу историографии гражданской войны в Зауралье в 1918—1920 гг. «Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района» (февраль 1963 г.). Исторические науки. Уральский ун-т. г. Свердловск, 1963.

[2] «Уральский коммунист», 1929, № 11—12.

[3] Сб. «Рабочая революция на Урале». Эпизоды и факты, 1917—1921 гг. Госиздат, Екатеринбург, 1921.

[4] Сб. «Гражданская война в Башкирии», Уфа, 1932.

[5] Сб. «Борьба за Урал и Сибирь». М.—Л., 1926 и сб. «Октябрь на Южном Урале». Златоуст, 1927.

[6] Сб. «Рабочая революция на Урале» и сб. «Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.)», изд. Уралпрофсовета, Свердловск, 1929.

и Шлепенко[1]. В них сообщались некоторые сведения о большевистском подполье в Екатеринбурге и Миньяре. Более подробно об одной из крупнейших организаций — Екатеринбургской — говорилось в воспоминаниях Е. А. Шепелева. Он назвал имена подпольщиков, работавших во главе с А. Я. Валеком, указал на некоторые обстоятельства и причины провала организации весной 1919 г.

Е. А. Шепелев, а также историки в последующий период писали, что будто бы после арестов коммунистов в марте — апреле, организованная подпольная работа в городе не возобновлялась. Однако документы убедительно доказывают, что весной и летом 1919 г. в г. Екатеринбурге проводилась большая подпольная работа[2].

Что касается воспоминаний Смирнова, входившего в троцкистскую оппозицию, то они содержали некоторые (не всегда достоверные) факты о работе Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б), о революционной борьбе трудящихся Урала и Сибири в тылу противника. В этих воспоминаниях проводится несостоятельная троцкистская концепция о том, что будто бы рабочий класс Сибири был малочисленен, распылен и не мог стать организующим ядром, стержнем, вокруг которого могла бы сплотиться крестьянская сила. В действительности рабочий класс Сибири не был распылен, наоборот, он сыграл выдающуюся роль в сплочении трудового крестьянства на революционную борьбу.

В 20-е годы началась публикация сборников документов, в которых, однако, сведений о большевистском подполье на Урале было мало[3]. Наибольший интерес представляют резолюции III Сибирской нелегальной конференции РКП(б), имеющие определенное отношение к деятельности уральских большевистских организаций, и доклад отделения Урало-Сибирского бюро о работе со дня организации отделения по 10-е марта 1919 г.[4]

Несмотря на то, что в сборниках имелись крупные недостатки с археографической стороны, с точки зрения подборки и группирования материалов, они все же явились значительным этапом в изучении архивных фондов и в выборочной публикации документов.

Во второй период (1937—1956 гг.) в Советской стране началось оживление исторической науки, исследователи истории гражданской войны стали основательней изучать архивные документы. Были изданы некоторые научно-исследовательские работы обобщающего характера. Вместе с тем в науку, особенно историческую, все сильней проникал культ личности Сталина. Он не приостановил развития исторической науки, но явился серьезным сдерживающим фактором в работе ученых, практически лишал их возможности по-настоящему, творчески подходить к разработке проблем истории гражданской войны. Культ личности сказался и в том, что публикация воспоминаний участников гражданской войны почти полностью прекратилась. Многие из авторов оказались незаконно репрессированными. Некоторые участники подпольной революционной борьбы были объявлены «врагами народа». Поэтому историкам не представлялось возможным писать о их деятельности, а подчас и о целых организациях, которые они возглавляли.

В течение двадцатилетнего периода (1937—1956 гг.) на Урале не было опубликовано ни одного воспоминания бывших подпольщиков, не говоря уже о сборниках воспоминаний. Не выходили на Урале и сбор-

[1] «Гражданская война в Башкирии».

[2] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 236, оп. 1, д. 18, л. 6; ф. 1437, оп. 1, д. 181, лл. 10, 12; д. 182, лл. 8—13; ф. 3825, оп. 1, д. 24, л. 899. Партийный архив Свердловского обкома КПСС (ПАСО), ф. 41, оп. 1, д. 787, лл. 14—16; ф. 221, оп. 2, д. 306, лл. 1—10.

[3] «Колчаковщина», Сборник Истпарта при Уралобкоме РКП(б). Изд. «Уралкнига», Екатеринбург, 1924. «Колчаковщина на Урале». Под редакцией Таняева. Изд. Уралпрофсовета, Свердловск, 1929.

[4] Сб. «Колчаковщина на Урале», стр. 175—185.

ники документов. В отличие от других районов страны, в частности Сибири, здесь не было сделано значительного шага и в разработке истории большевистского подполья в тылу белогвардейцев и интервентов. Единственным изданием был небольшой сборник статей «Разгром колчаковщины на Урале»[1], основательно пропитанный культом личности. В нем была помещена статья Р. М. Рубинштейна «Большевистское подполье при Колчаке». Автор стремился раскрыть тему большевистского подполья на Урале в обобщенном виде. Он остановился на руководстве Центрального Комитета большевистским подпольем в тылу белогвардейцев, на решениях Сибирской подпольной конференции, на образовании и действиях Сибирского бюро ЦК. В статье отмечается, что «в тылу Колчака на Урале почти в каждом крупном центре создаются подпольные организации»[2]. Такой вывод в литературе был сделан впервые, и в общем он был правильным. Р. М. Рубинштейн кратко описал революционную работу нескольких организаций, остановился на причинах провала в Челябинске и Екатеринбурге в марте — апреле 1919 г.

Но в статье имеются и недостатки. Из поля зрения автора фактически выпадают события июня — октября 1918 г. и апреля — августа 1919 г. Не освещается работа подпольных организаций таких крупных городов, как Уфа, Курган, Тюмень, Пермь и других. В статье допущены многочисленные фактические ошибки. Высказывание Р. М. Рубинштейна, будто «в сентябре 1918 г. в Челябинске создается Центральный Комитет подпольных организаций РКП(б) Урала и Сибири»[3], надолго вошло в историческую литературу, тем не менее оно совершенно ошибочное. В Челябинске такого центра не создавалось[4]. Нет каких-либо документальных сведений, которые бы подтверждали достоверность высказываний автора о восстаниях рабочих Михайловского и Бисертского заводов, заключенных в Екатеринбургской и Челябинской тюрьмах.

Вот и все то немногое, что было опубликовано историками, мемуаристами за очень длительный период (1920—1956 гг.).

Несмотря на крайне ограниченное количество изданий и на их недостатки, они содержали в себе много ценного. Авторы первых статей и воспоминаний попытались не только осветить историю большевистского подполья в некоторых городах, но и вскрыть его связь с ЦК партии.

В третий период (1957—1966 гг.), после XX съезда КПСС, положение с разработкой истории гражданской войны на Урале, истории подпольной деятельности коммунистов коренным образом изменилось. Разоблачение и искоренение последствий культа личности, широкий доступ к архивным документам, улучшение издательского дела, рост активности исследователей привели к резкому количественному и качественному росту исторической литературы о большевистском подполье. После 1956 г. в свет вышел ряд интересных книг, брошюр, посвященных гражданской войне. Большим событием явилось завершение издания многотомной «Истории гражданской войны в СССР»[5]. В 3—4

---

[1] Сб. «Разгром колчаковщины на Урале». Свердловск, 1939.

[2] Сб. «Разгром колчаковщины на Урале». Свердловск, 1939, стр. 73.

[3] Сб. «Разгром колчаковщины на Урале». Свердловск, 1939, стр. 70.

[4] Источником для утверждения о существовании в Челябинске ЦК подпольных большевистских организаций Урала и Сибири послужил один из белогвардейских документов (см. ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 66). В Челябинске существовал лишь общегородской комитет РКП(б), который коммунистами иногда именовался «Центральным», в отличие от районных (см. ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 7, а также ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 31, лл. 9—14). Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 5, оп. 2, д. 632, лл. 3, 4; д. 626, л. 2.

[5] История гражданской войны в СССР. Госполитиздат, т. 3, 1957 т. 4, 1959 т. 5, 1960.

томах монографии приводятся некоторые сведения о большевистском подполье на Урале, в основном в Екатеринбурге. Однако с некоторыми положениями авторов согласиться нельзя. На странице 138-й 4-го тома говорится, что на Урале особенно активными, сильными были подпольные организации «в Екатеринбурге, Перми, Нижнем Тагиле, Алапаевске, Невьянске, Кушве, Надеждинске и Челябинске». Следует сказать, что в этих городах, кроме Челябинска и Екатеринбурга, подпольные организации, группы были сравнительно небольшими. В некоторых из этих городов, например, Кушве и Невьянске, вряд ли существовало организованное большевистское подполье. В то же время документы и воспоминания свидетельствуют о том, что многочисленные и сильные подпольные организации действовали в таких уральских городках, как Уфа, Курган, Троицк, Златоуст, Миньяр, Сим и др.[1] Подобные досадные ошибки и неточности несколько снижают значение крупного коллективного исторического исследования.

Подпольная деятельность коммунистов Урала нашла отражение в книгах П. С. Лучевникова «Гражданская война на Южном Урале»[2], Н. К. Лисовского «Разгром дутовщины» (1917—1919 гг.)[3], Л. М. Спирина «Разгром армии Колчака»[4] и И. Ф. Плотникова «Десять тысяч героев»[5].

В трех последних работах вопросу большевистского подполья отводится незначительное место. Однако в книге П. С. Лучевникова многие страницы посвящены подпольной деятельности коммунистов в Челябинске, Троицке, Симе и других южно-уральских городах. Некоторые сведения, приведенные автором, например, решения подпольных конференций в Троицке, представляют определенный интерес. В целом же глава книги «Подпольная работа в тылу у белых» не может быть названа удачной. П. С. Лучевников не поставил каких-либо значительных проблем, не дал анализа приведенным материалам. При подготовке работы он использовал в основном лишь воспоминания. Автор не сопоставил их с архивными документами, некритически отнесся к приведенным фактам и поэтому допустил ошибки.

П. С. Лучевников неправильно освещает образование и деятельность Сибирского бюро ЦК и его отделения, допускает неточности в определении их состава. В книге в несколько раз преуменьшается число коммунистов, посланных Сибирским (Урало-Сибирским) бюро ЦК в тыл врага. Названную автором цифру «до 40 человек»[6], как свидетельствуют документы, надо увеличить по крайней мере до 132[7]. Совершенно ошибочны также утверждения автора книги о том, что будто рабочие Челябинска, Карабаша и других уральских городов «ответили на омский переворот Колчака целым рядом выступлений, гневными резолюциями протеста» и т. д.[8] Ничего подобного уральские рабочие, руководимые коммунистами, не предпринимали, так как не видели никакой разницы между колчаковской и доколчаковской буржуазной диктатурой и не намерены были защищать эсеровско-меньшевистскую

---

[1] ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 20, л. 14; ф. 236, оп. 1, д. 13, ч. II, л. 253; Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 6, д. 35, лл. 10, 11; ф. 70, оп. 3, д. 77, л. 230; ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 3.

[2] П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале 1918—1919 гг. Челябинск, 1958.

[3] Н. К. Лисовский. Разгром дутовщины (1917—1919 гг.). Воениздат, М., 1964.

[4] Л. М. Спирина. Разгром армии Колчака. Госполитиздат, 1957.

[5] И. Ф. Плотников. Десять тысяч героев. Легендарный рейд уральских партизан во главе с В. К. Блюхером. Изд. «Наука», М., 1966.

[6] П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале, стр. 94.

[7] ПАСО, ф. 41, оп. 1, дела: 504, 505, 506, 885; ф. 221, оп. 2, д. 106; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, 584, 585; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 35, лл. 34, 71, 72 и др.

[8] П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале, стр. 98, 109.

контрреволюцию. Они решительно боролись против обеих этих диктатур, против Колчака и его пособников [1].

Приходится сожалеть о том, что П. С. Лучевников воспоминания ряда членов мелкобуржуазных групп в Челябинске принял за воспоминания коммунистов. Анархистов и левых эсеров, в том числе Берестова, Скребкова, он выдает за активных членов большевистской подпольной организации, отводит много места характеристике их деятельности [2]. В то же время автор даже не упоминает о таких виднейших коммунистах, как О. П. Хотеенков, М. С. Иванов, И. Х. Васанов, В. Г. Киселев, В. А. Вожаков и др.[3] Многие события в книге датируются неправильно, допускаются ошибки при выявлении руководящего состава организаций, времени образования подпольных комитетов и т. д. Автор полагает, что с осени 1918 г. Челябинскую организацию возглавил З. И. Лобков. В действительности же этот коммунист приехал в город примерно 10 марта 1919 г., за две недели до провала организации, значительной роли в ней не сыграл и не мог сыграть [4].

Все это говорит о необходимости более углубленного изучения и правильного освещения истории большевистского подполья на Южном Урале.

В последние годы опубликованы работы нескольких авторов, полностью посвященные подпольной деятельности уральских коммунистов в период гражданской войны, в том числе: Е. Д. Агальцевой «Подпольная деятельность коммунистов в колчаковском тылу» [5] и И. Ф. Плотникова «Коммунистическое подполье Екатеринбурга в период колчаковщины» [6] и «Борьба трудящихся Урала в тылу врага» [7].

Работу Е. Д. Агальцевой следует отнести к числу удачных. Она выгодно отличается от публикаций Р. М. Рубинштейна и П. С. Лучевникова. Е. Д. Агальцева изучила более широкий круг документов и материалов, избежала многих ошибок, допущенных в ранее вышедших исторических работах. Значительное внимание автор уделяет агитационной деятельности подпольщиков, вооруженным выступлениям трудящихся Урала, работе коммунистов в колчаковских войсках. Правда, работа Е. Д. Агальцевой также не лишена недостатков. В ней приведены материалы только о тех подпольных организациях, о которых имелись сведения в изданной литературе. По-прежнему мы ничего не знаем о подполье на Северном Урале, в Башкирии, в Зауралье. Крайне слабо освещается деятельность подпольных организаций в течение лета и осени 1918 г., лета 1919 г. Это обедняет историю большевистского подполья. Допускаются и фактические ошибки. Так, автор утверждает, что подпольный революционный штаб в Троицке был создан 1 января 1919 г., в действительности он возник только в марте. Ошибается Е. Д. Агальцева, заявляя, что в тыл колчаковской армии А. Я. Валек, З. И. Лобков, Л. З. Годисова были направлены Центральным Комитетом партии. В действительности же они были направлены в тыл врага другими партийными органами. Что касается Л. З. Годисовой, то она вообще не переходила линии фронта [8].

[1] В письме к автору даниых строк однн из бывших руководнтелей Челябннской подпольной оргаиизации А. Н. Зыков отмечал, что «рабочие в Челябииске никогда ие выступалн н ие высказывались в пользу белогвардейщииы доколчаковского пернода».

[2] П. С. Лучевников. Граждаиская войиа на Южиом Урале, стр. 103—117.

[3] Партийный архив Челябниского обкома КПСС (ПАЧО), ф. 596, оп. 1, д. 329, лл. 28—30; д. 334, лл. 106, 112; д. 335, лл. 41, 134—147.

[4] ПАНО, ф. 5, оп. 2. д. 584, лл. 11, 12; д. 617, л. 8; д. 1499, л. 18,; д. 1503, л. 6; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835, л. 79.

[5] См. кн. «Коммунисты Урала в годы граждаиской войны». Свердловск, 1959.

[6] См. ки. «Большевикн Екатерннбурга во главе масс. Борьба за победу революцин н упрочеиие Советской власти (1894—1920 годы)». Свердловск, 1962.

[7] См. ки. «История Урала», т. II. Пермь, 1965.

[8] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1421; д. 1499, л. 6; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 61; Партийный архив Омского обкома КПСС (ПАОО), ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 3.

История большевистского подполья нашла отражение в публикациях О. А. Васьковского «Екатеринбург в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны»[1] и «Из истории гражданской войны на Урале»[2], А. М. Курочкина, А. С. Минского «Курган в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны»[3], И. Ф. Плотникова «Контрреволюция у власти»[4], П. И. Рощевского «Большевистская партийная организация Тюменской губернии в период иностранной военной интервенции, гражданской войны и ликвидации последствий колчаковщины (май 1918 — декабрь 1920 гг.)»[5].

В последние годы на Урале издается большое количество сборников статей высших учебных заведений. На страницах этих книг и журналов опубликовано немало работ, посвященных истории гражданской войны.

Ряд общих вопросов рассматривается в статьях Л. М. Спирина «О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б)»[6] и И. Ф. Плотникова «К истории партийных центров по руководству большевистским подпольем на Урале и в Сибири в годы гражданской войны»[7]. В этих работах предпринята попытка специально исследовать историю формирования и деятельности крупнейших партийных, в том числе и подпольных центров, через которые Центральный Комитет РКП(б) осуществлял руководство большевистским подпольем в тылу колчаковской армии и на Урале.

Статья М. В. Стародубцева «Большевики и трудящиеся горнозаводского Урала в борьбе против иностранных интервентов в период первого похода Антанты»[8] посвящена большевистскому подполью и партизанскому движению на большой части Урала. Однако эта работа, на наш взгляд, неудачная, она являет собой пример некритического отношения к использованным источникам, привнесения в разработку проблемы случайных, непроверенных и явно неверных фактов.

М. В. Стародубцев пишет, что существовало два отделения Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б), тогда как этот партийный орган имел только одно отделение — в Вятке. М. В. Стародубцев без ссылок на источники называет подпольные организации в таких городах, как Кушва, Невьянск, Верхне-Уральск, но даже не упоминает о тех организациях, которые действительно были и проводили большую работу, например, в Уфе, Миньяре, Троицке, Кургане, Тюмени и в некоторых других городах[9]. В статье говорится о вооруженных восстаниях, будто бы организованных подпольными комитетами весной 1919 г. в Березовском, Ирбитском, Туринском, Алапаевском, Красноуфимском, Артинском, Невьянском районах. При этом ссылок на источники автор не делает. Насколько нам известно, весной (7 марта 1919 г.) восстание произошло (если иметь в виду указанные районы) только в Туринске. Но и это восстание не было организовано подпольным комитетом по той простой причине, что такого подпольного комитета в этом городе не было[10].

[1] См. кн. «Очерки истории Свердловска». Свердловск, 1958.

[2] О. А. Васьковский. Из истории гражданской войны на Урале (Пособие к специальному курсу для студентов-заочников исторического факультета). Уральский госуниверситет. Свердловск, 1961.

[3] См. кн. «300 лет Кургану (1662—1962 гг.)». Краткий исторический очерк. Курган, 1962.

[4] См. кн. «История Урала», т. II. Пермь, 1965.

[5] См. кн. «Очерки истории партийной организации Тюменской области». Свердловск, 1965.

[6] «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2.

[7] Сб. «Из истории уральских партийных организаций». Изд. Свердловского горного института. Свердловск, 1964.

[8] Сборник научных работ кафедры марксизма-ленинизма Московского горного института, вып. 1. М., 1958.

[9] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, лл. 10, 11; ф. 70, оп. 3, д. 77, л. 230; ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 20, л. 14; ф. 236, оп. 1, д. 13, ч. II, л. 253; ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 3.

[10] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 253—268.

М. В. Стародубцев повествует о крупнейших восстаниях солдат, будто бы происходивших в Челябинске. В первом восстании, в марте 1919 г., по его словам, участвовали солдаты 11 эшелонов. О втором восстании он пишет следующее: «В мае 1919 г. в Челябинске вспыхнуло новое восстание солдат, организованное коммунистами. Восставшие захватили арсенал, 1500 винтовок, патроны к ним и другое оружие. Завязался бой. Восстание было подавлено прибывшими частями колчаковской армии» [1]. В обоих случаях автор ссылается на заметки в газетах. На самом деле этих восстаний не было. На них нет и малейшего намека в десятках воспоминаний челябинских подпольщиков. Нет о них также сведений в сводках, докладах белогвардейских военных и гражданских властей. В результате разгрома челябинской подпольной организации весной 1919 г. революционная работа в городе была резко ослаблена, многие коммунисты скрывались, они вынуждены были покинуть город.

Не соответствует действительности утверждение М. В. Стародубцева о действии «крупных соединений» партизан в районах Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Алапаевска, Уфы, Троицка, Челябинска и Оренбурга. Из статьи можно понять, что автор не имеет в виду партизанскую армию В. К. Блюхера, совершившую летом и в начале осени 1918 г. рейд из района Белорецка к Кунгуру. Но иных соединений партизан на Урале не существовало ни в 1918 г., ни в 1919 г. Более или менее крупные отряды, возникшие весной и летом 1919 г. (Троицкий, Миньярский, Симский, Карабашский, Михайловский и некоторые другие), насчитывали только от 100 до 300 бойцов каждый [2].

Несмотря на некоторые, подчас существенные, недостатки работ, опубликованных после 1956 г., в целом они имеют большое значение. К тому, очень немногому, что было известно читателю о борьбе коммунистов и всех трудящихся Урала в тылу Колчака по двум небольшим статьям Е. Гольдича и Р. Рубинштейна, прибавились новые обширные сведения.

Большевистскому подполью, отчасти партизанскому движению в целом на Урале и в различных его районах, а также в Сибири посвящены статьи автора этих строк [3].

---

[1] Сборник научных работ Московского горного института, кафедра марксизма-ленинизма, вып. 1, стр. 68, 69.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 344, л. 52; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1460, лл. 19—21; ф. 221, оп. 2, д. 662, лл. 3, 4. Троицкий отряд, в отличие от других, достигал 500—550 человек и тем не менее не являлся «соединением».

[3] И. Ф. Плотников: Большевистское подполье Екатеринбурга в период колчаковщины. Труды Уральского политехнического института, сб. 103. Свердловск, 1960; Большевистское подполье в Сибири в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). Изд. Свердловского горного института, 1966; Большевистское подполье Северного Зауралья в борьбе с колчаковщиной. «Блокнот агитатора», изд. Тюменского обкома КПСС, 1964, № 14; Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1919 гг.). Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района, февраль, 1963. История КПСС. Свердловск, 1963; Большевистское подполье Южного Зауралья в колчаковском тылу. «Блокнот агитатора», изд. Курганского обкома КПСС, 1964, № 13, 14; Большевистское подполье Южного Урала в колчаковском тылу. «Блокнот агитатора», изд. Челябинского обкома КПСС, 1964, № 13; Большевистские подпольные организации Урала и Сибири во главе вооруженных выступлений трудящихся в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). В сб. «Тезисы докладов к конференции по итогам научно-исследовательских работ, выполненных в 1964 г. Изд. Свердловского горного института, 1965; Героический поход уральских партизан. «Блокнот агитатора», изд. Свердловского обкома КПСС, 1963, № 16; Деятельность Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) и его отделения (1918—1919 гг.). Сборник материалов научной конференции историков Урала. Апрель 1964. Изд. Уральского университета, Свердловск, 1967; Из истории 210-го стрелкового украинского полка. Военно-исторический журнал, 1966, № 4; Имени В. И. Ленина. «Урал», 1965, № 4; К вопросу о вооруженных восстаниях в колчаковском тылу (1918—1920 гг.). Сб. «Из истории партийных организаций Урала». Ученые записки, № 43. Изд. Уральского уни-

Вместе с коммунистами в подпольной революционной борьбе с Колчаком боролись и комсомольцы. В некоторых уральских городах существовали комсомольско-молодежные подпольные организации и группы, работавшие или под непосредственным руководством партийных организаций, или самостоятельно. Этому немаловажному вопросу уральские историки также посвятили несколько работ [1].

Таким образом, в последний период вышло в свет несколько десятков исторических работ, полностью или частично посвященных большевистскому подполью на Урале. С полным основанием можно утверждать, что данная проблема по-настоящему стала разрабатываться только в последние годы. Большинство авторов к изучению и освещению вопросов отнеслось очень внимательно. Они изучили документы, материалы центральных и местных архивов и другие источники. Вообще, в публикуемых материалах меньше стало допускаться ошибок и неточностей. Благодаря большим усилиям исследователей, в результате изучения новых многочисленных ценных документов стало известно о самоотверженной работе коммунистов-подпольщиков не только в крупнейших, но и в некоторых небольших уральских городах, заводских поселках, отдельных селах. Основательно изучается и освещается руководство Центрального Комитета партии, Сибирского бюро ЦК, его отделений партийными организациями в тылу противника и многие другие важные вопросы.

За последние десять лет очень много было издано воспоминаний. В 1957 г. в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции и в последующие годы на Урале было издано 8 сборников [2], в которых в числе других опубликованы воспоминания Ю. В. Антроповой, И. С. Белостоцкого, Р. И. Валек, С. М. Емелина, А. Н. Зыкова, П. И. Куликова, Д. Е. Лебединского, Г. К. Леканова, И. Ф. Масленникова, Е. Медяковой, П. А. Никитина, А. И. Покальнетова, А. Я. Попова, Я. М. Рослова, М. Д. Соловьева, П. П. Черепанова, А. Г. Чирухина, И. И. Шеломенцева, М. В. Шпанова, М. И. Яковлева и Ф. М. Янушев-

---

верситета, Свердловск, 1966; К вопросу о характере вооруженных восстаний в тылу Колчака. Известия Сибирского отделения АН СССР, 1966, № 1, вып. 1; Из истории образования 210-го стрелкового украинского полка. Военно-исторический журнал, 1966, № 4; Коммунисты алапаевского подполья в колчаковском тылу. Сб. «Вопросы истории Урала». Ученые записки № 4. Серия историческая, вып. № 2. Сборник 7. Изд. Уральского университета, 1967; Коммунисты Урала и Сибири во главе борьбы трудящихся крестьян в колчаковском тылу (1918—1920 гг.). В сб. «Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале». Материалы научной конференции. Уральский университет, 1963; О союзе пролетариата и крестьянства Сибири и Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны. В сб. «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири». Сборник 38. Изд. Свердловского педагогического института, 1966; Подпольные большевистские организации Урала во главе борьбы трудящихся крестьян против колчаковщины. В сб. «Из истории уральских партийных организаций». Изд. Свердловского горного института, 1964; Разбирая архивы «верховного правителя...». Страницы из истории большевистского подполья в тылу Колчака. «Урал», 1966, № 12; Славная страница истории Урала (Большевистское подполье и партизанское движение на Среднем Урале в годы гражданской войны). «Блокнот агитатора», изд. Свердловского обкома КПСС, 1964, № 12, 13.

[1] О. Ф. Боярских. Комсомол Урала в годы гражданской войны. В сб. «Научные труды Уральского лесотехнического института». Вып. XV. Сборник работ кафедры марксизма-ленинизма. Свердловск, 1957; Е. И. Моисеева. На фронтах гражданской войны. В кн. «Боевой путь Уральского комсомола». Свердловск, 1958; Н. К. Лисовский. Молодые бойцы революции. Комсомол Урала в борьбе за власть Советов. Челябинск, 1958; И. Ф. Плотников. Комсомольское подполье Урала в тылу Колчака. В сб. «От поколения к поколению». Свердловск, 1964; Его же. «Писарь с Мельковки». Новое о Васе Еремине. «Уральский следопыт», 1964, № 1; Его же. «Так начинался героический путь». «Блокнот агитатора», изд. Свердловского обкома КПСС, 1962, № 22. (Первые три работы посвящены комсомольскому подполью в тылу Колчака частично, а последние — полностью).

[2] «В борьбе за власть Советов». Воспоминания коммунистов — участников Октябрьской революции на Урале. Свердловск, 1957; сб. «В борьбе за власть Советов». Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны. Тюмень.

ского. В этих сборниках, как правило, освещены новые страницы большевистского подполья и антиколчаковского движения на Урале.

Наиболее значительными, на наш взгляд, являются воспоминания А. Н. Зыкова, А. Я. Попова, И. С. Белостоцкого, М. И. Яковлева, И. И. Шеломенцева и М. В. Шпанова. Эти коммунисты играли видную роль в Челябинской, Екатеринбургской, Курганской, Симской организациях. Так в воспоминаниях А. Н. Зыкова [1] достаточно подробно раскрывается возникновение и деятельность крупнейшей организации на Урале — Челябинской. Автор был членом ее подпольного комитета. Он хорошо знал жизнь, борьбу коммунистов, особенно железнодорожников. Из его воспоминаний мы узнаем, что уже летом 1918 г. в Челябинске шел процесс сплочения коммунистов и формирования единой организации. Много страниц уделяет А. Н. Зыков героической деятельности С. А. Кривой, В. И. Гершберга и других. И хотя А. Н. Зыкову не удалось избежать отдельных ошибок и неточностей [2], приведенные им сведения имеют исключительно большое значение.

Изданы воспоминания Р. И. Валек «Жизнь в борьбе» [3] и Я. М. Рослова «Боевые страницы революционного Октября в Челябинске» [4]. В основном эти брошюры посвящены подпольной деятельности коммунистов в Екатеринбурге и Челябинске в условиях белогвардейской диктатуры и, подобно другим воспоминаниям, они очень полезны для воспитания нашей молодежи на славных революционных традициях первого поколения коммунистов. В книге М. Н. Коковихина «Миньярское подполье» [5], которая по существу является также воспоминанием, в основном написано о дореволюционных событиях, но несколько страниц автор посвятил подпольной революционной борьбе коммунистов Миньярского завода против белогвардейцев и интервентов.

Отличительной особенностью мемуарной литературы последних лет является ее многообразие, использование некоторыми авторами содержательных документов, достаточно правдивое и достоверное описание событий. В воспоминаниях широкое освещение получила деятельность многих, незаслуженно забытых, видных участников гражданской войны. В них рассказывается не только о крупнейших городских, но и о некоторых заводских подпольных организациях и группах. К сожалению, до настоящего времени не опубликовано ни одного воспоминания, в котором бы рассказывалось о работе сельских большевистских организаций, хотя таких на Урале было немало.

В последние годы на Урале, после почти сорокалетнего перерыва, вновь стали выходить сборники документов, посвященные периоду гражданской войны. В двух из них: «Гражданская война на Южном

1957; сб. «Железнодорожники Челябинска в борьбе за власть Советов». Материалы в помощь лектору, докладчнку, пропагандисту н агитатору о 40-летии Велнкой Октябрьской соцналистнческой революцни. Челябинск, 1957; сб. «В боях и походах». Воспоминания участников гражданской войны иа Урале. Свердловск, 1959; «В пороховом дыму». Воспомнлаиня участннков граждаиской войны. Пермь, 1961; «Женщины Урала в революцни н труде». Свердловск, 1963; «За власть Советов»; сборник воспомнланий участников Октябрьской революцни н гражданской войны в Башкнрии. Уфа, 1961; сб. «Страницы героического прошлого». Воспомннаиия участников Октябрьской революцин и гражданской войны на Южном Урале. Газетно-журнальиое изд-во «Челябинский рабочий». Челябниск, 1958; Южное Зауралье в период граждаиской войны (1918—1920 гг.). Сборннк документов и материалов. Кургаи, 1963.

[1] Сб. «Страницы героического прошлого».

[2] А. Н. Зыков подробно рассказывает о своих встречах н совместной работе с А. А. Грнгорьевым с осени 1918 г. н З. И. Лобковым с января 1919 г. Всего этого в действительностн ие могло быть, потому что этнх коммунистов до марта 1919 г. в городе не было. (ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1503, л. 6, д. 584, лл. 11, 12).

[3] Р. Валек. Жизнь в борьбе. Воспомннання о большевнстском подполье. Свердловск, 1963.

[4] Я. М. Рослов. Боевые страницы революцноииого Октября в Челябинске. Челябинск, 1957.

[5] М. Н. Коковнхин. Мииьярское подполье. Челябинск, 1957.

Урале»[1] и «Южное Зауралье в период гражданской войны»[2] помещено большое количество документов (исходящих в основном из враждебного лагеря), материалов о большевистском подполье и партизанском движении. Особенно богато представлены они в первом сборнике. Часть документов публикуется впервые.

Вместе с тем нельзя не заметить, что справочный и археографический аппарат в сборниках еще не удовлетворяет требованиям. Комментарий к документам, как правило, не дается, не указывается на те или иные фактические ошибки. Неудачно составлены примечания к сборнику «Гражданская война на Южном Урале» (искажены отдельные фамилии, названия населенных пунктов и т. д.). Составителями этого сборника искажены некоторые документы, что совершенно нетерпимо. Так под документами 157, 158, 165, 166 и другими вместо подписи: «Урало-Сибирское бюро Центрального Комитета РКП(б)»[3], поставлено: «Сибирское бюро Центрального Комитета РКП(б)». Неправильно определяется и название этих документов. Вследствие таких существенных недостатков, допущенных составителями, ценность сборника резко снижается. В целом же оба эти издания, несомненно, имеют большое значение для исследователей и читателей. Они создают более прочную документальную базу для исследователей.

Выполненная к настоящему времени работа по изучению и освещению большевистского подполья на Урале в период колчаковщины далеко не исчерпывает этой интересной, важной и многообразной темы. Некоторые вопросы ждут дальнейшей разработки. До настоящего времени историками не уделяется достаточного внимания работе коммунистов-подпольщиков среди трудящихся крестьян, составлявших абсолютное большинство населения Урала.

В числе других теоретических проблем истории гражданской войны на Урале основательного изучения требуют вопросы о союзе пролетариата и крестьянства, о роли рабочего класса. Мало что сделано в раскрытии борьбы большевистских партийных организаций против мелкобуржуазных партий и групп. Недостаточно изучены вопросы, связанные с тактикой и методами борьбы уральских подпольных организаций, вопросы участия профсоюзов и других легальных организаций в работе среди войск белогвардейцев и интервентов, среди бывших военнопленных (иностранцев), политзаключенных, вопросы организации партизанского движения и руководства этим движением. Далеко не все сделано в исследовании таких принципиально важных вопросов, как руководство Центрального Комитета партии, Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК и его отделения, Уралобкома РКП(б), других местных партийных комитетов большевистским подпольем, связь коммунистов Урала, Сибири, Поволжья, их совместная борьба и другие вопросы.

Все эти назревшие вопросы исследователи, прежде всего историки Урала, могут и должны решить в ближайшие годы, резко усилив работу в связи с приближающимися 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летием со дня рождения В. И. Ленина.

---

[1] Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг. Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962.

[2] Южное Зауралье в период гражданской войны (1918—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Курган, 1963.

[3] См. ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 587, лл. 1—3; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, лл. 11, 13.

Кандидат исторических наук, доцент И. Ф. ПЛОТНИКОВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И НАЧАЛО БОРЬБЫ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПОДПОЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА ПРОТИВ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

(конец мая — ноябрь 1918 г.)

Советский народ, все передовое человечество готовится к встрече знаменательной даты — 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с этим особо важное значение имеет изучение и научное освещение борьбы коммунистов во главе трудящихся масс страны против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции в 1918—1920 гг. В частности, большое значение имеет изучение опыта организационно-политической деятельности коммунистов на Урале. Урал, большая часть которого к осени 1918 г. была захвачена белогвардейцами, представляет собой один из крупнейших районов страны. В Уральскую область, созданную в январе 1918 г., входили Пермская, Уфимская, Оренбургская и Вятская губернии. В губерниях на 1 января 1914 г. проживало 13 204,2 тыс. человек[1]. Около 70 проц. составляли русские. В числе других национальностей, населявших Урал, были башкиры, татары, удмурты, марийцы и др. Урал, главным образом его горнозаводская часть, был относительно развитым районом. В довоенный период доля Урала в производстве чугуна, железа и стали составляла примерно $^1/_5$ часть. По данным переписи 1920 г., в крае было 29 000 действующих заведений[2]. Но подавляющую часть их составляли мелкие предприятия и мастерские. Крупная промышленность была представлена главным образом металлургическими заводами.

Промышленных рабочих накануне гражданской войны на Урале насчитывалось около 300 тыс.[3], некоторая часть горнозаводских рабочих была связана с землей. Это тормозило рост классового самосознания этих рабочих, было важнейшей причиной того, что среди них длительное время сохраняли влияние мелкобуржазные партии. Однако уральские рабочие в массе своей твердо стояли на большевистских позициях, были одним из наиболее передовых отрядов революционного пролетариата страны.

Рабочие Урала играли авангардную и руководящую роль по отношению к многомиллионным массам трудящегося крестьянства. И в целом в стране, и на Урале рабочие своей борьбой за идеи марксизма-ле-

[1] Подсчитаио иа основе даииых А. Г. Рашина (см. ки. «Население России за 100 лет (1911—1913 гг.)». Статистические очерки. Госстатиздат, М., 1956, стр. 44—45, 69).

[2] Г. Х. Эйхе. Опрокииутый тыл. Воениздат, М., 1965, стр. 367.

[3] Сб. «Коммунисты Урала в годы граждаиской войиы». Свердловск, 1959, стр. 194.

нинизма подтверждали положение В. И. Ленина о том, что сила рабочего класса в историческом движении неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения, ибо это самый передовой, самый организованный класс.

Рабочие были опорой уральских коммунистов в борьбе за трудящиеся массы города и деревни. Уральская организация РКП(б) в мае 1918 г. насчитывала до 40 тыс. коммунистов. В руководстве борьбой широких трудящихся масс с интервентами и белогвардейцами на Урале она сыграла видную роль.

Значительная часть коммунистов принимала участие в борьбе с реакцией на наиболее опасном и трудном участке — в тылу белогвардейских войск. Этому вопросу и посвящается данная статья. История большевистского подполья на Урале в период гражданской войны изучена недостаточно. И, пожалуй, наиболее неразработанным периодом в ней является первый, охватывающий время с конца мая до середины ноября 1918 г. В этот период в районах Урала, захваченных врагом, существовал белогвардейский режим, буржуазная диктатура, прикрывавшаяся лживыми псевдодемократическими лозунгами мелкобуржуазных партий. Это накладывало определенный отпечаток на всю работу коммунистов-подпольщиков.

Мы ставим задачу раскрыть процесс образования большевистских подпольных организаций, показать руководство ими со стороны ЦК партии, Уральского областного комитета РКП(б) и некоторых других партийных органов, осветить борьбу коммунистов-подпольщиков во главе трудящихся масс против контрреволюции за восстановление Советской власти.

Установление Советской власти в результате победы Октябрьской революции, первые шаги по пути строительства социализма показали свергнутым в России эксплуататорским классам, международному империализму, что их пророчества о непрочности пролетарской диктатуры полностью провалились.

Международные и внутренние силы контрреволюции объединились и навязали Советской республике кровопролитную и тяжелую войну. Первые контингенты войск империалистических государств высадились на некоторых окраинах Советской страны еще весной 1918 г. Они сомкнулись с белогвардейцами и стали готовиться к активным наступательным действиям. Как отмечал В. И. Ленин летом 1918 г., соединение сил интервентов и белогвардейцев означало то, что война гражданская слилась с внешней в одно неразрывное целое.

Начало интервенции и гражданской войны в широком масштабе на Урале положило подготовленное американскими, французскими и английскими империалистами контрреволюционное выступление Чехословацкого корпуса, сформированного из военнопленных чехов и словаков еще до Октябрьской революции. Корпус, эшелоны с частями которого растянулись от Пензы до Владивостока, насчитывал до 50 тысяч человек. Его возглавляли реакционно настроенные чехословацкие и русские офицеры, они обманывали солдат, натравливали их на трудящихся Советской республики, будто бы не желавших отпустить чехов и словаков на родину.

Иностранная военная интервенция для Коммунистической партии и Советского государства не была неожиданностью. Еще задолго до Октября В. И. Ленин, разрабатывая теорию социалистической революции, указывал на неизбежность революционных войн трудящихся страны, в которой победит диктатура пролетариата, против внешних и внутренних врагов. Зимой и весной 1918 г. В. И. Ленин вновь и вновь подчеркивал опасность военной интервенции против Советской республики. В резолюции VII съезда партии о войне и мире, написанной В. И. Лениным, говорилось: «Историческая неизбежность таких на-

ступлений при теперешнем крайнем обострении всех внутригосударственных, классовых, а равно международных отношений может в каждый, самый близкий момент, даже в несколько дней, привести к новым империалистическим наступательным войнам против социалистического движения вообще, против Российской Социалистической Советской Республики в особенности»[1].

Только потому, что внутренние враги Советской власти, белогвардейцы, в частности, получили прямую военную, а также материальную, финансовую помощь, гражданская война приняла длительный и затяжной характер.

В числе первых городов, захваченных белочехами, которые начали антисоветское выступление 25 мая, был Челябинск. Мятежники захватили его в ночь на 27 мая. Их выступление было поддержано контрреволюционными восстаниями кулачества, зажиточного казачества.

Малочисленные красногвардейские отряды оказывали врагу ожесточенное сопротивление, но местами вынуждены были отступать. Летом 1918 г. Южный Урал, большая часть Среднего Урала оказались в руках белогвардейцев и интервентов. Причина временной утраты Советской власти заключалась не только в малочисленности и недостаточном вооружении советских частей и отрядов, в слабой организации и в отсутствии опытных военных кадров и т. д. Сказалась недооценка местными работниками, военными руководителями на Урале той действительной опасности, которую таило в себе контрреволюционное выступление белочехов, белоказаков, белогвардейцев. В нужный момент на наиболее угрожаемых участках у партийно-советских органов не оказалось необходимых сил. Некоторые отряды, трудящиеся целых районов Урала оказались разобщенными. Красногвардейцы и трудящиеся массы, готовые стать под ружье на защиту Советской власти, не в состоянии были объединить силы, не имели даже представления о ходе борьбы на фронтах. Наконец, последняя по счету, но не по важности, причина состояла в том, что в некоторых районах не проявили достаточной активности в борьбе с контрреволюцией рабочие и крестьянская беднота. На Урале, как и во всей стране, среднее крестьянство колебнулось в сторону контрреволюции. Интервенты, белогвардейцы, опираясь на эсеров, обманывавших трудовые массы деревни, сумели использовать колебания середняка для свержения Советской власти. На Урале, а также в Поволжье и Сибири установился контрреволюционный режим.

В Екатеринбурге в середине августа 1918 г. сформировалось Областное правительство Урала во главе с биржевым дельцом кадетом П. Ивановым. Помимо кадетов, в «правительство» входили представители эсеров, меньшевиков и народных социалистов. Еще раньше, 8 июня, в Самаре возникло «правительство», которое именовало себя Комитетом членов учредительного собрания (Комуч), его возглавляли эсеры. В Сибири с 30 июня функции высшего органа власти стало осуществлять Временное правительство Сибири. В него входили кадеты, представители мелкобуржуазных партий. Уральское правительство, возникшее позднее и не имевшее своей армии, самостоятельной роли не играло и все больше подпадало под власть Сибирского правительства, находившегося в Омске.

Белогвардейские правительства, особенно Сибирское (Омское) и Комуч, грызлись за верховную власть, за сферы влияния. Представители мелкобуржуазных партий в «правительства» прибегали к безудержной социальной демагогии, твердили народным массам о «демократии», «Учредительном собрании», а между тем все тесней смыкались

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 35.

с самыми реакционными силами, вплоть до монархистов, кровавого международного империализма.

Но фактическими хозяевами положения на Урале и в других районах были не временные правительства, не эсеры, возглавлявшие Самарское и Омское правительства, а буржуазия, помещики, военщина и прежде всего интервенты. Они использовали эсеров и меньшевиков как удобную ширму для прикрытия своих целей.

Интервентов и белогвардейцев не устраивало то, что в Поволжье, на Урале и в Сибири не было единого органа власти и они добивались его создания. В сентябре 1918 г. в Уфе на «государственном совещании» была создана эсеровско-кадетская по составу и буржуазная по своей сущности Директория, объявленная Временным Всероссийским правительством. Обосновавшись в Омске, она превратила Сибирское правительство в свой деловой аппарат власти. Фактическая же власть находилась именно у Омского правительства, на которое делала ставку внутренняя и внешняя контрреволюция. В связи с созданием Директории Комуч самоупразднился. Уральское правительство по-прежнему не играло самостоятельной роли и 10 ноября 1918 г. было распущено.

Белогвардейские правительства, в том числе и Уральское, спешили ликвидировать в захваченных районах Советскую власть, все политические завоевания трудящихся, восстановить буржуазную диктатуру, восстановить частнокапиталистическую собственность на орудие и средства производства, подавить революционное движение в своем тылу и мобилизовать все ресурсы для ведения военных действий против вооруженных сил Советской республики.

На Урале и в других районах были воскрешены многочисленные буржуазные правительственные учреждения, в том числе политический сыск и многочисленные карательные органы. Была восстановлена частная собственность на орудия и средства производства, произведена денационализация промышленности.

Уральская буржуазия с помощью меньшевиков и эсеров ликвидировала все права, полученные рабочими от Советской власти. Рабочий день увеличился до 10—12 часов, понижалась заработная плата. Росла дороговизна на все виды товаров первой необходимости, увеличивалось число безработных. Только по официальным данным на 1 сентября 1918 г. в Екатеринбурге было 912 и в Челябинске 1211 безработных [1]. Промышленники и торговцы, опираясь на военные силы, повели на рабочих наступление по всему фронту, ставя их в невыносимые социально-экономические условия.

Антинародный, реакционный характер носили и аграрные мероприятия белогвардейских властей. Шестого июля 1918 г. Временное правительство издало закон, по которому все имения, лежащие на землях, арендованных или собственных, подлежали возвращению их прежним владельцам со всем инвентарем живым и мертвым. Ограничены были также права в пользовании казенными лесами [2]. Помещики в Уфимской, Пермской и других губерниях стали добиваться возвращения бывших владений в свои руки.

Наступали на трудящихся крестьян и кулаки. Белогвардейские власти проводили политику ограбления крестьянских масс. Контрреволюционным силам требовались средства для ведения войны с Советской республикой, для содержания огромной армии и разветвленного карательного аппарата. Новые и новые налоги, многочисленные повинности ложились на плечи крестьянства. Стали взиматься «недоимки» за 1915—1917 гг., проводиться массовые реквизиции.

Все это сопровождалось жестокими репрессиями. Тюрьмы были пе-

[1] Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 352, оп. 1, д. 17, лл. 136, 137; газета «Народное дело», Татарск, 12 октября 1918 г.

[2] История гражданской войны в СССР, т. 3. Госполитиздат, 1957, стр. 198.

реполнены партийными и советскими работниками, рабочими и крестьянами.

По две-три тысячи человек томилось в заключениии в Екатеринбурге, Уфе, Оренбурге. Без суда и следствия расстреливались сотни ни в чем не повинных людей. Произвол карателей и тюремщиков был полнейший. Девятого августа 1918 г. комендант Верх-Исетского района доносил начальнику гарнизона Екатеринбурга: «8 сего августа, едва стали получаться сведения о движении красноармейцев (т. е. о наступлении советских отрядов на город.— И. П.),— сейчас же воспрянули духом арестованные мной главные деятели большевизма. Их наглость распространилась до того, что они осмелились открыто выражать свою радость по поводу подхода красноармейцев, посылая угрозы и отказываясь от исполнения приказаний. Для приведения означенных лиц в надлежащее состояние мною сегодня в 3 часа расстреляно 11 человек» [1].

Нещадной эксплуатацией и кровавым террором интервенты и белогвардейцы с помощью своих подручных — эсеров и меньшевиков — стремились подавить волю трудящихся, поработить их.

Такова была обстановка в районах, захваченных контрреволюционными силами.

Большевистская партия и Советское правительство не оставляли трудящихся в беде. Они принимали решительные меры для отпора врага. Жизнь всей страны была перестроена на военный лад. Были мобилизованы все силы и ресурсы для решения стратегической задачи периода гражданской войны — полного разгрома врага, освобождения всех районов страны и восстановления в них Советской власти.

Огромная работа развернулась на востоке страны, где создан был общий фронт советских войск, преградивший белогвардейцам и интервентам путь к Москве, в центр страны. Восточный фронт до середины ноября 1918 г. был главным фронтом Советской республики. Особое внимание ему уделял В. И. Ленин. Он требовал от командования Красной Армии, от местных партийных, советских и профсоюзных организаций сосредоточения всех сил для того, чтобы отстоять Урало-Кузнецкий район. На Восточный фронт были двинуты красные полки, сформированные в советских районах Урала, Поволжья, в Питере, Москве, в других городах центра. Сюда были направлены тысячи коммунистов. Две трети своего состава — свыше 20 тысяч членов партии — направила на фронт Уральская организация РКП(б) [2].

В результате принятых мер к осени 1918 г. положение советских войск на Восточном фронте упрочилось. Были сорваны планы империалистов быстро покончить с Красной Армией в этом районе. Белогвардейцы терпели поражение в Поволжье. В сентябре оставили Казань, Симбирск, Вольск, а в начале октября — Сызрань и Самару. Однако в дальнейшем на этом участке фронта белогвардейцы стали оказывать все более упорное сопротивление, а на Северном Урале они продолжали теснить красные войска, продвигаясь в пермском направлении. Упорная борьба на фронте продолжалась.

В обстановке героического сражения Красной Армии с соединениями белогвардейцев и интервентов, их временных военных успехов исключительно большое значение имела организация борьбы трудящихся в тылу противника, деятельность коммунистов-подпольщиков.

У колыбели большевистского подполья на Урале, в тылу белогвардейцев и интервентов, стоял Центральный Комитет партии. Организацию партийного подполья в тылу противника, руководство им партия

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 3825, оп. 1, д. 4, л. 1.

[2] Г. В. Кузьмин. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Воениздат, 1958, стр. 96.

считала таким же неотложным делом, как создание и укрепление военных фронтов. При ЦК партии было создано Центральное бюро по руководству работой партийных организаций в тылу врага. Этот важный участок работы держал в поле зрения В. И. Ленин. Практическое руководство подпольными организациями в тылу противника осуществлял Я. М. Свердлов.

Центральный Комитет, правильно оценив обстановку затяжной гражданской войны, требовал от Уральского и других местных партийных комитетов, чтобы они уделили внимание подготовке надежных коммунистов для работы в тылу противника. Вопрос о налаживании революционной работы в тылу белогвардейцев был предметом официального рассмотрения на заседаниях Уральского областного комитета РКП(б) [1]. Члены обкома Н. Г. Толмачев, А. А. Кузьмин и другие много сил отдавали практическому решению этого вопроса. Они совместно с руководителями сибирских партийных организаций приняли участие в создании руководящего ядра из виднейших коммунистов для руководства подпольной работой в тылу врага. В Тюмени, захваченной противником 20 июля, для подпольной работы остались член партии с 1903 г. С. А. Черепанов, член партии с 1904 г. М. И. Сычев (Суховерхов), коммунисты И. С. Дмитриев, К. М. Молотов. В тыл врага были направлены коммунисты А. Я. Валек, К. П. Ильме и др. С. А. Черепанов, М. И. Сычев и К. М. Молотов составили организационное бюро РКП(б) Сибири [2]. В задачи этого партийного органа входило налаживание нелегальной работы коммунистов на Урале.

Оргбюро обосновалось в Томске и приступило к подготовке и созыву конференции подпольных большевистских организаций Урала и Сибири. С помощью видных местных коммунистов члены оргбюро одновременно провели очень большую работу по консолидации партийных сил в ряде городов. В Кургане и Челябинске такую работу выполнял В. С. Митряев, в Тюмени — С. А. Черепанов (в августе он был схвачен белогвардейцами и погиб). В результате проведенной работы была созвана нелегальная конференция РКП(б). Она работала в начале сентября 1918 г. в Томске [3]. На ней были представители от двух уральских городов — Екатеринбурга (К. П. Ильмер) и Челябинска.

Конференция получила название Первой Сибирской подпольной конференции РКП(б). Она избрала областной подпольный комитет во главе с К. М. Молотовым. К. П. Ильмер был избран кандидатом в члены обкома РКП(б) и стал работать в Томске.

Конференция приняла ряд важных решений. Главной задачей, которая ставилась перед большевистским подпольем, была подготовка и проведение вооруженного восстания рабочих, солдатских и крестьянских масс для прорыва белогвардейского фронта, свержение контрреволюционной власти и восстановление власти Советов [4].

Под руководством Сибирско-Уральского подпольного центра работа коммунистов на местах оживилась. Укреплялись существующие и возникли новые организации, повышалась активность коммунистов. А. Я. Валек, вернувшись в первых числах октября 1918 г. из Сибири, информировал ЦК партии и правительство о работе конференции, об исключительно боевом настроении коммунистов-подпольщиков. «Коммунисты,— писал А. Я. Валек,— усиленно готовятся к вооруженному восстанию, чтобы сделать свой сибирский октябрь» [5].

---

[1] Партийный архив Свердловского обкома КПСС (ПАСО), ф. 41, оп. 1, д. 233, лл. 43—44; д. 259, л. 46.

[2] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 124, оп. 1, д. 597, л. 5; К. Молотов. Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов, 1921, стр. 17.

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 64; «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 98.

[4] К. Молотов. Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть, стр. 18, 19.

[5] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1421, лл. 64—65.

Остановимся на выяснении вопроса возникновения и деятельности местных подпольных большевистских организаций последовательно в Пермской, Оренбургской, Уфимской и частично Вятской губерниях.

В областном центре Урала (после эвакуации Екатеринбурга 25 июля 1918 г.) Уральский обком партии для подпольной работы оставил довольно большую группу коммунистов: В. Д. Тверитина, К. П. Ильмера, К. П. Чудинову, И. И. Брысова, А. Н. Никифорову, И. К. Климентьева, Г. Л. Ульман, В. П. Мельникова, В. И. Еремина и других. Предварительно создан был склад оружия, охрана которого поручалась молодому члену партии Владимиру Мельникову. В городе оказалось немало коммунистов, которые по тем или иным причинам не успели эвакуироваться. По поручению обкома партии всех их должны были сплотить в единую организацию Вениамин Дометьевич Тверитин, Карл Петрович Ильмер, Ксения Павловна Чудинова и другие опытные работники, прошедшие школу подпольной борьбы в условиях царизма. Не все оставленные в городе коммунисты были между собой связаны. Им предстояло установить контакты, создать городской центр, начать организованную работу.

Но условия были крайне неблагоприятными для работы коммунистов Екатеринбурга. В. Д. Тверитин уже 30 июля был схвачен белогвардейцами и погиб. Было арестовано еще несколько человек. Некоторым из них удалось освободиться, но оставаться в городе было опасно, пришлось его покинуть. Более длительное время в Екатеринбурге работали К. П. Ильмер, К. П. Чудинова, Г. Л. Ульман, И. И. Брысов, В. П. Мельников и др. Бывший секретарь Уралобкома комсомола (Социалистического союза рабочей молодежи) В. И. Еремин имел задание разведывательного характера, с другими работниками в первый период он, по всей вероятности, связан не был. Ему удалось, поступив в белогвардейскую армию, попасть в штаб Сибирской армии, определиться писарем-журналистом в разведывательный отдел и начать сбор важных сведений, копирование и даже изъятие некоторых секретных документов. Позднее он установил связь с городской большевистской организацией и комсомольцами-подпольщиками.

В Екатеринбурге некоторое время находился томский коммунист И. С. Григорьев, работавший вместе с К. П. Чудиновой, И. И. Брысовым и др. Несмотря на свою малочисленность, подпольная группа коммунистов сочла возможным в августе делегировать К. П. Ильмера на Первую Сибирскую подпольную конференцию. В сентябре 1918 г. К. П. Чудинова и И. С. Григорьев, а несколько раньше Г. Л. Ульман выехали в Томск и включились там в активную работу [1]. Из коммунистов, оставленных для подпольной работы, в городе почти никого не осталось. Организацию в то время создать не удалось. К концу осени стихийно возникает несколько мелких групп из случайно оставшихся в городе коммунистов и бывших красноармейцев. Активней других была группа в составе В. А. Шепелева, члена партии с 1905 г., И. Л. Дукельского, Е. А. Шепелева, А. А. Брагинского и М. Ш. Брода [2]. Группы начали складываться на Верх-Исетском заводе, заводе Ятеса, на фабрике Макарова и на других предприятиях, среди железнодорожников. Осенью 1918 г. один коммунист — разведчик сообщал: «В Екатеринбурге все рабочие на стороне Советской власти, в особенности процветает организация на заводах Ятеса и Верх-Исетском» [3].

---

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 18, лл. 58—59; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, лл. 52—68; Партийный архив Омского обкома КПСС (ПАОО), ф. 19, оп. 24, д. 132, л. 68; Государственный архив Омской области, ф. Р-230, оп. 1, д. 405, лл. 5—8; личный архив автора (ЛАА), д. 9, лл. 1—3; д. 12, лл. 1—4.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1222, лл. 128—130; Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.). В документах и материалах. Издание Уралпрофсовета, Свердловск, 1929, стр. 190.

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 32.

Но в целом все же летом и осенью 1918 г. екатеринбургское подполье было немногочисленным и не было оформлено организационно. Существовали и действовали разрозненные группы коммунистов, комсомольцев, беспартийных советских патриотов.

Уральский областной комитет РКП(б), местные организации оставляли в некоторых городах и поселках для подпольной работы организованные группы. В вагоне членов Уралобкома, остановившихся проездом в Алапаевске, было проведено объединенное совещание членов обкома и местного партактива [1]. Руководителям Алапаевской организации было предложено оставить в районе города коммунистов, снабдив их пулеметами, винтовками, боеприпасами, одеждой на случай создания партизанского отряда. Была подобрана группа с одним из старейших коммунистов Е. А. Соловьевым. В нее вошло 18 человек, в том числе Г. П. Абрамов, А. Г. Коробкин, А. А. Серебряков, В. А. Шляпина и др. Почти все они были коммунистами с дореволюционным стажем [2]. Группа обосновалась на Боровском болоте, на удобном, скрытом лесными дебрями полуострове, в 17—20 километрах от Алапаевска и в 5—7 километрах от дер. Верхняя Алапаиха. Недолго просуществовала группа. Тем не менее она успела выполнить значительную работу. Во многом это определялось тем, что в Алапаевске была оставлена группа в составе большевиков, рабочих А. И. Кабакова, П. Г. Протопопова, И. Корелина, Рожина, Митрофанова и других. Их руководителем назначен был коммунист П. Д. Бессонов, который вскоре геройски погиб.

В сложной кропотливой работе лесной подпольной группы проходила одна неделя за другой. Через линию фронта с информацией был послан П. Г. Поздин. Задание он выполнил. Наступил октябрь. Была начата подготовка к зимовке. Подпольщики намеревались установить связи с крупными подпольными организациями Урала, усилить работу в Алапаевске, строили планы печатания прокламаций, расширения агитации среди населения. Но белогвардейцы обнаружили место пребывания группы Е. А. Соловьева и совершили на лагерь налет. Внезапное нападение полусотни казаков коммунисты, пустив в действие пулеметы, отбили. Но оставаться в лагере было уже нельзя. Коммунисты разобрали на части оружие, разбросали все в разных местах в лесу. Продукты облили керосином. С собой захватили лишь один ручной пулемет, револьверы и гранаты. В одиночку и группами разошлись в разные стороны. Некоторые направились в Алапаевск, но почти все погибли в первый же день или позднее. Другие уехали в Сибирь [3].

В Алапаевске подпольная работа продолжалась. А. Г. Коробкин, А. И. Кабаков, Рожин и другие прилагали большие усилия для сплочения рабочих; стали создавать конспиративные подпольные группы, в которых преобладала рабочая молодежь. Начата была работа среди солдат местного гарнизона [4]. Подпольная революционная работа в этом старом уральском городе коммунистами была поставлена на правильные рельсы и успешно продолжалась в дальнейшем.

По заданию партийных органов в Сысертском заводе остались и работали большевики В. И. Печерский, М. В. Чуркин, С. А. Глазырин, Ю. В. Антропова [5]. В Камышлове были оставлены член партии с 1917 г. О. В. Панова, а также А. Машкова, семья Жуковых и другие. Некоторое время в городе работал член партии с 1905 г. Г. П. Волкомиров [6]. На

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 259, л. 46, д. 2226, лл. 82, 105, 106.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2226, л. 82; ф. 221, оп. 1, д. 87, лл. 82—83.

[3] ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 24, л. 82; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2226, лл. 80, 90, 130; ф. 221, оп. 2, д. 87, л. 166.

[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 259, лл. 47—52; д. 2226, л. 117.

[5] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1501, лл. 2, 8; Женщины Урала в революции и в труде. Свердловск, 1963, стр. 219—224.

[6] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2226, лл. 1—4; ф. 221, оп. 2, д. 415, л. 5.

Среднем Урале в ряде случаев подпольные группы возникли стихийно из случайно оказавшихся в тылу врага коммунистов, красногвардейцев. Такие группы возникли в Березовском, Михайловском, Ревде, Шадринске, Ирбите[1].

Работа этих групп к концу осени не получила значительного размаха. Она выражалась прежде всего в агитации среди населения, срыве мобилизации в белогвардейскую армию, в раздаче семьям советско-партийных работников, красногвардейцев денег, в оказании помощи политзаключенным, в организации саботажа на предприятиях. На Михайловском заводе оказались два старых революционера-коммуниста Е. Н. Язькова и Г. С. Власов. Они сплачивали революционно настроенную молодежь, вовлекали ее в подпольную работу и осенью создали небольшую партизанскую группу[2].

Мощного размаха подпольная работа достигла в первые же месяцы существования белогвардейской власти в Уфимской губернии, особенно в ее восточной горнозаводской части и в Уфе.

Перед эвакуацией Уфы руководители партийной организации П. Зенцов и другие для работы в тылу белогвардейцев оставили немало стойких и опытных коммунистов. В их числе были братья И. И. и А. И. Шеломенцевы, их отец И. Л. Шеломенцев, И. А. Вавилов, Ф. И. Карклин и другие. Они-то и составили ядро подпольной организации, которая, однако, сложилась не сразу.

В августе 1918 г. в городе действовало несколько подпольных групп. В сборном цехе уфимского депо работала группа в составе Шеломенцевых, В. Трясоногова, П. Нечаева и других. Она установила связь с группами подпольщиков-железнодорожников, рабочих предприятий Уфы. Вокруг члена большевистской партии с 1912 г. Ф. И. Карклина сгруппировалось в «Латышскую организацию» большое число коммунистов. Это были рабочие: латыши, русские и башкиры. Но группы действовали разрозненно.

Примерно в сентябре 1918 г. в Уфу по заданию политотдела 5-й армии прибыл волевой коммунист и опытный конспиратор, бывший рабочий железнодорожных мастерских, М. А. Чистяков. Он устроился в этих мастерских слесарем, под фамилией Митрошкина[3]. Михаил Чистяков быстро установил связь со всеми подпольными группами среди железнодорожников, сплотил их в одну конспиративную организацию, начал устанавливать связь с другими группами, в том числе и с латышской. Подобную же организационную работу проводил Ф. И. Карклин и виднейшие коммунисты-миньярцы Ф. И. Локацков и М. П. Локацков, приехавшие из других городов.

В начале осени на окраине города состоялось нелегальное собрание активных членов железнодорожных организаций (Ф. И. Локацков, М. А. Чистяков, М. П. Локацков, братья Шеломенцевы и др.)[4]. Перед собравшимися выступил М. А. Чистяков. Он информировал о положении в Советской республике, о действиях Красной Армии и поставил задачу: готовить вооруженное восстание с тем, чтобы провести его в момент приближения к городу Красной Армии. Намечен был план действий. В работе организации наступил новый этап. Она стала действовать более организованно, целенаправленно и активно. В этот период была установлена связь с латышской организацией и некоторыми дру-

---

[1] ГАСО, ф. 1200, оп. 1, д. 33, л. 206; д. 65-ф, л. 14; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 115, л. 46; д. 2488, л. 3.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2488, л. 3; ГАСО, ф. 1200, оп. 1, д. 33, л. 206.

[3] Партийный архив Башкирского обкома КПСС (ПАБО), ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 16; «За власть Советов». Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961, стр. 288, 289; газ. «Наш путь», 12 января 1919 г.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1140, лл. 4—6; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 16.

гими группами. Небольшие группы в Уфе продолжали возникать. В конце сентября 1918 г. белогвардейцы отмечали, что подпольная работа во главе с помощником машиниста И. П. Кутузовым проводилась на пароходе «Пальма». Кутузов в отсутствие начальника «военно-политической охраны» парохода провел тайное собрание команды и солдат, находившихся на пароходе. Выступая перед матросами и солдатами, подпольщик призывал «к неповиновению офицерам, властям». В сентябре на пароходе распространялась большевистская литература [1].

Коммунисты-подпольщики действовали на электростанции, на водопроводе и заводе Гутмана, среди печатников, военнопленных и солдат белогвардейских частей [2]. В августе-сентябре велась большевистская агитация в 14-м стрелковом полку. Особую активность проявляли молодые солдаты 9-й роты А. Лесин и И. Планда. Они призывали не подчиняться офицерам, не выходить на занятия, а по прибытии на фронт перейти к красным. Многие солдаты с ними соглашались.

После установления контактов в работе между железнодорожной и латышской организациями и отдельными группами назрела необходимость создания единого подпольного центра. И такой подпольный центр — комитет — был создан. В него вошли Ф. И. Карклин, Ф. И. Локацков, М. А. Чистяков и другие. По сведениям активного члена подпольной организации И. А. Белоусова, председателем комитета был Ф. И. Карклин.

Так завершилось организационное оформление единой нелегальной организации и ее центра в Уфе. Подобно другим крупным организациям, она состояла в основном из небольших конспиративных групп.

В город на подпольную работу опытные кадры направлял эвакуировавшийся в северо-западном направлении Уфимский губком. Отдельные коммунисты были оставлены в Сарапуле. Некоторые из них стали работать в этом городе, а двое пробрались в Уфу. Они доставили сюда деньги и информацию [3].

Уфимская организация уделяла много внимания помощи политзаключенным, организации их побега, сплочению рабочих, агитации на предприятиях, в воинских частях. Выпускались листовки и прокламации. Латышские коммунисты печатали листовки в местных типографиях в ночное время, используя для этой работы вовлеченных в организацию печатников. Две из выпущенных листовок были отпечатаны большим тиражом (по 2 тыс. каждая)[4]. Уфимцы проводили большую работу в некоторых заводских поселках. Подпольные группы летом и осенью 1918 г. действовали в Богоявленске, Белорецке. В начале августа для революционной работы было оставлено по несколько коммунистов в Благовещенске и других заводах [5]. Но здесь большевистское подполье было незначительным. Другое дело — Златоустовский уезд. В этом районе существовали многочисленные и активные подпольные большевистские организации. Уфимская организация поддерживала с ними связь.

В момент эвакуации Златоуста партийный комитет создал группу для подпольной работы во главе с И. В. Теплоуховым, Пудовкиным. Некоторые партийные ячейки, в частности железнодорожная, также оставили отдельных коммунистов, преимущественно молодых. В Зла-

---

[1] ЦГАОР, ф. 191, оп. 1, д. 82, л. 3.

[2] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 19; «Наш путь», 12 января 1919 г.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 151, л. 10; ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 15; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 79, лл. 15—96.

[4] «Наш путь», 12 января 1919 г.

[5] Центральный государственный архив Башкирской АССР (ЦГА БАССР), ф. 703, оп. 1, д. 1, л. 44; ЦГАОР, ф. 191, оп. 1, д. 19-г, лл. 1—2; д. 1, лл. 5, 29, д. 50, лл. 22, 23, д. 14, лл. 6, 7.

тоусте, как и в других городах, обстановка была крайне тяжелая. Только в середине июля 1918 г. белогвардейцы арестовали свыше 200 человек, подозреваемых в большевизме. Обыски и аресты продолжались. И все же подпольная работа постепенно развертывалась[1] В первые месяцы она была малозначительной. Единой организации в городе не было. В Златоусте в подпольной работе особенно выделялись молодые коммунисты, а также комсомольцы. В центральных районах они группировались вокруг В. Геппа, в районе железной дороги — вокруг члена партии с 1918 г. Н. И. Астафьевой и других. Но организационное оформление этих групп произошло только в конце осени и зимой[2]. 29 сентября возле урочища Синий камень состоялось организационное собрание симских коммунистов, часть которых скрывалась в лесу. Собралось до 18 человек. Открыл партийное собрание опытный коммунист И. Ф. Масленников. Собрание наметило задачи по организации борьбы за восстановление Советской власти, приняло резолюцию, которая носила характер устава. Был избран партийный комитет в составе М. И. Яковлева — кличка «Уральский» (председатель), Н. К. Лаптева — «Тузлукова» (тов. председателя), А. П. Субботина — «Бывшего» (секретарь) и Г. М. Рокутова (кассир)[3]. Комитет состоял из партийной молодежи, которая проживала на заводе легально и имела возможность работать в цехах, встречаться с боевыми товарищами, рабочими. В дальнейшем состав комитета неоднократно менялся, но руководила Симской организацией прежняя группа в составе К. В. Рындина, И. Ф. Масленникова и прибывшего позднее по поручению Уральского обкома партии И. Ф. Салова[4].

Прошло немного времени, и организация выросла до 30 человек. Это позволило усилить подпольную борьбу с белогвардейцами, решать более сложные задачи, основательней вести подготовку вооруженного восстания, следить за действиями и планами врага. Стали совершенствоваться методы и организационные формы работы. Уже на втором общем собрании организации, 6 октября, избирается контрразведка во главе с П. М. Усачевым, в задачи которой входила разведывательная работа в тылу врага, установление и поддержание связи с Красной Армией, передача ее командованию различных сведений военно-политического характера. На партийных собраниях 7 и 11 ноября создается штаб при подпольном комитете из трех коммунистов: Н. А. Масленникова (начальник), В. Пердакова (пом. начальника) и М. И. Яковлева (секретарь). В это же время, 11 ноября, был переизбран партийный комитет. На этот раз в него вошли Н. К. Лаптев (председатель), А. П. Субботин и Г. М. Рокутов[5].

В результате приема в партию лучших рабочих организация к концу осени увеличилась примерно до 50 человек. Большинство коммунистов находилось на заводе, остальные в лесу. Связь между заводом и «лесной» группой была постоянной. Коммунисты в течение осени успели провести на заводе значительную агитационную работу. Они разоблачали местных эсеров и меньшевиков, белогвардейскую диктатуру, срывали мобилизацию в белогвардейскую «народную» армию.

Более крупной была соседняя — Миньярская — организация большевиков. Ее возглавляли старейшие коммунисты: Ф. И. Локацков (до

[1] Партийный архив Челябинского обкома КПСС (ПАЧО), ф. 596, оп. 1, д. 344, л. 128.
[2] Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 5, оп. 2, д. 592, л. 15; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1317, л. 1.
[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, лл. 15—17, 37; д. 1213, л. 76; сб. «В боях и походах». Воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959, стр. 401.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1702, лл. 2—4; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, лл. 16—17; д. 1213, лл. 75—78; сб. «В боях и походах», стр. 401.
[5] ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 17; сб. «В боях и походах», стр. 401—402.

отъезда в Уфу), А. Н. Коковихин, М. Н. Коковихин, Я. Г. Заикин, И. Г. Шведов, М. Заикин, М. П. Сорокин и другие, составлявшие «лесной партком». Кое-кто из членов парткома, партийного актива вернулся на завод. Но многие активисты вынуждены были скрываться в лесу все время [1]. Председателем Миньярского комитета был избран волевой и исключительно смелый подпольщик член партии с 1905 г. Г. П. Новиков. Прежде он был менее известным работником, и коммунисты надеялись, что ему удастся, находясь на заводе, возглавить непосредственную работу среди рабочих. Организация не ошиблась в выборе — Галактион Новиков прекрасно справлялся с порученным ему делом [2].

Миньярцы с особой тщательностью укрывали и хранили оружие (2 горных орудия с 60 снарядами, около 200 винтовок, несколько пулеметов, 40 ящиков патронов, большие запасы взрывчатки, гранаты и т. п.) и около 2-х миллионов рублей Симского горного округа. Миньярцы стремились к установлению связи с другими организациями Урала и даже Сибири. Осенью 1918 г. для установления связи с подпольем в Златоусте, Челябинске, Омске, на ближайших заводах комитет послал М. Заикина. Эту задачу он отчасти решил и в начале зимы вернулся в Миньяр [3].

Рабочие Миньярского, а также Симского заводов, имевшие большие революционные традиции, были поголовно настроены большевистски. Деятельность коммунистов-подпольщиков на заводах еще в большей степени революционизировала рабочих. Они наотрез отказывались давать белогвардейским властям сведения о коммунистах и о лицах, служивших в Красной Армии, и с полной готовностью выполняли указания подпольных организаций. Работать подпольщикам на Миньярском и Симском заводах, особенно в летне-осенний период, было сравнительно легко, так как здесь постоянных сильных белогвардейских гарнизонов не было.

Миньярско-Симский район был одним из наиболее крупных очагов революционной работы на Урале. Местные организации оказывали большое влияние на обширный район южной части горнозаводского Урала.

На соседних с Миньяром и Симом заводах и железнодорожных станциях: в Аша-Балаше, Катав-Иванове, Сатке, Юрюзани, Вязовой, Усть-Катаве и других также шла подпольная работа, возглавляемая коммунистами. Правда, она к концу осени не получила такого размаха, как в Миньяре и Симе.

Центральную роль на Южном Урале играла Челябинская подпольная организация.

В Челябинске, захваченном белочехами в числе первых городов, коммунистов оказалось много. Летом 1918 г. они стали вести подпольную работу. Организованы были подпольные группы на железнодорожном узле, на предприятиях. Сравнительно быстро началось сближение, объединение групп в единую организацию. Уже в первой половине августа в городе действовала руководящая группа, связанная с рядом возникших ячеек. В нее входили Станислав Рогозинский, Соня Кривая и другие. С. А. Кривая, член партии с 1914 г., предпочла эвакуации подпольную работу в городе. Активный коммунист с дореволюционным стажем, литовец по национальности, С. М. Рогозинский играл особенно видную роль [4]. Коммунистов-железнодорожников сплачивал член партии с 1917 г. А. Н. Зыков.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, лл. 230—231; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 139—140. Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959, стр. 255.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 416, л. 4; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 89.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, лл. 230—231.

[4] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 147; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1218, л. 202; ЛАА, д. 1, лл. 33—38.

В. С. Митряев, приезжавший в Челябинск перед Первой Сибирской конференцией РКП(б), застал здесь уже сложившееся ядро подпольной организации. Он с трудом установил связь с подпольщиком Волковым, который направил его в «Порт-Артур» (пригородный рабочий район). Представитель оргбюро РКП(б) Сибири встретился с «Латышом» и другими работниками подполья, которые на другой же день созвали собрание. На нем присутствовало до 15 человек. В. С. Митряев выступил с докладом о положении в стране, о задачах коммунистов Сибири и Урала, о необходимости согласованной планомерной работы. Он сообщил о предстоящей конференции, передал челябинским коммунистам приглашение на нее и явки. Собрание решило принять участие в работе конференции и направило в Томск делегата [1].

В тот момент подпольного комитета в Челябинске еще не было. Вскоре, после приезда самарского подпольщика, члена партии с 1917 г., В. И. Гершберга, коммунистов из Омска, примерно во второй половине августа или в первой половине сентября, комитет был создан. В середине ноября 1918 г. через линию фронта прибыл и составил доклад Уралобкому РКП(б) член Челябинской подпольной организации С. Малышев. В Челябинск он приехал по поручению обкома партии 8 сентября 1918 г., но сразу же выехал в Троицк, пробыв здесь несколько дней, вернулся в Челябинск. Он сообщил, что к его приезду в городе подпольной организации не было, «после, благодаря коммунистам, приехавшим из Самары и Омска, нам удалось наладить работу» [2].

Другой видный челябинский подпольщик, хозяин важнейшей конспиративной квартиры, И. В. Шмаков утверждал, что комитет был образован в августе в составе В. И. Гершберга, С. А. Кривой и С. М. Рогозинского, потом в него вошел «Дмитрий (Язва)» [3]. «Дмитрий (Язва)» — это член РКП(б) с 1915 г. Осип Петрович Хотеенков, приехавший из Омска. Он был известен в подполье как Дмитрий Лазарев [4]. Затем в комитет включаются Д. Д. Кудрявцев, М. С. Иванов, также приехавшие из Омска, и А. Н. Зыков. Председателем комитета был В. И. Гершберг [5].

Челябинский общегородской комитет являлся руководящим центром на Южном Урале, главным образом на территории Челябинского, Троицкого, Верхнеуральского и Златоустовского уездов.

После создания подпольного комитета ускорилось формирование подпольных ячеек — «десятков». Челябинский комитет проводил совещания и встречи с представителями ячеек, ставил перед ними задачи по дальнейшему расширению организации за счет невовлеченных в нее коммунистов и беспартийных передовых рабочих. В железнодорожных мастерских, среди движенцев, стрелочников, смазчиков создается большое число «десятков» и «пятерок». Подпольные группы имелись на заводе Столль, на мельницах, винокурном заводе, в некоторых мастерских. Сильная организация возникла на угольных копях близ города, на некоторых ближайших станциях. Начали создаваться подпольные ячейки в воинских частях среди мобилизованных [6]. Осенью

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, лл. 3—4; ЦПА ИМЛ, ф. 72, оп. 3, д. 513, лл. 9—10. Личность делегата нам установить не удалось.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, лл. 6—7.

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 147.

[4] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, лл. 2, 20, 29, 34; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 329, л. 145.

[5] ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 123, лл. 10—11; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1218, л. 202; ЛАА, д. 1, л. 33. В работах по истории и в других публикациях состав и время образования комитета определяются неправильно. В частности, в числе членов комитета называются З. И. Лобков и А. А. Григорьев, которых в то время в городе вообще не было, и не упоминаются О. П. Хотеенков, Д. Д. Кудрявцев, М. С. Иванов и А. Н. Зыков.

[6] В воспоминаниях И. В. Шмаков пишет, что с момента создания подпольного комитета в Челябинске существовал военно-революционный штаб (см. ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 148).

1918 г., по некоторым данным, работала подпольная организация чешских коммунистов[1].

Челябинская организация выдвинулась в число наиболее крупных и боеспособных на Урале и в Сибири. В ее рядах осенью 1918 г. было по меньшей мере 100 человек[2]. Она заняла принципиальную позицию в отношении возникших в городе подпольных групп анархистов-коммунистов и «левых эсеров». Группа анархистов стала распадаться, к осени ее члены влились в левоэсеровскую группу. Большевистский комитет с некоторыми из руководителей этих групп поддерживал связь. Но когда был поднят вопрос об объединении с ними, то Челябинский комитет РКП(б) постановил не объединяться. Связь с левоэсеровско-анархистской группой, которую возглавлял Скребков, а затем освобожденный из тюрьмы Образцов, не была прервана[3].

Челябинские коммунисты создали типографию. Но когда уже все было подготовлено к выпуску листовок, О. П. Хотеенков посоветовал с выпуском листовок подождать, пока не будет проведена организационная работа по созданию групп. Появившиеся листовки неизбежно поставили бы на ноги контрразведку, а это могло бы осложнить организационную работу, находившуюся на начальной стадии[4]. Осенью в типографии стали печатать листовки. Иногда их выпускали в нескольких сотнях экземпляров. Листовки наклеивали на заборы, распространяли в цехах предприятий, на железнодорожной станции, в казармах.

Представители Челябинского комитета выезжали в Екатеринбург, Курган, Омск, Томск и другие города. В Челябинск, на конспиративные квартиры И. В. Шмакова, И. К. Джазговского и других, прибывали представители некоторых организаций, чаще всего Омской. Между Сибирским, Томским, Омским и Челябинским комитетами поддерживались теснейшие связи[5].

Предпринимались меры по налаживанию работы в близлежащих городах и селах. В некоторые из них посылали активных членов организации. Летом 1918 г. возникли подпольные группы в Кыштыме, Карабаше, в селе Тютняры (Рождественское). С ними челябинцы установили связь.

На крайнем юге Урала — в Троицке, Оренбурге — к концу осени 1918 г. подпольных организаций не было. Существовали только отдельные мелкие разрозненные группы, деятельность которых не выходила за рамки помощи политзаключенным[6].

Как видно из сказанного, на Урале партийные организации, группы имелись повсеместно. Наиболее сильные подпольные организации возникли в Челябинске и на заводах Златоустовского уезда. Эти районы белогвардейцами были захвачены быстро, и основная масса коммунистов оказалась на местах. В других районах, даже там, где партийными органами были оставлены группы коммунистов, подпольная революционная работа к концу осени широкого размаха еще не приобрела. Исключение составляла лишь Уфа. Но в целом подпольная работа находилась на подъеме.

Коммунисты-подпольщики важнейшей задачей считали организационно-политическую работу среди пролетарских масс.

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 8; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 329, л. 29.

[2] ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 20, л. 14; Челябииская область за 40 лет Советской власти. Челябииск, 1957, стр. 62.

[3] ПАЧО, ф. 596,, оп. 1, д. 325, лл. 85—87; д. 329, л. 2; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 7.

[4] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 325, л. 145.

[5] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, лл. 3—4; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 147; д. 329, л. 145, д. 359, лл. 51—52.

[6] Партийиый архив Ореибургского обкома КПСС (ПАОрО), ф. 6002, оп. 1, д. 67, лл. 3—4; Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 8121, оп. 1, д. 10, л. 1; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 6.

Революционная активность рабочих в условиях белогвардейской буржуазной диктатуры неуклонно возрастала. Стремясь укрепить связи с рабочими массами, сплотить их вокруг большевистских лозунгов, коммунисты-подпольщики использовали различные рабочие организации, прежде всего профессиональные.

Эсеры и меньшевики, белогвардейские правительства официально деятельность профессиональных организаций не запрещали. Но вместе с тем мелкобуржуазные партии упорно стремились захватить руководство профсоюзами в свои руки. Они пользовались тем, что подавляющая часть коммунистов и профсоюзных активистов ушла с красногвардейскими отрядами. Эсеры и меньшевики принимали участие в арестах руководящих профсоюзных работников — коммунистов и сочувствующих им беспартийных.

Прибегая к самым грязным методам борьбы, эсеры и меньшевики захватили в свои руки руководство уральскими профессиональными объединениями, подавляющим большинством местных профсоюзных организаций. Вместо эвакуировавшегося Уральского областного совета профсоюзов меньшевики и эсеры, опираясь на лидеров полупролетарских союзов, союзов служащих Екатеринбурга, создали Временное Центральное бюро профсоюзов Урала. Опираясь на него, предатели интересов трудящихся насаждали своих сторонников на местах.

И все же в ряде городов и заводских поселков коммунисты успешно противодействовали меньшевикам и эсерам, удерживали за собой руководство некоторыми профсоюзными организациями. Из крупных уральских городов, где подпольщики достигали успехов в профсоюзном движении, был Челябинск. Городская большевистская организация имела своих представителей в профсоюзах железнодорожников, работников мукомольной промышленности и др. [1] Коммунисты руководили профсоюзом на Челябинских каменноугольных копях. Его председателем был большевик, видный член подпольной организации, Е. В. Полещук [2]. Коммунисты руководили профсоюзами в Миньяре, Симе, Аша-Балаше и в других местах [3]. Некоторые, прежде всего челябинские профсоюзные организации, посылали своих представителей на конференции и съезды, проводившиеся по инициативе большевиков в сибирских городах. Они поддерживали связь с профсоюзами Сибири, в которых позиции коммунистов были более прочными.

Анализируя процесс революционизирования рабочих, профсоюзных масс Сибири и отчасти Урала, один из виднейших коммунистов-подпольщиков А. А. Масленников из Омска в ЦК партии 29 октября 1918 г. сообщал: «В рабочей среде оппортунизм изжит. На съезде профсоюзов (имеется в виду 1-й Всесибирский съезд профсоюзов, состоявшийся в первой половине октября в Томске.— И. П.) было более $^2/_3$ наших. На местах настроение еще лучше. Все рабочие жадно ждут восстания» [4].

Профсоюзные организации, которыми руководили коммунисты, сочувствующие им рабочие активисты, организовывали забастовки. Стачки и забастовки использовались на первом этапе белогвардейской диктатуры как одно из важнейших революционных средств борьбы вообще, как средство подготовки в рабочей среде благоприятных условий для вооруженного восстания. На Урале забастовки проходили уже летом 1918 г. В частности, политическую стачку в защиту арестованных передовых рабочих по призыву подпольщиков в августе провели

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 359, лл. 16, 51, 52; Государственный архив Челябинской области, ф. Р-991, оп. 1, д. 1, лл. 24, 37, 75, 76.

[2] Сб. «Гражданская война на Южном Урале», стр. 252—253.

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 348, л. 41.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 28, л. 6.

рабочие-горняки Кыштыма[1]. Осенью число забастовок увеличилось. На забастовочную борьбу поднимались рабочие Уфы, Челябинска, Екатеринбурга и других городов. В большинстве случаев эти выступления были политическими, хотя рабочие, как правило, выдвигали экономические требования. Большую активность в борьбе проявляли железнодорожники, особенно рабочие депо и железнодорожных мастерских. Это объяснялось прежде всего их организованностью, сплоченностью, тем, что во главе стояли подпольные организации и группы, и тем самым еще, что белогвардейские власти стали вводить на железных дорогах повёрстную и сдельную оплату труда, в конечном итоге резко снижая зарплату.

Первыми во главе с большевистскими организациями в октябре выступили железнодорожники Сибири: Омска, Тайги, Топки, Томска, Красноярска, Зимы, Канска; Иланской и других городов и станций. Происходили волнения среди железнодорожников на Урале: в Челябинске, Уфе; в двух крупнейших городах Зауралья — Кургане и Тюмени[2]. В некоторых случаях рабочие открыто выдвигали политические требования. Забастовка в сущности стала общесибирской. Однако рабочие действовали недостаточно дружно, многие выступления были разрозненными. Белогвардейцы повсеместно применили военную силу и жестоко подавили забастовку.

Но, несмотря на поражение, забастовка железнодорожников сыграла большую роль. Она была первым крупным выступлением рабочих в период белогвардейщины, способствовала дальнейшему росту организованности и политической зрелости рабочих. Она нанесла сильный удар по врагу, затормозила переброску его живой силы, оружия, боеприпасов и снаряжения на фронт, тем самым оказала содействие Красной Армии.

Осенью 1918 г. выступлениями железнодорожников забастовочное движение не закончилось. Забастовки продолжались и в Сибири, и на Урале. Наиболее крупной и организованной из них была забастовка челябинских рабочих в честь первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, она продолжалась несколько дней. Забастовка была подготовлена и проведена под руководством Челябинского подпольного комитета[3].

В подготовке и проведении октябрьских и ноябрьских стачек железнодорожников и других рабочих Урала активное участие приняли профсоюзные организации, в результате репрессии против них усилились. Некоторые профсоюзы вынуждены были переходить на полулегальное положение. Кое-где профсоюзные и другие рабочие организации были разогнаны сразу после прихода 18 ноября 1918 г. к власти Колчака.

Но, несмотря ни на что, профсоюзное движение, которое коммунисты использовали в интересах борьбы с контрреволюцией, продолжалось. Продолжались стачки и разносторонняя революционная борьба рабочих вообще.

Забастовочная и революционная борьба для рабочих летом и осенью 1918 г. явилась прекрасной школой, которая готовила их к новым революционным битвам, способствовала солидарности и сплочению рабочих и оказывала сильное влияние на трудящихся крестьян. Однако вести подпольную работу, поднимать на революционную борьбу крестьянскую деревню было чрезвычайно трудно. Это объяснялось двумя основными обстоятельствами. Во-первых, в уральских селах комму-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 758, л. 6. Сб. «В борьбе за власть Советов». Воспоминания. Свердловск, 1957, стр. 216.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1826, л. 2; д. 1224, л. 2, ЦГАОР, ф. 148, оп. 1, д. 98, лл. 94—95; ф. 236, оп. 1, д. 45, л. 12; ф. 1429, оп. 1, д. 95, л. 274.

[3] Сб. «В боях и походах», стр. 353—355.

нистов осталось очень немного. Связь с ними подпольные организации устанавливали не сразу и не везде. Кроме того, из тех немногих сельских коммунистов, которые оказались во вражеском тылу, большинство было подвергнуто арестам, брошено в тюрьмы, расстреляно. Во-вторых, обстановка для работы коммунистов в деревне в летне-осенний период была исключительно неблагоприятной. Кулачество яростно боролось со сторонниками Советской власти, выдавало их белогвардейским властям, сплошь и рядом зверски уничтожало коммунистов, бывших советских работников, красногвардейцев.

Среднее крестьянство Урала, как и всей страны, к лету 1918 г. стало переходить на сторону контрреволюции, стало смыкаться с кулачеством и оказывать ему поддержку в борьбе против Советской власти. Привязанность среднего крестьянства к частной собственности не позволила ему тогда правильно разобраться в преимуществах Советской власти и социалистического строя. Оно еще не решалось на разрыв с кулачеством. Середняк не понял и не поддержал политику запрета торговли хлебом, хотя она и была продиктована крайне тяжелой обстановкой. Середняк проявил политическую незрелость, непонимание того, что восстановление буржуазных отношений в результате победы контрреволюции угрожает его же собственным интересам. Сказались и ошибки отдельных неопытных местных работников, применявших меры борьбы с кулачеством подчас и против середняка. Заключение Брестского мира «оскорбило» мелкобуржуазные патриотические чувства части трудового крестьянства и также настроило их против Советской власти. Сказалась также усталость середняка от многолетней войны, и он стал уклоняться от вступления в красногвардейские отряды по борьбе с контрреволюцией.

Власть рабочих не понравилась среднему крестьянству особенно там, где больше всего было излишков хлеба, где меньше всего Октябрьская революция принесла непосредственных выгод. Это отчасти относилось и к Уралу, так как в южной хлебородной его части были большие излишки хлеба. В некоторых районах края помещичьего землевладения не существовало и местное трудовое крестьянство непосредственных выгод от ликвидации помещичьего землевладения в стране не получило.

Колебания середняка, его отход от пролетариата и деревенской бедноты были использованы контрреволюцией. Начатая интервентами и белогвардейцами вооруженная борьба с Советской властью получила поддержку у среднего крестьянства. Однако нельзя считать, что все среднее крестьянство поддержало контрреволюционный переворот. Позицию значительной (а кое-где и большей) части середняков следовало бы назвать пассивно-созерцательной. Они не выступали в защиту Советов, но не вступали и в контрреволюционные отряды. А когда началась насильственная мобилизация в белогвардейскую армию, многие середняки стали от нее уклоняться, прибегать к другим формам протеста и борьбы с контрреволюцией.

Что касается беднейшего крестьянства, то оно продолжало находиться в союзе с пролетариатом и вместе с ним приняло на себя удар контрреволюции, вынесло основную тяжесть гражданской войны. Правда, следует признать, что и некоторая часть деревенской бедноты, примыкавшая к середняку, также была подвержена кратковременному колебанию или проявляла пассивность. Пассивность части деревенской бедноты объяснялась ее недостаточной сплоченностью и организованностью. Комбеды, сыгравшие роль в сплочении бедноты, в значительной части Урала не успели организоваться.

Летом 1918 г. большинство трудящихся крестьян оказалось под влиянием партии эсеров, верило ее обещаниям, шло за ее лжедемократическими лозунгами.

В такой обстановке коммунистам, сочувствующим партии подпольщикам приходилось начинать работу в уральской деревне. Вместе с тем следует подчеркнуть, что с самого начала прихода к власти белогвардейцев батраки и крестьянская беднота более активно включались в революционную борьбу. В дальнейшем наметился перелом в настроениях середняка. Патриотизм мелкобуржуазных масс осенью 1918 г. стал поворачиваться к большевикам. Это отмечал В. И. Ленин[1]. В связи с этим важно указать на два обстоятельства: во-первых, обстановка, крайне неблагоприятная для развертывания революционной работы в деревне в начале, не оставалась неизменной, она все время менялась и к концу осени значительно улучшилась, во-вторых, улучшение обстановки было результатом не только воздействия на крестьянство белогвардейской деспотии и политики, направленной против трудящихся крестьян, в защиту помещиков, крупных землевладельцев, кулаков, зажиточного казачества, но и работы подпольщиков в массах.

Летом и осенью 1918 г. подпольная работа в селах Урала еще не имела большого размаха, но она проводилась и в ряде районов носила организованный характер. В деревне большевистское подполье складывалось по-разному. В довольно редких случаях в селах для подпольной работы партийные организации при отходе советских отрядов из занимаемых белогвардейцами районов оставляли коммунистов.

Так в тылу врага были оставлены коммунисты и беспартийные активисты Нижней Синячихи (близ Алапаевска) в районе этого села, в некоторых селах близ Надеждинска, восточнее Нижнего Тагила. В Нижнесинячихинской группе было 22 коммуниста: В. Д. Харлов, Г. А. Заякин, С. А. Шалаев и другие. Группа была хорошо вооружена, имела винтовки, револьверы, гранаты и находилась в лесу на партизанском положении, поддерживая связь с подпольщиками села. В дальнейшем, когда в октябре каратели стали прочесывать леса и искать партийно-партизанские группы, нижнесинячихинцы вынуждены были уйти к фронту под Кушву на присоединение к Красной Армии. Только несколько человек осталось в лесу, потом они перебрались в село и продолжали революционную работу[2].

В большинстве же случаев подпольные группы в селах создавали коммунисты, которых белогвардейский переворот, кулацкие мятежи застали дома. Скрываясь от преследования, в деревни прибывали коммунисты, бывшие советские работники, красногвардейцы из городов, промышленных поселков и железнодорожных станций. В некоторых случаях в селах оказывались партийные ячейки в полном составе.

Помощь в создании подпольных групп на селе со стороны городских подпольных организаций летом 1918 г. была незначительной, так как сами они только еще складывались, делали первые шаги в работе. Чаще всего сельские подпольные группы возникали самостоятельно. Подпольная работа летом и осенью налаживалась во многих сельских районах: в Златоустовском, Уфимском и Бирском уездах Уфимской губернии, в районе Оренбурга, Бузулука, Троицка, Челябинска, Карабаша на Южном Урале, близ Екатеринбурга, Красноуфимска, Алапаевска на Среднем Урале и в других местах.

Так в 20 километрах от Усть-Катава Златоустовского уезда, в Серпиевке и других селах члены партии Ф. Е. Бахарев, А. М. Скрябинский, И. А. Скрябинский и другие создали значительную подпольную организацию и длительное время вели работу среди местных крестьян[3]. Подпольные группы имелись в Биянке и других селах в районе Миньяра, Сима, Кропачево. Сеть большевистских подпольных групп в селах Зла-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 16—17, 215, 216.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 259, лл. 30, 63; ф. 221, оп. 2, д. 87, лл. 152, 153; Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. Р-195, оп. 1, д. 27, л. 74.

[3] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 343, л. 51.

тоустовского уезда, где имелись многочисленные промышленные очаги, была густой.

В других же уездах Уфимской губернии сельских подпольных организаций было немного. В деревне Королево Аскинской волости Бирского уезда действовала «Солдатская организация», созданная для борьбы за Советскую власть и социалистические преобразования еще зимой 1917—1918 гг. Ею руководил член большевистской партии с 1912 г. В. Ф. Зуев. Кроме него, в организацию входили коммунисты и сочувствующие партии: И. Г. Борисов, П. Ф. Зуев, Ф. Н. Плотников, Д. И. Лузин и др. Организация проводила среди крестьян Королево и ближайших деревень агитацию, призывала их к отказу платить налоги, поставлять транспорт, фураж белогвардейским войскам. Под руководством подпольщиков трудящиеся крестьяне продолжали борьбу за землю, за возвращение Советской власти. У организации имелось оружие, ее члены намеревались создать небольшой отряд и сделать попытку прорваться через линию фронта, которая была всего в двух-трех десятках километров. Но в начале сентября 1918 г. стало известно о победоносном походе партизанской армии В. К. Блюхера с Южного Урала на север Уфимской губернии. Десятого сентября авангард партизанской армии прибыл в Королево. Большинство членов подпольной организации, многие молодые крестьяне вступили в партизанскую армию и проделали с ней завершающую часть похода по тылам противника. Незначительная подпольная работа в Королеве продолжалась и в дальнейшем [1].

Подпольная революционная работа, в основном антибелогвардейская агитация, постепенно развертывалась в башкирских и татарских селах Уфимской губернии. Южнее и юго-западнее Уфы подпольные группы сочувствующих большевикам, кое-где возглавляемые членами партии, действовали в Кармалах, Сафарово, Таперыше. Велась агитация в башкирских селах Мавлютовской, Метелевской и Давлетбаевской волостей Челябинского уезда. В числе подпольщиков-агитаторов здесь были Т. А. Басырев, З. Исмагилов, Г. Габбасов [2].

В Челябинском уезде подпольные группы постепенно зарождались в русских селах, прежде всего близ уездного центра, каменноугольных копей и в других местах.

В Троицком уезде подпольная работа налаживалась в Писклово, Андреевском, Рождественском и в других населенных пунктах. Подпольной группой в Писклово руководил М. Л. Александров. Позднее он установил связь с троицкими коммунистами. В районе Бузулука летом была налажена работа в селах: Гаршино, Андреевке, Александровке и других. В подпольных организациях этих сел работали видные советско-партийные работники, в том числе А. С. Платухин, являвшийся до захвата уезда белогвардейцами членом Бузулукского Ревтрибунала. Члены большевистской партии уходили в поле и на полевых станах проводили беседы на политические темы. Они призывали молодежь уклоняться от мобилизации, при возможности нарушали связь по тракту Бузулук — Уральск [3].

В Екатеринбургском уезде Пермской губернии наиболее значительными были подпольные группы в Рождественской волости — в Тютнярах (Рождественском), Кузнецком и других, связанные с Челябинской организацией. С августа 1918 г. стала работать подпольная организация в дер. Луговая Камышловского уезда. Ее возглавлял рабочий, член партии с 1917 г., Ф. Ф. Ордынский. В организацию вошло до 30 членов партии и беспартийных крестьян нескольких окрестных деревень. Был составлен и принят устав из 17 пунктов. Согласно уставу организация

[1] ЦГА БАССР, ф. 723, оп. 1, д. 83, лл. 1—5; ГАПО, ф. 178, оп. 2, д. 411, л. 1—5; ЛАА, д. 8, лл. 1—7.
[2] ЦГАОР, ф. 209, оп. 1, д. 6, лл. 1—2.
[3] ПАОр, ф. 6002, оп. 1, д. 73, л. 63.

должна была активно бороться с белогвардейщиной путем агитации среди крестьян, собирать оружие, организовывать трудящихся на вооруженную борьбу. Подпольная организация успешно вела работу по срыву уплаты налогов, денежных отчислений в пользу белогвардейской армии[1]. Имелись подпольные группы в Шадринском уезде, в частности, в селе Ичкинском Водениковской волости[2].

Мы назвали сравнительно небольшое число сельских подпольных организаций и групп. В действительности их было гораздо больше. И все же летне-осенний период 1918 г. был только началом формирования большевистского подполья в селах Урала. В дальнейшем, особенно весной и летом 1919 г., их стало гораздо больше, а деятельность их более активной.

Но уже в первые месяцы белогвардейской власти сельские подпольщики под руководством городских организаций, а чаще всего самостоятельно, провели среди крестьян значительную работу. В отдельных случаях предпринимались шаги по созданию партизанских отрядов и развертыванию организованной вооруженной борьбы с белогвардейцами. Так подпольная группа села Ичкинское Шадринского уезда во главе с О. Баринцевым в ночь с 21 на 22 августа 1918 г. на тайном собрании решила «просить у власти оружие якобы для защиты крестьянства от большевиков», а в действительности для борьбы с временным правительством, для того, чтобы «мешать мобилизации». Но белым стало известно о существовании подпольной организации и о подготовке собрания. Здание, где проходило собрание, было окружено, и только некоторым подпольщикам удалось вырваться из окружения. Несколько человек тут же было расстреляно, другие брошены в тюрьму[3]. В отдельных районах действовали небольшие партизанские отряды и группы. В дальнейшем многие из них влились в партизанское соединение В. К. Блюхера, совершившего легендарный рейд по тылам противника, или с наступлением холодов были ликвидированы.

Подпольщики призывали крестьян использовать все возможности для успешной борьбы с контрреволюцией, срывать все мероприятия белогвардейских властей в деревне. Они всемерно боролись за трудовое крестьянство, привлекали его колеблющуюся часть на свою сторону. Широкие массы крестьянства отказывались от уплаты непосильных податей, поставок для белогвардейской армии, продовольствия и фуража, денег и лошадей.

В большинстве случаев крестьяне упорно продолжали занимать земли, которые по распоряжению белогвардейской власти подлежали изъятию, боролись против восстановления помещичьего землевладения. Упорную борьбу по земельному вопросу, а также по вопросу мобилизации вели крестьяне Усы-Степановской, Новотроицкой, Байкинской и других волостей Бирского уезда. Для противодействия большевистской агитации губернские и уездные власти направляли в села специально подготовленных «агитаторов». Но на сходах и собраниях крестьяне и слушать их не хотели, требуя отвечать лишь на вопросы о том, почему отнимают земли у крестьян и у власти утверждаются буржуи. Один из «агитаторов» после поездки в села Бирского уезда в отчете писал: «И вот в этой обстановке приходится работать нашим агитаторам. Однако каково?». Далее добавлял, что на вопросы крестьян можно ответить, «но это будет ложь!»[4]. Вскоре белогвардейцы бросили затею с «агитаторами», стали действовать и в этом районе своими привычными методами штыка и нагайки.

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1255, лл. 37—38; д. 1997, лл. 2—6.
[2] ЦГАОР, ф. 3825, оп. 1, д. 5, л. 61.
[3] Там же, лл. 61—64.
[4] ЦГАОР, ф. 673, оп. 1, д. 7, лл. 94, 97, 123.

Учитывая рост крестьянского движения против аграрных мероприятий и всей системы белогвардейской власти, Уральское правительство в сентябре 1918 г. разослало в уездные земские управы распоряжение, что усадебные земли от фактических владельцев возврату подлежат лишь в том случае, если лица, «получившие разрешение Советской власти» на занятие указанных усадебных мест, не возвели еще «никаких построек»[1]. Подобные «разъяснения» призваны были задним числом внести некоторое успокоение в крестьянские массы. Однако никакие полумеры уже не в состоянии были задержать процесс отрезвления и полевения колеблющихся слоев крестьянской деревни.

Коммунисты вели настойчивую работу по срыву мобилизации крестьян в белогвардейскую армию. Новобранцев не давали подчас целые села и волости. В отдельных случаях крестьяне открыто заявляли, что не желают служить в антинародной армии и сражаться против советских войск. Но в большинстве случаев они прибегали к скрытым формам отказа от мобилизации. Так общее собрание крестьян башкирских и русских деревень Московской волости Бирского уезда 14 ноября 1918 г. вынесло постановление, что согласно на мобилизацию «тогда только, когда будут мобилизовать весь Бирский уезд от 18 до 45 лет, оставляя только раненых»[2]. Разумеется, такой поголовной мобилизации белогвардейцы проводить не могли. Некоторые крестьянские сходы под воздействием большевистской агитации требовали вооружить мобилизуемых «на местах»[3]. Во многих районах крестьяне требовали выдачи удостоверения о том, что они не добровольцы, а насильно мобилизованные. Белогвардейцы запрещали местным властям выдавать такие удостоверения. Крестьяне использовали это как предлог для отказа от явки по мобилизации.

Итак, летом и осенью 1918 г. крестьянское революционное движение достигло значительного размаха. Борьба крестьян носила отчасти стихийный характер, но во многих районах она была организована коммунистами-подпольщиками. В уральской деревне к концу осени 1918 г. произошли значительные социально-классовые сдвиги. Активней стало выступать против контрреволюции беднейшее крестьянство, от кулачества начали отходить и вставать на позиции борьбы за восстановление Советской власти середняки, трудящиеся казаки. Назревали условия для резкого расширения социальной базы союза пролетариата и трудящегося крестьянства.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что основная масса середняков продолжала колебаться, не противодействуя реакции. Отчасти этим можно объяснить, что 18 ноября 1918 г. к власти в Сибири и на Урале пришел адмирал Колчак; установлена была военная буржуазно-монархическая диктатура, продержавшаяся длительное время. Но процесс полевения середняка Урала и Сибири, начавшийся еще до колчаковского переворота, в дальнейшем стал углубляться и, спустя несколько месяцев, завершился. Это в свою очередь послужило одной из важнейших причин краха колчаковщины.

Таким образом, несмотря на громадные трудности, в уральских городах и селах летом и осенью 1918 г. сложилась разветвленная сеть подпольных большевистских организаций, деятельностью которых руководил Центральный Комитет РКП(б), Уральский областной комитет и Сибирской областной подпольный комитет партии. Революционная борьба трудящихся Урала, возглавлявшаяся коммунистами, являлась важным фактором в общей борьбе советского народа за победу над силами внутренней и международной контрреволюции, за торжество дела социализма в нашей стране.

[1] ЦГАОР, ф. 1710, оп. 1, д. 76, л. 12.
[2] ЦГАОР, ф. 673, оп. 1, д. 7, л. 79.
[3] ЦГАОР, ф. 260, оп. 1, д. 4, л. 825.

Ст. преподаватель Л. Н. МОРДОВСКАЯ

УРАЛЬСКИЕ ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БОРЬБЕ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ В ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1925—1936 гг.)

Важнейшим условием создания материально-технической базы социализма является развитие тяжелой индустрии и электрификации. Только на их основе возможно было обеспечить экономическую независимость страны, укрепить ее оборонную мощь, решить главные экономические и политические задачи построения социализма. В индустриализации и электрификации В. И. Ленин видел также путь к преодолению вековой отсталости нашей страны, к росту культуры, народного образования и внедрению технических знаний в массы.

С переходом страны к индустриализации большое значение приобрел Урал, располагающий богатыми природными ресурсами. Партия и правительство взяли курс на превращение Урала в мощный очаг тяжелой индустрии, в серединную металлургическую базу страны, связанную с восточными районами и имеющую важное значение в укреплении оборонной мощи государства. Рост крупного промышленного производства требовал расширения энергетической базы, которая развивалась на Урале очень медленно и была представлена мелкими и несовершенными по техническому уровню электростанциями. Поэтому на VIII Уральской областной партийной конференции, состоявшейся в ноябре 1927 г., был остро поставлен вопрос о форсированном строительстве районных электростанций, которые обладают рядом преимуществ перед мелким электростроительством. К числу преимуществ относится, прежде всего, значительно меньшая стоимость сооружения районных станций на единицу установленной мощности и возможность обслуживания более широкого круга потребителей, максимальные нагрузки которых не совпадают. На районных станциях обеспечивается лучшая механизация рабочих процессов при меньшем штате обслуживающего персонала. Они, как правило, строятся поблизости от источников топлива, при этом могут быть использованы нетранспортабельные и малотранспортабельные виды топлива, что позволяет избежать лишних перевозок и получать более дешевую электроэнергию. Наконец, подключение небольших электростанций при отдельных предприятиях к мощным районным станциям обеспечивало экономичную эксплуатацию как тех, так и других.

Однако в первые годы индустриализации развитие электрификации на Урале значительно отставало от потребности быстроразвивающейся промышленности. Многие заводы, испытывая острую потребность в электроэнергии, стремились к созданию своих заводских станций, это распыляло средства и нарушало плановое развитие районной электрифика-

ции. Поэтому вопрос о ее развитии Уральская партийная организация с еще большей остротой поставила на IX областной конференции в апреле 1929 г. Было принято решение строить не только новые районные электростанции, но и добиваться опережающих темпов развития энергетики вообще. Это решение конференции нашло свое отражение в первом пятилетнем плане, принятом VII Уральским съездом Советов.

Планом предусматривалось создать три звена уральской энергосистемы вокруг расширявшихся Кизеловской, Челябинской и вновь строившейся Средне-Уральской районных электростанций. Поскольку потребности растущей промышленности нельзя было в короткий срок полностью удовлетворить за их счет, намечалось строительство и расширение фабрично-заводских электростанций в Магнитогорске, Кушве, Надеждинске, Березниках, а в ряде промышленных городов — коммунальных электростанций. Линия на развитие районной электрификации получила свое дальнейшее развитие в период борьбы за создание второй угольно-металлургической базы на востоке страны.

Руководствуясь директивами XVI съезда, Уральский областной комитет партии предложил пересмотреть пятилетний план, обратив особое внимание на создание второй угольно-металлургической базы и быстрое развитие электрификации. При составлении нового плана, который вошел в историю Урала и всего Советского Союза как план Большого Урала учитывались новые производственные возможности уральской экономики и вновь открытые естественные богатства. В плане Большого Урала ставился вопрос о коренном переломе в развитии районной электрификации, о создании энергетической базы, обеспечивающей развитие Урала как крупнейшей индустриальной базы страны. Мощность электростанций к концу пятилетки намечалось довести до 1 млн. 100 тыс. *квт* и создать единую трансуральскую линию электропередачи от Магнитной до Печоры, от Богословска до Сарапула, которая бы давала дешевую электроэнергию и обеспечивала действительное развитие производительных сил. В связи с необходимостью получения большого количества дешевой электроэнергии, ставился также вопрос об использовании водных ресурсов реки Камы и о сооружении на ней мощной электростанции [1].

Основными звеньями будущей трансуральской сети уже к 1931 г. должны были стать ЧГРЭС № 1, мощность которой намечалось увеличить с 27 до 120 тыс. *квт*, ЧГРЭС № 2, закладка которой планировалась в 1931 г., Кизеловская ГРЭС с увеличением мощности с 6 до 94 тыс. *квт*, Средне-Уральская, строившаяся близ Свердловска, Магнитогорская и Березниковская ТЭЦ, которые должны были дать ток к концу 1931 г. Кроме того, намечалось укрепить и расширить такие звенья общей сети, как Кушвинская, Нижне-Тагильская, Егоршинская, Пермская, Надеждинская, Богословская и прочие электростанции [2]. В соответствии с этими задачами резко увеличивались капиталовложения на электростроительство. В 1930—1931 гг. Энергостроем планировалось израсходовать на Урале 283 млн. руб. [3] В борьбе за районную электрификацию партийные организации развернули большую организационную и идейно-политическую работу. На стройках партийные организации, несмотря на сравнительную малочисленность, выступали инициаторами борьбы за досрочный пуск станций, возглавляли социалистическое соревнование, смело и решительно преодолевали трудности и недостатки.

Так, бюро партколлектива ЧГРЭС при поддержке профсоюзной организации и наиболее активных рабочих выступило за то, чтобы первая очередь станции дала ток не в ноябре, как это намечалось Главэнерго,

---

[1] «Уральский рабочий», 15 июня 1930 г.
[2] ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 466, л. 146.
[3] «Уральский рабочий», 15 июня 1930 г.

а 10 сентября 1930 г. Досрочный пуск должен был дать 1,5 млн. руб. экономии и своевременно обеспечить электроэнергией промышленные предприятия [1].

Партийная организация ЧГРЭС, поддержанная широкой массой строителей, решительно выступила против консервативной группы специалистов во главе с Пальшау и Ракушевым, которая не верила в возможность досрочного пуска станции и пыталась сорвать его.

Авангардную роль в массовой борьбе за досрочный пуск станции занимали коммунисты. Партийные ячейки систематически проверяли участие коммунистов в соревновании и ударничестве, на партсобраниях практиковались самоотчеты отдельных коммунистов. По инициативе партийной организации ЧГРЭС был проведен слет актива ударников, на котором решено было отказаться от выходных дней в предпусковой период, а также провести коммунистический субботник всех рабочих стройки [2]. Партийная организация проводила большую разъяснительную работу среди рабочих, призывая вести борьбу с недисциплинированностью, бесхозяйственностью, рвачеством. Особенно остро ставились вопросы борьбы за снижение себестоимости строительства (на 15 проц.), роста производительности труда, снижения административно-хозяйственных расходов. Благодаря умелому руководству партийной организации на строительстве быстро росло соцсоревнование. Если в январе 1930 г. на строительстве было 44 соревнующихся рабочих бригады, а инженерно-технические работники и служащие в соревновании не участвовали, то в августе соревнующихся рабочих бригад было уже 170, 4 бригады инженерно-технических работников, 5 из служащих и 2 из младшего обслуживающего персонала. Число соревнующихся за этот же период выросло с 21,5 до 48 проц. к общему числу рабочих [3]. В ходе социалистического соревнования росла и сознательность рабочих, выковывалась трудовая дисциплина, проявлялись образцы трудового героизма. Была проведена перестройка партийной работы, центр тяжести которой переносился непосредственно в цех, бригаду. Партгруппы занимались производственными вопросами, руководили треугольниками бригад, брали шефство над отстающими бригадами. На Магнитогорской ЦЭС, например, монтажная группа коммуниста Гольдина «брала на буксир» строительные группы, вовлекала в соревнование беспартийных. С парторгами систематически проводились совещания, на которых разрешались производственные вопросы того участка, где работала группа [4]. Это обеспечивало успешное решение наиболее сложных задач в сжатые сроки. Так бригада монтажников, которой руководил член партии ленинского призыва И. В. Желобаев, присланный из Ленинграда, смонтировала турбогенератор мощностью 12 тыс. квт. за 27 дней, а турбогенератор в 25 тыс. квт., который, по подсчетам иностранных специалистов, можно было смонтировать не менее чем за полгода, бригада Желобаева смонтировала за 39 дней [5].

Общей чертой партийной работы на строящихся электростанциях было стремление найти такие формы массовой работы, которые будили бы творческую инициативу коллектива, привлекали его к решению наиболее сложных производственных задач, улучшали показатели в труде. К числу таких форм относились так называемые производственные зарядки, которые состояли в том, что после работы бригада или смена собиралась на 10—15 минут для обсуждения выполненной работы и со-

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 138, л. 296.

[2] «Челябинский рабочий», 27 июля 1930 г.

[3] ГАСО, ф. 339, оп. 8, д. 115, л. 34.

[4] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 793, лл. 166, 167.

[5] «Свет над Россией». Очерки по истории электрификации СССР. Госполитиздат, М., 1960, стр. 47.

ставления плана на следующий день с распределением функций каждого члена бригады [1].

Интересной формой массовой работы на строительстве Магнитогорской ЦЭС было создание «фонда большевистского творчества». В этот «фонд» систематически заносился весь ценный опыт работы, собирались все серьезные практические достижения каждого члена партии в области партийной, профессиональной и хозяйственной деятельности. Инициатива организации «фонда большевистского творчества» встретила живой отклик рабочих.

Партийная организация Березниковской ТЭЦ выступила инициатором созыва объединенной технической конференции по опыту монтажа электростанции. Это предложение было горячо поддержано коллективами Магнитогорской и Челябинской электростанций [2]. Положительное значение имело также заключение договоров соцсоревнования между строительствами Челябинской, Кизеловской ГРЭС и Иваново-Вознесенской электростанций. Отчеты штабов по соцсоревнованию обычно заслушивались на бюро ячеек; при этом коллективы заимствовали положительный опыт друг друга. Так, например, при обсуждении на общем партийном собрании КизелГРЭС вопроса о ходе соревнования с ЧГРЭС решено было заимствовать опыт коллектива этой станции по вовлечению в соцсоревнование рабочих и инженерно-технических работников [3]. В свою очередь, партийная организация ЧГРЭС решила заимствовать у «Кизелстроя» опыт налаживания культурно-массовой работы и рабочего питания [4].

Партийные организации широко использовали печать. Газеты «Челябинский рабочий» и «Уральский рабочий» регулярно печатали материалы о ходе строительства районных электростанций.

Важная роль принадлежала также многотиражным газетам «За электроэнергию» — на ЧГРЭС, «Даешь темпы!» — на КизелГРЭС, «Электроток — в срок!» — на Магнитогорской ЦЭС. Эти газеты широко пропагандировали опыт лучших ударных бригад, печатали материалы о трудностях, недостатках и успехах в ходе строительства, разоблачали нарушителей трудовой дисциплины, заостряли внимание коллектива на наиболее важных задачах.

Успеху массовой работы во многом содействовало умение партийных организаций привлечь к решению очередных задач профсоюзы, комсомол. Еще В. И. Ленин указывал, что «...без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженнейшей работы их...» [5] невозможны были бы успехи в хозяйственном строительстве.

Особенно большую роль играли профсоюзы в руководстве производственными совещаниями. С помощью производственных совещаний на строительстве ЧГРЭС успешно велась борьба за высвобождение дополнительных средств, за бережное расходование стройматериалов, за снижение себестоимости строительства. На производственных совещаниях вскрывались все недостатки, мешающие сокращению сроков строительства. Все эти мероприятия позволили значительно снизить расходы на доставку строительного материала и административно-накладные расходы, более правильно были распределены силы в административном аппарате, разработан четкий план заготовки строительных материалов [6].

Положительные результаты были достигнуты и на Кизеловской ГРЭС. Если в 1925—1926 гг. общие административные расходы составляли 51,21 проц. от производственных затрат на сооружение станции, то в

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 248, л. 69.
[2] «Уральский рабочий», 26 октября 1931 г.
[3] ПАПО, ф. 156, оп. 1, д. 207, л. 161.
[4] ПАЧО, ф. 127, оп. 1, д. 2, лл. 56, 66.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 31.
[6] ПАЧО, ф. 127, оп. 1, д. 1, л. 119.

1926—1927 гг. они составили 32,66 проц. Расходы по содержанию хозяйства сократились на 46,7 проц., накладные расходы на материалы — на 56 проц. и на содержание управления — на 38 проц.[1]

Большое внимание производственные совещания уделяли вопросам рационализации, удешевления электроэнергии, правильной расстановки рабочей силы; по-новому решались наиболее важные производственные вопросы. Так по предложению производственного совещания на КизелГРЭС была введена железнодорожная ветка с механизированной укладкой угля, давшая до 200 руб. экономии в месяц[2]. На Магнитогорской ЦЭС по-новому осуществлялся монтаж оборудования: работы велись одновременно на всех объектах, что почти втрое сократило сроки работ[3].

Профсоюзы руководили социалистическим соревнованием. Чтобы оно было конкретным, отвечало ленинским принципам гласности, сопоставимости результатов, массовости, рабочком ЧГРЭС через производственные комиссии и подкомиссии наладил контроль за выполнением соцобязательств. Члены комиссий и подкомиссий раскреплялись по бригадам, они добивались, чтобы каждый рабочий хорошо знал производственные задачи и план. Была проведена конференция ударников и составлены диаграммы хода соревнования[4]. Рабочком возглавил борьбу за право получения боевого знамени кавалерийской бригады Особой Дальневосточной Армии, имевшей шефские связи с предприятиями Челябинска. С помощью коммунистов рабочком разъяснял рабочим, что борьба за знамя должна стать борьбой за досрочный пуск станции[5].

Все эти формы профсоюзной работы содействовали наиболее широкому проявлению инициативы масс, росту трудовой дисциплины и сознательности.

Верным помощником партийных организаций в развертывании электрификации был комсомол. Выступая на III съезде РКСМ, В. И. Ленин говорил: «Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин»[6]. Эту роль комсомол проявлял и на строительстве ЧГРЭС, КизелГРЭС, Магнитогорской и других электростанций. Молодежь горячо откликнулась на обращение XVI партийной конференции о развертывании соцсоревнования. На строительстве ЧГРЭС четыреста пятьдесят юношей и девушек включились в соревнование. Комсомольской организацией был проведен слет ударной молодежи, в котором участвовало 230 человек. Комсомол выступил инициатором создания на строительстве школы ФЗУ, она должна была подготовить к пуску станции квалифицированных рабочих-эксплуатационников. Широко практиковалось проведение вечеров молодых производственников.

В передовых рядах строителей шли и комсомольцы Магнитогорской ЦЭС. Их силами были смонтированы и пущены турбины № 2, котел № 1, щит планово-распределительного устройства. Особенно высоких показателей в труде добились бригады комсомольцев Козлова, Ворошилкина, Баннова, Савиных, Суворова[7]. Большим авторитетом на стройке пользовалась комсомолка-ударница инженер Елена Джапаридзе, дочь Алексея Джапаридзе, одного из 26 бакинских комиссаров, расстрелянных интервентами.

Комсомольцы Кизела объявили себя шефами ГРЭС и послали на строительство свои лучше силы. Благодаря их энергии и трудовому

---

[1] ПАПО, ф. 156, оп. 1, д. 45, л. 94.
[2] Там же, лл. 105, 106.
[3] «Уральский рабочий», 24 октября 1931 г.
[4] ПАЧО, ф. 127, оп. 1, д. 2, л. 123.
[5] Там же, д. 3, л. 67.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 316.
[7] «Уральский рабочий», 26 октября 1931 г.

энтузиазму первая турбина второй очереди была пущена в назначенный срок [1].

Партийные организации придавали большое значение деятельности комсомола, проявляли постоянное внимание к улучшению его работы. Выступая на VI областной конференции комсомола в июне 1929 г., секретарь Уралобкома И. Д. Кабаков призывал молодежь к практическому участию в развитии электрификации. «Вопрос электрификации — это уже не лозунг, а задача сегодняшнего дня»,— говорил И. Д. Кабаков. Он горячо призывал молодежь к стойкости, выдержанности и мобилизации всей творческой энергии для выполнения этой задачи. Славную традицию участия в строительстве электростанций и сейчас выполняет комсомол Урала, показывая образцы трудового героизма на строительстве Рефтинской ГРЭС, на действующей ныне Белоярской атомной электростанции и ряде других.

Развертывая организационно-массовую работу, партийные организации не ослабляли внимания к идейно-политическому воспитанию масс. Этого требовала и сложная политическая обстановка, в которой развертывалась борьба за электрификацию и индустриализацию. Классовые враги оказывали упорное сопротивление строительству социализма. В среду рабочих, в условиях неорганизованного набора, зачастую проникали выходцы из кулаков, торговцев, уголовных преступников, затаивших злобу. Они нарушали трудовую дисциплину, вели антисоветскую пропаганду. Были факты враждебной деятельности и со стороны некоторых иностранных инженеров, которые не верили в силы рабочего класса и в реальность планов социалистического строительства. Все это требовало наступательной идеологической работы. Поэтому вопросы марксистско-ленинского воспитания коммунистов часто обсуждались на бюро и партийных собраниях. По решению бюро партколлектива ЧГРЭС был проведен массовый день — «Ударник партийной учебы» с постановкой вопроса о новых задачах марксистско-ленинского воспитания. Комплектование сети партийного просвещения основывалось на разнообразии форм учебы с учетом производственных условий (сменность, квалификация и др.) [2].

Вопросы партийной учебы были остро поставлены и на втором пленуме парткома строительства КизелГРЭС в сентябре 1931 г. В решениях пленума уделялось большое внимание широкому охвату сетью партпросвещения не только коммунистов и комсомольцев, но и всех беспартийных [3]. Следуя этим указаниям, партячейки КизелГРЭС стали больше уделять внимания агитационно-пропагандистской работе. В бараках, красных уголках, при клубе проводились лекции, беседы, вечера вопросов и ответов. Такие темы бесед, как «Освобождение Урала от Колчака», «Международное положение», «Решения VI Конгресса Коминтерна», «О развертывании критики и самокритики», вызывали большой интерес рабочих. Широко проводилась и антирелигиозная пропаганда. Вопрос об улучшении антирелигиозной работы обсуждался на собрании партийной ячейки КизелГРЭС 1 октября 1928 г. Был создан кружок безбожников, который организовывал беседы на антирелигиозные темы [4].

Хорошо поставлена была агитационная работа и на Магнитогорской электростанции. Культсектор ячеек создал агитмассовый коллектив в составе 35 человек. Перед каждым выходом для проведения бесед агитколлектив тщательно инструктировался. Для работы с вновь прибывающими на строительство была специально создана агитбригада [5].

---

[1] «Уральский рабочий», 11 февраля 1931 г.
[2] ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 508, л. 92.
[3] ПАПО, ф. 61, оп. 13, д. 66, л. 9.
[4] ПАПО, ф. 156, оп. 1, д. 105, л. 209.
[5] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 73, лл. 166, 167.

Все это содействовало закреплению рабочих на стройке, росту их активности и трудовой дисциплины. Большое внимание партийные, профсоюзные и комсомольские организации уделяли культурно-воспитательной работе. Партийное бюро кизелстроевской ячейки неоднократно обсуждало вопрос о работе правления клуба, который был очагом культуры на строительстве. Особенно большую помощь клубу оказывали секретарь ячейки Авдеев и коммунист Якимов[1]. При клубе работало несколько кружков самодеятельности, проводились вечера производственников.

Благодаря вниманию партийной ячейки оживилась деятельность рабкоровского кружка, улучшила работу библиотека, правление клуба стало более тщательно подходить к подбору репертуара кинокартин. Коммунисты проводили большую воспитательную работу в каждом бараке, красном уголке.

На строительстве было много рабочих татаро-башкирской национальности. Члену бюро кизелстроевской организации Шарафутдинову было поручено организовать политико-воспитательную работу среди них. Была расширена сеть красных уголков, стали работать радиоточки в бараках, несколько рабочих татаро-башкирской национальности вступили в ряды партии[2]. В процессе развертывания агитационно-массовой и культурно-воспитательной работы укреплялись и численно росли сами партийные организации. Они пополнялись за счет наиболее передовых рабочих и инженерно-технических работников. Особенно бурно росла партийная организация на Магнитогорской ЦЭС. В начале 1931 г. в ней было всего 48 человек, а к октябрю 1931 г. в ее рядах насчитывалось уже 500 человек[3]. Только в период борьбы за досрочное окончание станции 35 инженеров и техников вступили в партию и комсомол[4]. Это свидетельствовало о растущем авторитете партийной организации. Усилилась и роль партийного руководства со стороны вышестоящих партийных организаций. Уралобком, окружкомы и райкомы, следя за ходом строительства, давали ценные указания и рекомендации, осуществляли контроль за деятельностью первичных организаций, периодически заслушивали сообщения о состоянии дел на строительстве.

В результате многосторонней и сложной работы, проведенной коллективами рабочих под руководством партийных организаций, строительство и расширение ЧГРЭС, Магнитогорской ЦЭС, Березниковской ТЭЦ, Егоршинской ГРЭС было завершено в намеченные сроки, и лишь с опозданием (15 февраля 1931 г. вместо октября 1930 г.) было завершено расширение Кизеловской ГРЭС.

Однако в работе партийных организаций имелись не только успехи, но и существенные недостатки, которые зачастую очень тормозили успешное развитие электрификации. Не хватало еще опыта организационно-массовой работы, отсутствовала иногда слаженность и увязка в работе коммунистов-руководителей. Недостаточно четко осуществлялась проверка исполнения принятых решений, имелись факты аморального поведения некоторых коммунистов.

На ходе электрификации отрицательно сказывались несвоевременная доставка оборудования и строительных материалов, острый недостаток в квалифицированных рабочих и инженерно-техническом персонале, отсутствие хозяйственного подхода к реализации отпущенных правительством средств.

Расширение существующих и строительство новых мощных электростанций и сетей не поспевали за бурно развивающейся уральской промышленностью. К 1931 г. создался разрыв между спросом на электро-

[1] ПАПО, ф. 156, оп. 1, л. 100.
[2] ПАПО, ф. 156, оп. 1, д. 105, л. 159.
[3] ПАПО, ф. 61, оп. 13, д. 66, л. 9.
[4] «Уральский рабочий», 24 октября 1931 г.

энергию и выработкой ее. Так из-за недостатка электроэнергии бездействовали экскаваторы на Пермском судостроительном заводе, не выполняли производственного плана Кизеловские шахты, не могли полностью развернуть свое производство Чусовские домны, задерживалось строительство Тагильского металлургического завода. Такое положение было особенно нетерпимо в период создания Урало-Кузнецкого комбината, когда необходимо было обеспечить широкое развитие всех отраслей хозяйства и особенно металлургии. Поэтому вопрос о состоянии уральской электрификации и дальнейшем ее развитии стоял в центре внимания IV объединенного пленума Уралобкома и областной Контрольной комиссии, состоявшихся 13 января 1931 г. Глубоко проанализировав причины отставания электрификации, пленум предложил всем предприятиям соблюдать жесткий график расхода электроэнергии. Одновременно было принято решение поставить перед Центром вопрос о помощи в ускоренном пуске агрегатов на Кизеловской электростанции и ЧГРЭС, а также о форсировании строительства Средне-Уральской, Нижне-Салдинской и расширении Свердловской, Кушвинской электростанций [1]. По решению Уралобкома важнейшие электростанции (Кизеловская ГРЭС, ЧГРЭС, Средне-Уральская) были прикреплены к производственным единицам, выпускающим стройматериалы. Заводам, получившим заказы на оборудование от строительств электростанций, предписывалось выполнить их в строго назначенные сроки.

Для оказания помощи кадрами Уралобком решил в декадный срок мобилизовать 20 коммунистов в распоряжение Уралэнерго на руководящие административно-хозяйственные должности. Уралсовнархоз должен был выделить 6 инженеров-электриков, 8 инженеров-теплотехников и 10 инженеров-строителей, добиться от ВСНХ направления на Урал инженеров, электриков, теплотехников и строителей не менее 150 человек [2].

Райкомы партии тех районов, где осуществлялось электростроительство, Уралобком обязал перестроить партийную работу с тем, чтобы партийные силы на электростанциях распределялись по сменам, агрегатам, чтобы возросла ответственность каждого коммуниста за выполнение производственных заданий. Райкомам поручалось укрепить аппараты строительств электростанций партийными, профессиональными и хозяйственными работниками, иметь в составе бюро отвечающего за ход строительства электростанций [3].

Таким образом, Уралобком разработал широкую программу борьбы за превращение электрификации из отсталой отрасли хозяйства в отрасль, стимулирующую развитие промышленности и обеспечивающую успешное завершение реконструкции.

Большая помощь Уралу была оказана Президиумом ВСНХ и его председателем Г. К. Орджоникидзе. Всем заводам и ведомствам было дано предписание своевременно выполнять заказы на оборудование для уральских станций. Энергоцентру и Всесоюзному электрическому отделению поручалось в сжатые сроки закончить проектирование и размещение заказов уральских станций. Одновременно Президиум ВСНХ принял решение оказать Уралу помощь инженерно-техническим персоналом и квалифицированной рабочей силой [4].

Горячее участие в борьбе за ликвидацию дефицита электроэнергии принимал и комсомол Урала. Седьмая областная конференция, состоявшаяся в 1931 г., горячо поддержала решение ЦК ВЛКСМ о принятии комсомолом шефства над электростроительством. В ее обращении говорилось: «Наши уральские заводы-гиганты задыхаются от недостатка

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 5, л. 123—124.
[2] Там же, д. 731, л. 45.
[3] Там же, л. 46, 47.
[4] Там же, лл. 12, 170, 171.

электроэнергии; железнодорожная сеть ждет потока мощных электровозов, идущих на смену паровозу. Свыше 150 тыс. квт. дополнительно требует растущая промышленность Урала в 1931 г. Мы должны в максимально короткий срок ликвидировать разрыв между ростом электростроительства и ростом промышленности Урала в 1931 г. Стройка электростанций должна проходить по встречному промфинплану. Стройка ждет комсомольских сил!»[1].

Общее стремление ликвидировать затруднения с электроэнергией выразилось в оживлении партийной работы на электростанциях, в широком развитии соревнования и ударничества, в усилении борьбы за экономию электроэнергии и сокращение сроков строительства.

XI Уральская областная партийная конференция, состоявшаяся в январе 1932 г., опираясь на трудовой подъем масс, наметила обширную программу дальнейшего электростроительства. Эта программа должна была ликвидировать острый недостаток электроэнергии в ряде районов Урала и удовлетворить потребность бурно развивающегося хозяйства. Для осуществления этой программы необходимы были не только достаточные размеры финансирования, но и систематическая подготовка энергетических кадров, создание на Урале собственной электротехнической базы.

Развитие электрификации с самого начала наталкивалось на острый недостаток кадров. Урал почти не готовил их и постоянно обращался за помощью в Центр. Правда, в составе Уральского государственного университета, основанного в 1920 г., был механический факультет, имевший энергетическое направление со специальностями по электротехнике и теплотехнике. Но в 1923 г. механический факультет был закрыт, а двенадцати студентам разрешалось закончить образование по избранной специальности[2]. В мае 1925 г. университет был переименован в Уральский политехнический институт, а в 1929 г. в нем вновь открылся механический факультет, в который входили энергетические специальности.

С особой остротой встал вопрос о квалифицированных энергетических кадрах в 1930 г. в связи с проблемой Большого Урала и Урало-Кузнецкого комбината. По очень скромным подсчетам комиссии Подвойского, работавшей на Урале в январе 1930 г., потребность только в одних инженерах-электриках исчислялась на пятилетие в 2500 чел. Примерно столько же требовалось инженеров-теплотехников[3].

Поэтому перед правительством был поставлен вопрос о создании на Урале специального электро- и теплотехнического института. Первого октября 1930 г. механический факультет политехнического института реорганизован был в два отраслевых института: механико-машиностроительный и энергетический, переданный в ведение Энергоцентра. В январе 1932 г. в институте было 7 специальностей, имеющих непосредственную связь с энергетикой Урала[4].

Кроме Уральского энергетического института, кадры для энергетического хозяйства готовили Свердловский и Челябинский энергетические техникумы, а также Пермское отделение Свердловского энерготехникума. Все техникумы подчинялись Энергоцентру. Но по мере возрастания потребности в хорошо подготовленных кадрах техникумы были переданы непосредственно в ведение Уралэнерго, что позволяло осуществлять контроль и принимать меры по улучшению подготовки энергетических кадров не путем бумажной переписки, а вникая на месте в существо дела[5].

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 731, л. 191.
[2] Там же, д. 1060, л. 183.
[3] «Уральский рабочий», 7 июня 1930 г.
[4] ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 1060, л. 184.
[5] Там же, д. 892, л. 2.

Быстрое развитие электрификации потребовало также решения вопроса о подготовке квалифицированных рабочих. Потребность в квалифицированных кадрах для электропромышленности в 1930—1933 гг. по расчетам Уралэнерго составляла 4117 человек[1]. Намечалось удовлетворить эту потребность, главным образом, через профтехкурсы, через ЦИТ (Центральный институт труда), через ФЗУ и школы рабочего юношества (ШРЮ).

Подготовка кадров проводилась и на действующих и строящихся электростанциях. Так, например, на ЧГРЭС по инициативе партийной организации были созданы годичные курсы с теплотехническим и электротехническим уклоном. В период борьбы за досрочный пуск станции срочно были открыты курсы строительных десятников, каменщиков, бетонщиков, бурильщиков, штукатуров. Кроме того, по предложению инженерно-технических работников ЧГРЭС создан был вечерний энергетический техникум. При нем были организованы краткосрочные курсы по подготовке квалифицированных рабочих для эксплуатации станций[2]. Испытывая недостаток в инженерно-технических работниках, строительство ЧГРЭС законтрактовало в качестве будущих инженеров и техников 10 человек, которые как стипендиаты ЧГРЭС учились во втузах[3].

В моменты особенно напряженной борьбы за развитие электрификации Уралобком неоднократно мобилизовывал лучших коммунистов и квалифицированных рабочих на наиболее ответственные стройки.

Таким образом, несмотря на большие трудности, проблема кадров была решена. Урал сам становился кузницей технических кадров.

Второй важнейшей проблемой, выдвинутой бурным развитием электрификации и задачами строительства Урало-Кузнецкого комбината, было создание электротехнической промышленности. На Урале и во всей Восточной части страны электропромышленности почти не имелось, если не считать завода «Вольта», требовавшего коренной реконструкции. В стране в это время в связи с размахом электрификации ощущался острый недостаток электрооборудования. Приходилось прибегать к импорту, что очень дорого обходилось государству. Поэтому XVI съезд партии выдвинул задачу форсированного развития электротехнической промышленности, которая в 1929—1930 гг. должна была увеличить выпуск продукции в 2,7 раза вместо 1,8 раза по пятилетнему плану[4].

Учитывая наличие на Урале богатых ресурсов, необходимых для развития электротехнической промышленности, Президиум ВСНХ СССР 5 декабря 1931 г. принял постановление «О строительстве в Свердловске большого электротехнического комбината по производству мощных турбогенераторов, электрической аппаратуры, нормальных и специальных машин, трансформаторов и кабелей»[5].

К маю 1931 г. были закончены работы специальных экспертных комиссий, выделенных Всесоюзным электрическим отделением для уточнения промышленных заданий.

В состав комбината входили следующие заводы: турбогенераторный, машиностроительный, трансформаторный, аппаратный, кабельный. Проектная мощность всего комбината по выпуску в ценах 1926/27 гг. намечалась в 2 млрд. 100 млн. руб.[6]

9 июля 1932 г. СТО утвердил проект комбината с некоторыми изменениями и уточнениями. Наркомату тяжелой промышленности поруча-

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 1060, л. 8.
[2] ПАЧО, ф. 127, оп. 1, д. 3, л. 68.
[3] ГАСО, ф. 339, оп. 8, д. 115, л. 116.
[4] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов, Изд. 7, ч. III, Госполитиздат, 1954, стр. 38.
[5] ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 710, л. 17.
[6] ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 710, лл. 43, 44.

лось немедленно приступить к строительству. Комбинат должен был стать электротехнической базой Урала и Восточной части Союза. Пуск Уральского электротехнического завода (ныне Уральского завода тяжелого электротехнического машиностроения имени В. И. Ленина) состоялся 15 июня 1934 г.

Постановление правительства о строительстве Свердловского эльмашкомбината определило специализацию завода «Вольта», который был переключен только на выпуск нормальных моторов переменного тока. Одновременно решено было расширить и реконструировать завод с тем, чтобы довести выпуск продукции до 60 млн. руб.[1]

В мае 1931 г. завод «Вольта» приступил к реконструкции цехов на основе имеющихся площадей и основного оборудования. Партийная организация возглавила борьбу за реконструкцию завода. Благодаря широко развернутой партийно-массовой работе уже в первом полугодии 1931 г. 96 проц. рабочих завода участвовало в соцсоревновании[2]. Завод успешно выполнял производственную программу и увеличил производительность на 68 проц. по сравнению с 1930 г.[3] В результате внедрения рационализаторских предложений была получена экономия в размере 483 400 руб. вместо заданных 337 тыс. руб.[4] Четкая организация производства позволила заводу «Вольта» успешно осуществить реконструкцию и выполнять важную роль в снабжении Урала электромашинами.

К концу 1932 г. был ликвидирован острый дефицит электроэнергии и достигнуты большие успехи в борьбе за досрочное выполнение пятилетнего плана. Одним из наиболее важных результатов первой пятилетки было создание на Урале мощной энергетической базы. Установленная мощность уральских электростанций выросла более, чем в 3 раза (со 140 до 495 тыс. *квт*), тогда как пятилетним планом проектировалось довести мощности до 446,5 тыс. *квт*. Таким образом, к концу первой пятилетки Урал имел половину той энергетической мощности, которую имела вся довоенная царская Россия[5]. Выработка электроэнергии с 1929 по 1932 гг. увеличилась в 4 раза и достигла 1159 млн. *квт/ч*. Прирост мощности и выработки электроэнергии проходил темпами, превышающими общие темпы по всему Советскому Союзу. Это привело к повышению удельного веса уральского энергохозяйства в общесоюзной энергетике по мощности с 6,7 проц. в 1927—1928 гг. до 10,8 проц. в 1932 г. и по выработке электроэнергии соответственно с 5,7 проц. до 8,8 проц.[6] Значительно возросла энерговооруженность труда, шире стали использоваться машины в наиболее трудоемких отраслях промышленности.

В развитии электрификации на Урале произошли глубокие и качественные изменения. К концу пятилетки сложилась система районных станций, питающих электроэнергией широкий круг потребителей. Если к началу первой пятилетки фактически была одна Кизеловская электростанция, на долю которой приходилось 18,2 проц. всей вырабатываемой электроэнергии, то к 1932 г. было уже 7 районных электростанций, дававших 54 проц. вырабатываемой электроэнергии[7]. Если к этому прибавить выработку на таких крупнейших заводских станциях, как Магнитогорская, Березниковская, по существу являющихся районными

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 710, л. 53.
[2] Там же, л. 173.
[3] Стенографический отчет XI Уральской областной конференции ВКП(б). Январь 1932 г. Свердловск, стр. 96.
[4] ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 710, л. 173.
[5] Там же, оп. 11, д. 4, л. 82.
[6] Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Изд. Уралплана. Свердловск, 1934, стр. 26.
[7] Там же.

станциями, то получалось, что подавляющая часть энергии вырабатывалась на крупных районных станциях.

О качественных сдвигах в уральской энергетике свидетельствовал также переход на более мощные агрегаты при резком снижении удельного расхода топлива на 1 *квт/ч*. Новым было возрастание комбинированной выработки электроэнергии и тепла на тепловых электростанциях, что повысило коэффициент полезного действия топлива в 2—3 раза. Крупным успехом было осуществление одной из главных идей плана ГОЭЛРО и пятилетнего плана — максимальное использование в качестве базы электрификации местных энергетических ресурсов и низкосортных видов топлива. 85 проц. электростанций к концу пятилетки использовали местные энергетические ресурсы. Электрификация и бурное развитие промышленности изменили уральскую экономику. Если в начале первой пятилетки Урал по электрификации отставал от Украины, Московской и Ленинградской областей (мощность ленинградских станций в два раза превышала мощность электростанций Урала), то к концу пятилетки он обогнал Ленинград и вплотную приблизился к Москве [1].

В ходе борьбы за выполнение пятилетнего плана на электростанциях численно выросли и окрепли партийные организации. Они шли в авангарде борьбы за досрочное выполнение плана.

Важным этапом в развитии электрификации Урала явилась вторая пятилетка. Во втором пятилетии предусматривалось увеличить мощность уральских станций в 5—6 раз и довести ее до 4,5 млн. *квт*. Для этого надо было ввести новые мощности — свыше 3,5 млн. квт.[2] Намечалось также дальнейшее качественное совершенствование энергохозяйства Урала (переход на более мощные агрегаты, высокое давление пара и более широкое внедрение техники сжигания пылевидного топлива). Особое внимание было обращено на сооружение разветвленной системы высоковольтной сети и более широкое внедрение электричества во все отрасли народного хозяйства.

Претворение в жизнь этого плана требовало от партийных организаций резкого улучшения организационно-массовой, политической деятельности. Они призваны были возглавить борьбу за улучшение работы уже построенных станций и руководить строительством СУГРЭС, Богословской электростанции, Камской гидростанции.

Партийные организации должны были осуществлять руководство фактически двумя коллективами: строителей, продолжающих расширение или сооружение второй очереди станций, и эксплуатационников уже на действующих станциях. Каждый из этих коллективов рабочих и специалистов имел свои задачи, свои трудности в работе. Это привело к некоторому ухудшению партийной и профсоюзной работы на ряде электростанций.

На некоторых станциях имелись случаи снижения производственных показателей, неудовлетворительного отношения к росту технического уровня кадров. Это вызвало законную тревогу Уралобкома, который, глубоко изучив работу ряда электростанций, 26 февраля 1935 г. принял постановление, направленное на улучшение партийной работы и усиление политического влияния, особенно на решающих и отстающих участках. Это постановление оказало большую помощь всем партийным организациям. Производственные вопросы стали систематически ставиться на партийных бюро. Были созданы сменные парторганизации во главе с парторгами групп, которые подчинялись непосредственно парткому. По инициативе партийных организаций устанавливались обязательные передачи бригадами своих смен с обсуждением результатов работы каждой смены. Эти «десятиминутки» помогали устранять все замеченные недо-

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 4, л. 82.
[2] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 834, л. 163.

статки. Партийные организации развернули решительную борьбу с авариями. За безаварийную работу, своевременный и высококачественный ремонт оборудования выдавались премии.

Партийные организации электростанций провели перестройку партучебы коммунистов. На КизелГРЭС, например, был организован партийный кабинет, при котором работали политшкола и кружки партийного просвещения. Три раза в месяц работали курсы парторгов с отрывом от производства, на которых изучались важнейшие вопросы партийной работы. Курсами руководила секретарь парткома тов. Наседкина[1].

Положительно влияли на работу и партийно-технические конференции, они проводились на Кизеловской и других электростанциях. Конференции приковывали внимание коммунистов к таким важным вопросам, как улучшение техучебы, повышение активности коммунистов и комсомольцев в развертывании соцсоревнования.

Улучшение работы электростанций было достигнуто и благодаря введению хозрасчета, обеспечившего экономию топлива и снижение себестоимости. Не случайно и сейчас сентябрьским Пленумом ЦК КПСС 1965 г. остро ставится вопрос о широком внедрении хозрасчета как одного из важнейших средств улучшения организации труда.

Осуществление вышеперечисленных мероприятий не замедлило сказаться. Уже в первом полугодии 1935 г. выработка электроэнергии на КизелГРЭС составила 114,1 проц. к плану. Станция добилась значительной экономии топлива — 6373 тонны против плана, снизилась себестоимость киловатт-часа. В результате за первое полугодие было сэкономлено 400 тыс. руб.[2] Значительно снизилась аварийность по вине персонала. Если в 1934 г. на станции произошла 41 авария, то в 1935—17[3].

Положительных результатов достиг коллектив ЧелябГРЭС. Он добился значительного снижения расхода топлива. На 1 *квт/ч* расход его составил здесь 0,6 кг. На VIII Всесоюзном съезде Советов Г. К. Орджоникидзе назвал Челябинскую электростанцию в числе лучших станций Главэнерго по снижению расхода топлива[4].

Одновременно с развертыванием борьбы за улучшение работы действующих станций партийные организации приняли меры по форсированию строительства СУГРЭС и начавшей строиться, но достроенной уже в послевоенный период, Камской ГЭС.

Коммунисты шли в авангарде строителей СУГРЭС. Особенно хорошо работали коммунист Закиров, бригадир-бетонщик; коммунист плотник Дроздов[5]. На Камской ГЭС коммунисты Барановский и Балатердин внесли ряд рационализаторских предложений, обеспечивших значительную экономию средств и времени[6]. Но Камская ГЭС в 1936 г. выполнила план строительства на 79,2 проц. Этот низкий процент выполнения плана был связан с плохой организацией строительных работ, засоренностью аппарата случайными людьми, текучестью рабочей силы и наличием малочисленной парторганизации (78 членов и 23 кандидата партии)[7].

Поэтому по решению Пермского горкома на строительство КамГЭС было послано 100 коммунистов, которые, прибыв на стройку, внесли свежую струю в работу партийной организации и повели борьбу за устранение всех недостатков. Здесь широко развернулась борьба за снижение себестоимости строительства, были пересмотрены старые нормы и внедрялась индивидуально-звеньевая оплата труда, соответствующая принципу материальной заинтересованности. Одновременно были приняты

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 13, д. 715, л. 132.
[2] Там же, д. 716, л. 170.
[3] Там же, л. 125.
[4] «Уральский рабочий», 3 февраля 1935 г.
[5] ПАСО, ф. 4, оп. 13, д. 378, л. 118.
[6] ПАСО, ф. 4, оп. 14, д. 874, л. 72.
[7] Там же, л. 61.

меры по закреплению и технической подготовке кадров, сокращению административно-хозяйственных расходов. Все эти мероприятия значительно улучшили положение на строительстве.

Несмотря на достигнутые успехи в работе, уральская энергетическая система отставала от передовых энергосистем Советского Союза по капитальному ремонту и снижению количества аварий. Поэтому на партийном совещании по вопросам состояния работы электростанций (в сентябре 1935 г.) был остро поставлен вопрос о строжайшей экономии электроэнергии и лучшем использовании имеющихся мощностей. После совещания на всех станциях широко развернулось движение за освоение новой техники и пересмотр старых технических норм. Это было проявлением развернувшегося по всей стране движения передовых рабочих, которые по имени его зачинателя забойщика А. Стаханова называлось стахановским.

На электростанциях стахановское движение привело к улучшению организации труда, сокращению обслуживающего персонала, более полному использованию имеющихся мощностей, росту рационализаторских предложений и увеличению заработной платы рабочих. Комсомольцы Губин и Меркурьев на КизелГРЭС отремонтировали мотор за 5 часов вместо 22, слесарь ЕгорГРЭС Ковалков выполнил задание по ремонту турбины на 225 проц., кочегар Свердловской электростанции Попов перешел на обслуживание двух котлов. Эти рабочие и их последователи своим трудовым энтузиазмом заражали остальных членов коллектива, упорно вели борьбу с устаревшими нормами, косностью и рутиной на производстве.

Стахановское движение содействовало резкому улучшению работы электростанций. К концу 1936 г. в Уральской энергосистеме были достигнуты самые высокие показатели максимума нагрузки и выработки энергии. Максимум нагрузки во всей системе составил 406 тыс. *квт*, а суточная выработка 9 млн. *квт/ч*[1].

К концу 1935 г., т. е. к максимальному сроку, на который был рассчитан план ГОЭЛРО, мощность уральских электростанций достигла 658 тыс. *квт*, вместо намеченных по плану ГОЭЛРО 220—230 тыс. *квт*[2]. В начале 1936 г. были введены в эксплуатацию первые агрегаты Среднеуральской электростанции. Урал покрылся сетью высоковольтных линий электропередач и подстанций. Введением в действие линии Нижний Тагил — Кировград — Свердловск завершено было объединение в параллельную работу всех электростанций Уралэнерго. К началу 1935 г. стала действовать и развиваться Уральская объединенная энергетическая система.

В этих успехах огромной была заслуга партийных организаций, которые в борьбе за ликвидацию отставания энергетики от потребностей бурно развивающейся уральской промышленности, умело использовали разнообразные формы и методы организационной работы. Это обеспечило мобилизацию творческой активности масс на решение важнейших задач строительства и эксплуатации электростанций.

Несмотря на то, что в современных условиях выросли масштабы работы, усложнились задачи, некоторые формы партийной работы, рожденные на строительстве электростанций в годы первых пятилеток, могут с успехом использоваться и служить задачам коммунистического строительства.

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 14, д. 874, л. 10.

[2] А. Маринов. Уральская энергосистема. Свердловск, 1958, стр. 15.

Кандидат исторических наук, и. о. доцента М. И. ЧЕРНЫШЕВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА ПО РАЗВИТИЮ МАССОВОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ УЧЕБЫ РАБОЧИХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Важнейшей закономерностью социалистического и коммунистического строительства является повышение культурно-технического уровня трудящихся и рабочего класса как руководящей силы общества в особенности. Решение этой проблемы В. И. Ленин считал необходимым условием роста производительности труда и ставил ее в один ряд с развитием тяжелой промышленности, воспитанием новой трудовой дисциплины и улучшением организации производства.

Эффективным средством роста культурно-технического уровня населения служит производственно-техническая пропаганда. В «Тезисах о производственной пропаганде», написанных в конце гражданской войны, В. И. Ленин указывал: «В настоящий момент, в связи с военными победами РСФСР и ее международным положением вообще, производственная пропаганда должна быть снова выдвинута на первый план, усилена и организационно укреплена»[1]. Исключительно большое место она заняла в период первой пятилетки. Пополнение рабочего класса за счет выходцев из крестьян, вовлечения в промышленность и строительство женщин и молодежи, проходивших лишь краткосрочную профессионально-техническую подготовку, а порою приступавших к работе и без таковой, с одной стороны, необходимость переподготовки старых рабочих в связи с технической реконструкцией народного хозяйства, с другой, превратили производственную пропаганду в одну из основных хозяйственно-политических задач Коммунистической партии. В процессе роста технической вооруженности промышленности и строительства партия придала производственной пропаганде характер массовой технической учебы, отличающейся от стационарных форм обучения тем, что она проводилась на общественных началах.

Весьма показательна в этом отношении деятельность уральских партийных организаций. Этот район становился в те годы мощной индустриальной базой страны. Проблема подготовки квалифицированных кадров на Урале имела общесоюзное значение.

Накануне и в начале пятилетки производственная пропаганда осуществлялась преимущественно путем организации технических кружков при клубах и красных уголках, а также освещения производственных вопросов в печати. Например, в 1928 г. на предприятиях Златоустовского округа насчитывалось 40 технических кружков с 623 слушателями[2]. При наличии на территории округа Златоустовского механического, метал-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 14.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 50, д. 81/1, л. 45.

лургического, Миасского металлургического и других заводов подобную сложившуюся сеть технической учебы нельзя было считать удовлетворительной. В кружках занимались лишь отдельные рабочие-энтузиасты.

Состоявшаяся в июне 1930 г. X Уральская областная партийная конференция, ориентируя хозяйственные организации на расширение краткосрочных форм подготовки рабочих, вместе с тем указала на необходимость обязательного последующего повышения производственно-технического, культурного и политического уровня подготовленных таким путем кадров [1]. Это была установка на всемерное развертывание производственно-технической пропаганды и массовой технической учебы рабочего класса.

Коренной перелом в этом направлении произошел в 1931 г. В начале года по инициативе ЦК ВКП(б) проходила Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Конференция выдвинула лозунг: «Техника в период реконструкции решает все». Для того, чтобы новая техника дала результаты, необходимо было сделать ее достоянием масс. Внимание партийных организаций к технической учебе рабочих усилилось. Так, партячейки Березниковского химкомбината весной 1931 г. ввели техчас на всех действующих объектах, а партком организовал цикл лекций по химии для партактива [2].

Большую работу по вовлечению рабочих в техучебу провели в это время коммунисты шахты имени Володарского. Они организовали многочисленные беседы с рабочими, умело использовали наглядную агитацию: лозунги, плакаты. Охват техучебой стал заметно увеличиваться. Например, 19 мая 1931 г. на занятиях присутствовало 357 чел., 21 мая — 500 чел. [3]

В июне 1931 г. областной комитет партии принял постановление о мероприятиях по овладению техникой. Оно было направлено на расширение всех форм технической пропаганды в области [4]. Но самым мощным фактором в развитии технической учебы послужило постановление ЦК ВКП(б) «О технической пропаганде и ее организации», принятое 5 августа 1931 г. [5] В нем Центральный Комитет дальше развил ленинские идеи об организационном укреплении производственной пропаганды применительно к конкретным условиям. Руководство пропагандой было возложено на помощников директоров по производственным совещаниям.

В процессе выполнения данного постановления ЦК во всех партийных органах Урала, начиная с партийных бюро ячеек и парткомов и кончая обкомом, были созданы сектора технической пропаганды (техпропа). Аналогичные отделы организовались в административном аппарате предприятий. Сектора и отделы техпропа совместно с помощниками директоров по производственным совещаниям обеспечивали единое руководство пропагандой, придавали ей определенное направление с учетом ликвидации узких мест на производстве и изучения техники своего участка. Опорными пунктами техпросвещения служили технические кабинеты, которые при содействии парткомов и коммунистов-хозяйственников превратились в центры методической и организационной работы по техучебе. При них создавались дееспособные коллективы пропагандистов из инженерно-технических работников и передовых квалифицированных рабочих. Время от времени техкабинеты проводили подготовку пропагандистских кадров. Методическое руководство было возложено на методические советы и бюро, состоящие из представителей общественных организа-

[1] X Уральская областная конференция Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Стенографический отчет. Гос. изд. Свердловск — Москва, 1931, стр. 305.
[2] «Уральский рабочий», 14 мая, 1931 г.
[3] «На смену!», 30 мая, 1931 г.
[4] «На смену!», 17 июня, 1931 г.
[5] Справочник партийного работника. Вып. VIII. Партиздат, М., 1934, стр. 381—382.

ций и администрации предприятия. Например, на Пермском заводе им. Ф. Э. Дзержинского имелось три производственно-технических кабинета: один заводской и два цеховых. В них проводились консультации инженерно-технических работников, демонстрировались различные выставки, кабинеты располагали приличными техническими библиотеками. Методическую помощь пропагандисты данного предприятия могли получить не только в методбюро завода, но и в общих методических бюро города, которые существовали при пединституте и районном техническом кабинете[1]. Уровень руководства техпропагандой повысился. Создавалась материальная база для ее качественного улучшения.

Разнообразились формы техучебы. Наряду с кружками широкое распространение получили школы-бригады, техчас, а на некоторых предприятиях она была введена в системе партийного просвещения. Формы учебы определялись ее содержанием и составом слушателей.

Основной задачей партийных организаций являлось максимальное вовлечение рабочих в производственно-техническое просвещение. Большое значение в решении этой задачи имело усиление авангардной роли коммунистов и перестройка партийно-массовой работы.

Коммунист обязан быть активным проводником политики партии в жизнь, должен оказывать влияние на окружающих собственным примером, поступками, делами. Единственная привилегия члена партии — находиться на переднем крае борьбы на любом участке социалистического и коммунистического строительства. Поэтому, когда перед советским народом встала проблема овладения новой техникой производства, от каждого члена партии потребовалась напряженная работа над повышением своей квалификации. Положительные результаты давали самопроверки авангардной роли коммунистов, в ходе которых каждый член и кандидат в члены партии отчитывался о своей деятельности, в том числе и о производственной учебе. Самопроверки обычно выливались в массовые политические кампании и представляли коллективный партийный контроль. Например, после очередной такой самопроверки на Уралмашстрое число коммунистов в техкружках увеличилось с 548 до 843 по заводу и со 193 до 239 по строительству[2].

На Верх-Исетском заводе в 1931 г. было проведено три таких самопроверки: в апреле, июне и октябре, в течение трех первых месяцев 1932 г.— две. В сочетании с другими формами работы это позволило довести число коммунистов, работающих над повышением своей производственной квалификации, до 1092 чел., что составляло 94 проц. к составу организации[3]. Хорошо зарекомендовал себя здесь парторг мартеновского цеха Волков. Он обучил своему мастерству 5 членов бригады, а за собственную учебу был неоднократно премирован техпропом завода[4]. Застрельщиком техучебы на Уралмедьстрое был коммунист Предсин[5].

Ставка на усиление авангардной роли коммунистов в технической учебе полностью оправдалась. Начиная с XVII съезда ВКП(б) вплоть до настоящего времени, непрерывное повышение производственной и деловой квалификации каждым коммунистом стало уставным требованием нашей партии. Правда, конкретные формы работы по усилению авангардной роли коммунистов претерпели существенные изменения. С улучшением качественного состава партии отпала необходимость в проведении самопроверок. Но от них берут начало партийные собрания с постановкой данного вопроса и собрания о выполнении коммунистами Устава партии,

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 1055, лл. 99, 100.
[2] ПАСО, ф. 1020, оп. 6, д. 126, л. 63.
[3] Н. Масленников. Большевики ВИЗа в борьбе за экономическую независимость СССР. ОГИЗ, Свердловск — Москва, 1932, стр. 169.
[4] Журнал «Уральский коммунист», 1933, № 1—2, стр. 106.
[5] «Гигант», газета — орган РК ВКП(б), горсовета и райпрофсовета Уралмедьстроя, 4 января 1932 г.

которые практикуются и в настоящее время. Контроль за деятельностью членов партии повышает их личную ответственность за себя, товарищей, коллектив, за партию и страну.

Трудно переоценить в развертывании техпропаганды роль перестройки партийно-массовой работы на предприятиях. Она состояла в том, что центр партийно-массовой работы был перенесен в цех, бригаду, на участок. С ценной инициативой в этом выступили коммунисты Нижне-Тагильского металлургического завода. На каждом особо ответственном производственном участке они создали в 1930 г. партийные группы во главе с парторгами[1]. Партгруппы, образуемые в сравнительно небольших производственных коллективах, получили возможность глубже вникать в производственную жизнь и оказывать более действенное влияние на беспартийные массы, мобилизуя их не только на выполнение производственной программы, но и на овладение новой техникой. Опыт создания партгрупп по бригадам и участкам получил дальнейшее развитие в постановлении ЦК ВКП(б) от 21 марта 1931 г. «О партийной и массовой работе в цехе и бригаде»[2]. Этим постановлением была установлена трехступенчатая структура партийного строительства на крупных предприятиях: партгруппа, ячейка, партком.

Партийное руководство техпропагандой стало более конкретным. Партгруппы систематически анализировали состояние учебы в бригаде, многие из них создали самостоятельные партийные школы, занимавшиеся политической и технической учебой, вовлекли в них беспартийных рабочих. К таким относились: партгруппа в бригаде т. Успенских на ВИЗе, партгруппа этого же предприятия, возглавляемая т. Пьянковым, партгруппа во главе с т. Беляевым на заводе им. Воеводина в Свердловске, т. Шулеповым на Уралмашзаводе, т. Шабро на строительстве Березниковского комбината, третья и пятая партгруппы промстроительства на Уралмашстрое и др.[3]

Сам процесс перестройки партийной работы выливался в массовый поход за овладение техникой. Так, в 1932 г. обком партии вскрыл серьезные недостатки в постановке партийно-массовой работы на Коксохимстрое. Партийные силы были распылены, наблюдалась частая сменяемость партийного руководства. Для наведения порядка обком направил на предприятие специальную бригаду. При ее помощи была пересмотрена расстановка коммунистов. Вместо 22 партячеек было создано 18, вместо 60 партгрупп — 46. Партийные силы были сконцентрированы на ведущих участках. Секретарями партячеек были избраны товарищи, окончившие совпартшколы или курсы партактива. Партийное руководство стало квалифицированным. Следствием этой реорганизации явилось заметное оживление партийно-массовой работы, рост активности беспартийных масс. За лето 1932 г. здесь было проведено два партийных дня, которым предшествовали беседы в партгруппах, бригадах, цехах, бараках. На открытых собраниях в партдни присутствовало большое число беспартийных. Например, 17 сентября в 17 партячейках на собраниях присутствовало 322 члена партии, 233 кандидата в члены партии и 2264 беспартийных. В прениях выступило 205 человек, из них 105 беспартийных. И почти каждый выступающий говорил о расширении технических кружков и курсов, а в отдельных партячейках собрания были посвящены только вопросам производственной и политической учебы. Партгруппы во главе с тт. Шадриным и Щербаковым добились стопроцентного охвата рабочих в бригадах техучебой[4]. Положительное влияние перестройки партийной работы, усиления связи партийных организаций с беспартий-

[1] «Уральский рабочий», 7 июня 1930 г.
[2] Справочник партийного работника. Вып. VIII, стр. 417—419.
[3] ПАСО, ф. 161, оп. 1, д. 237, лл. 31, 35, 123; ф. 4, оп. 11, д. 196, л. 9; журнал «Уральский коммунист», 1932, № 8, стр. 27, 29.
[4] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 793, лл. 93—98.

ными массами, на воспитание у рабочих стремления к совершенствованию собственной квалификации несомненно.

Однако самым значительным достижением в постановке партийной работы по техпропаганде явились партийно-технические конференции, которые служили одновременно и своеобразными формами производственной учебы коммунистов. Они возникли летом 1931 г. За три месяца (сентябрь — ноябрь) на Урале состоялось более 10 таких конференций [1]. Как формы учебы они существенно отличались от школ-бригад, кружков и им подобных. Конференции знакомили коммунистов с общими производственно-техническими проблемами. Но несравненно большее значение они имели в расширении учебы.

В конце августа 1931 г. состоялась партийно-техническая конференция на Магнитострое. На ней было поставлено два доклада: о доменном производстве и об организационно-техническом плане, обеспечивающем своевременный пуск комбината. В докладах и выступлениях были определены основные пути овладения техникой коллективами эксплуатационников и строителей [2].

Во многом примечательной оказалась партийно-техническая конференция на строительстве Челябинского тракторного завода. Инициатором ее выступила партгруппа механосборочного цеха. В письме в «Правду» на ЧТС» [3] коммунисты этой группы писали: «Овладеть техникой — важнейшая задача нашей партии... Мы предлагаем созвать общестроечную партийную конференцию по механизации, на которой был бы дан четкий анализ работы каждого механизма,... Эту конференцию мы представляем себе конкретным партийным делом борьбы за овладение техникой» [4]. Письмо было обсуждено в партгруппах и ячейках и получило горячую поддержку всей организации. Это свидетельствовало о том, что партийно-технические конференции отвечали запросам и интересам широких партийных масс. В процессе подготовки данной конференции, которую возглавлял созданный парткомом оргкомитет, силами общественности была проведена полная паспортизация строительных механизмов и разработаны инструкции для их использования. В результате улучшилась эксплуатация оборудования, повысилась его производительность. Наконец, конференция послужила непосредственным толчком к расширению технической учебы. Если в сентябре 1931 г. охват рабочих технической учебой составлял 9 проц., то в декабре, после конференции, он увеличился до 39 проц., а в феврале 1932 г. достиг 43 проц. [5]

Не менее удачной была партийно-техническая конференция на Уралмашстрое, состоявшаяся в ноябре 1931 г. Она приняла решение о ликвидации уравниловки в организации учебы. Раньше основной формой техучебы здесь были школы-бригады. Они имели разнородный состав: в одной и той же бригаде находились и квалифицированные, и неквалифицированные, и даже неграмотные рабочие. Это порождало определенные трудности для повышения качества учебы. Еще до конференции начался переход от школ-бригад к кружкам, которые создавались с учетом профессии, квалификации и общеобразовательной подготовки рабочих. Партийно-техническая конференция закрепила переход от бригадных форм к кружкам как основной форме массовой техучебы и разработала определенную систему в ее прохождении [6].

Таким образом, партийно-технические конференции сыграли большую роль в совершенствовании производственной пропаганды и мобилизации

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 1054, л. 3.
[2] «Уральский рабочий», 1 сентября 1931 г.
[3] Осенью 1931 г. на строительстве Челябинского тракторного завода работала выездная редакция «Правды». Она издавала на месте газету «Правда» на ЧТС».
[4] «Уральский рабочий», 17 августа 1931 г.
[5] Журнал «Уральский коммунист», 1932, № 4, стр. 42—43.
[6] «Уральский рабочий», 18 августа 1932 г.

широких масс на овладение техникой. Возникнув в годы первой пятилетки, они не утратили своего значения и в период коммунистического строительства. Подобная форма может быть использована в просвещении коммунистов по многим другим отраслям знаний: экономическим, агрономическим и т. д.

К движению за овладение техникой партия привлекала самые массовые организации рабочего класса — профсоюзы. После постановления Уралобкома ВКП(б) о техпропаганде этот вопрос рассматривался на пленуме Уралпрофсовета [1] и в областных комитетах всех уральских профсоюзов [2]. Низовые профорганизации ввели в практику по аналогиии с партийно-техническими конференциями производственно-технические конференции, чаще стали ставить вопросы производственной учебы на рабочих собраниях и производственных совещаниях. Так, за первое полугодие 1932 г. производственные совещания по союзу машиностроителей Урала рассмотрели 115 вопросов о массовой технической учебе коллективов [3].

Не остался безучастным и уральский комсомол. Комсомольская организация Челябтракторостроя еще в январе 1931 г. заключила соглашение с инженерно-техническими работниками по обучению комсомольцев и ударников новой технике [4]. Так же поступили на Магнитострое. По инициативе комитета ВЛКСМ была изучена работа инженерно-технического совета предприятия. Обнаружив оторванность инженерно-технических работников от рабочих масс, комитет комсомола провел совещания молодых специалистов о помощи рабочим в освоении производства, вечера спайки ИТР с ударниками, добился заключения договоров специалистов с ударными бригадами по обучению их технике [5].

Особый подъем комсомольской активности наблюдался накануне II пленума ЦК ВЛКСМ в 1931 г., который должен был заслушать отчет Уралобкома об участии комсомольской организации в строительстве Урало-Кузбасса. В ходе подготовки к пленуму обком ВЛКСМ обратился ко всем комсомольцам и молодежи области с письмом, в котором призвал по-боевому включиться в техническую учебу и показать образцы в овладении техникой. Это обращение было доведено до широкой общественности. На Златоустовском металлургическом заводе было проведено 80 бесед по данному обращению, в Асбесте — 2 митинга и 41 беседа, в Бакале — 14 собраний, в Березниках такими беседами было охвачено около 2500 человек.

Массовая работа дала свои результаты. На Уралмедьстрое, например, охват комсомольцев техучебой увеличился с 25 проц. в апреле до 65 проц. в июле 1931 г. На Чусовском заводе только на мартене было вновь организовано 4 кружка со 125 слушателями. Ввели у себя техническую учебу многие молодежные бригады, в том числе бригады тт. Лопатина и Дьяченко на Березниковском строительстве [6].

Работа уральского комсомола получила положительную оценку на пленуме ЦК ВЛКСМ.

В первых рядах в борьбе за освоение техникой производства шли комсомольцы новостроек. На февральском пленуме обкома комсомола в 1933 г. отмечались, в частности, определенные достижения в подготовке молодых рабочих на Челябинском тракторном заводе. По опытному заводу данного предприятия комсомольцы были охвачены технической учебой на 96 проц., по инструментальному цеху — на 87 проц. Эти успехи

---

[1] ГАСО, ф. 272, оп. 3, д. 44, лл. 10—13.
[2] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 1055, лл. 60—65.
[3] Там же, д. 242, л. 19.
[4] «На смену!», 30 января 1931 г.
[5] «На смену!», 6 февраля 1931 г.
[6] Как готовился Уральский комсомол к пленуму ЦК. Информационный сектор Уралобкома ВЛКСМ, Свердловск, 1931, стр. 3—15.

стали возможны, как отметил пленум обкома, на основе улучшения качества массовой работы, повышения организующей роли комсомольцев в бригаде [1]. Благодаря участию комсомола парторганизации воздействовали на рабочую молодежь, составлявшую на многих предприятиях добрую половину производственных коллективов.

Совместными усилиями партийных, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных организаций проводились многочисленные массовые мероприятия, рассчитанные на вовлечение рабочего класса в движение за повышение своего культурно-технического уровня: вечера техники, технические викторины, эстафеты, смотры, техбои, техзаймы. Так, на Кизеловских шахтах в 1931 г. было проведено 18 вечеров техники, на Челябинском заводе ферросплавов — 8 [2].

Массовая техническая учеба в кружках, школах-бригадах, партшколах сопровождалась усилением таких форм и средств пропаганды, как лекции, радио, печать. С апреля 1931 г. до начала 1932 г. на предприятиях Урала было прочитано свыше 1000 лекций, из них 400 на новостройках, 166 на шахтах Челябинского и Кизеловского бассейнов [3]. К лекционной работе были привлечены секции общества «За овладение техникой», секции инженерно-технического общества и инженерно-технические советы. Положительно зарекомендовал себя опыт однодневных технических походов и школ-однодневок на ВИЗе. В феврале 1932 г., когда на заводе ухудшилось качество продукции, техпроп организовал технический поход по борьбе с браком. В каждом цехе и смене состоялись соответствующие занятия [4].

Заметные изменения претерпела печатная пропаганда. В годы первой пятилетки на Урале издавалось несколько производственно-технических журналов, главным из которых был «Уральский техник». После постановлений ЦК и обкома ВКП(б) о техпропаганде они стали в бóльшей степени отражать хозяйственные проблемы области. Развивая эту тенденцию, областной комитет партии принял в 1932 г. решение об издании отраслевых журналов: «Социалистическая металлургия», «Цветные металлы», «За уголь Урала», «Опыт стройки» и др.[5] Печатная производственная пропаганда становилась конкретной.

Большую работу по техпропаганде и расширению техучебы проводили областные газеты «Уральский рабочий» и «На смену!», а также районные газеты. Они практиковали многочисленные рейды по предприятиям, распространяли передовой опыт в организации учебы, бичевали недостатки. Четырнадцать газет промышленных районов выпускали технические странички. Технические листки и бюллетени издавались при многотиражных газетах [6]. Положительную оценку «Правды» и «Уральского рабочего» получила газета Верх-Исетского завода «Трансформаторная сталь». В процессе развертывания производственной учебы ею было выпущено 4 технических бюллетеня, 25 экземпляров технических листков. Пропагандируя производственно-технические знания, газета выступала и как агитатор, и как организатор учебы. Обычные темы подборок гласили: «Техническая учеба — мощный рычаг промфинплана», «Дадим стране квалифицированные кадры» и т. п В мае 1932 г. газета провела перекличку цехов по техучебе. В перекличке были подняты принципиальные вопросы о связи техпропаганды с выполнением производственного плана и о переходе от кружков к агрегатной системе учебы в форме техчаса [7].

---

[1] Резолюции II пленума Уралобкома ВЛКСМ. Партийное издательство, Ур. обл. отд. Свердловск — Москва, 1933, стр. 37.
[2] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 1054, л. 3.
[3] Там же, л. 21.
[4] Там же, л. 134.
[5] Там же, л. 6.
[6] Там же, д. 1054, лл. 18—19.
[7] Там же, л. 134.

На отдельных заводах и стройках выпускались технические стенгазеты. Этот почин возник на Уралмашзаводе. Его опыт получил распространение на строительстве Челябинского тракторного завода, Надеждинском и Нижне-Тагильском металлургических заводах.

С развертыванием массовой технической учебы усилился спрос на техническую литературу. Если в 1930 г. технические книги в общем книжном торговом обороте составляли 13 проц., то в 1931 г. — 17,3 проц.[1] Интересную работу по приобщению рабочих к чтению брошюр и статей на производственные темы проводили партячейки электропечи ВИЗа. Они создали методический совет из мастеров. Совет регулярно следил за выходом книжных новинок в области электроплавки стали и составлял рекомендательные списки. Рабочие с интересом читали, обменивались мнениями. Особую активность при этом проявляли коммунисты Тюменцев, Левин, Суков [2].

На службу производственно-технической пропаганды обком ВКП(б) поставил и радио. С сентября 1931 г. были введены ежедневные радиопередачи на производственно-технические темы. С 24 октября 1931 г. по 12 января 1932 г. было передано по радио 15 докладов, лекций и статей сектора техпропа Ленинградского радиовещания, а с 8 ноября 1931 г. по 4 января 1932 г.— 22 радиопередачи Уральского областного совета общества «За овладение техникой» [3]. Не раз практиковались технические «радиобои» между различными производственными коллективами. В частности, в мае 1932 г. состоялся «радиобой» горновых Кушвы и Чусовой» [4]. Инициатором его выступила областная рабочая радиогазета «За Урало-Кузбасс». Руководил этим мероприятием сектор техпропа обкома партии.

Разнообразие форм и средств производственно-технической пропаганды и массовой работы по ее распространению позволяло привлекать к изучению новой техники различные слои рабочего класса. Выступая в авангарде производственно-технической учебы, повышая уровень партийно-организационной работы, укрепляя и умножая связи с беспартийными массами, парторганизации добились того, что производственно-техническая учеба на Урале приобрела массовый характер.

Первые итоги технической учебы подводились на XI областной партконференции в январе 1932 г. Техучебой к этому времени было охвачено около 30 процентов работающих, а на отдельных предприятиях — около 60—80 процентов (Уралмашзавод, завод ферросплавов в Челябинске) [5]. Конференция расценила техпропаганду как важнейшее средство повышения производственной квалификации рабочих масс. Отметив, что отсутствие достаточного количества квалифицированных рабочих попрежнему лимитирует развитие индустриального хозяйства края, она поручила партийным организациям и хозяйственным органам усилить подготовку кадров без отрыва от производства. Конференция приняла решение о введении обязательной технической учебы на новых предприятиях [6]. Это была установка на всеобщее техническое обучение рабочего класса.

В феврале 1932 г. проходила XVII Всесоюзная партийная конференция, которая пришла к выводу о необходимости дальнейшего усиления производственно-технической пропаганды в стране. В резолюции конференции говорилось: «Большевистские темпы технического перевооруже-

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 1054, л. 20.

[2] Н. Масленников. Большевики ВИЗа в борьбе за экономическую независимость СССР, стр. 170—175.

[3] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 1054, л. 21.

[4] Там же, д. 1055, л. 180.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3760, л. 51; д. 3761, лл. 14, 125.

[6] XI Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Уралпартиздат, 1932, стр. 449—450.

ния народного хозяйства требуют огромного прироста квалифицированного труда и быстрого роста технических кадров промышленности. Эти небывалые темпы и необходимость освоения новых технологических процессов широкими слоями рабочих и инженерно-технических работников, в том числе громадными массами новых рабочих, делают необходимым, кроме плановой подготовки кадров во всей системе стационарного обучения, широкое развитие производственно-технической пропаганды» [1].

Решения Всесоюзной и областной партийных конференций получили одобрение парторганизаций Урала.

Со всей определенностью задача введения всеобщего технического обучения была сформулирована Уралобкомом ВКП(б) в обращении к партийным организациям в связи с отчетно-перевыборной кампанией (март 1932 г.). В нем указывалось: «...Дальнейшее развертывание производственно-технической пропаганды под углом введения в 1932 г. всеобщего обязательного технического обучения рабочих... является важнейшей задачей, стоящей перед партийной организацией Урала» [2]. Это определило ход отчетно-перевыборной кампании. Давая наказ вновь избираемому партийному руководству, коммунисты поручали обеспечить проведение в жизнь директивы областного комитета партии о техучебе.

Руководствуясь данными постановлениями, парторганизации приступили к разработке конкретных мер, обеспечивающих всетехобуч. Например, в марте 1932 г. в Перми состоялась районная партийно-техническая конференция. На ней обсуждался вопрос «О состоянии технической пропаганды и введении всетехобуча в районе» [3]. Технической учебой занималось 6129 членов и кандидатов в члены партии, или 67 проц. состава партийной организации, 10500 комсомольцев, или 85 проц. всех членов ВЛКСМ, и 8495 беспартийных [4].

Отметив достижения и недостатки в развитии технической учебы, конференция приняла решение о введении с 1 июня 1932 г. всеобщего технического обучения, определила его содержание и организационные формы.

Наиболее целесообразной формой учебы коммунисты рекомендовали школу-бригаду, так как она позволяла рабочим изучить технику своего производства. Вместе с тем допускались и дифференцированные формы в виде кружков. Последние предназначались для более подготовленных рабочих. В резолюции конференции подчеркивалось, что техническое обучение должно быть построено так, чтобы оно давало непосредственный эффект в выполнении количественных и качественных показателей промфинплана. Для полного охвата коммунистов и комсомольцев предлагалось ввести техчас во всей сети партийного и комсомольского просвещения. Конференция наметила конкретные меры по подготовке пропагандистских кадров, улучшению методического руководства и т. д.[5]

Такой же конкретный характер носили постановления Уралобкома ВКП(б) о техпропаганде в угольной и металлургической промышленности, принятые летом 1932 г.[6] Так, общими задачами для всех заводов черной металлургии областной комитет партии считал: по доменным цехам — правильное питание домен, борьбу за качество чугуна; по мартеновскому производству — повышение использования пода печей, борьбу с браком, экономию топлива; по прокатному производству — достижение полной загруженности прокатных станов, правильного нагрева слитков. Партийные организации и руководители предприятий обязаны были обеспечить в четвертом квартале 1932 г. полный охват техучебой рабочих ве-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов, часть II. Госполитиздат, изд. 7, 1953, стр. 690.
[2] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 1054, л. 42.
[3] Там же, л. 36, об.
[4] Там же, л. 43.
[5] Там же, лл. 37—39.
[6] Там же, лл. 86—88; 92—95.

дущих профессий: горновых, газовщиков, аппаратчиков, засыпщиков, сталеваров, крановщиков, резчиков, шуровщиков, формовщиков.

Новый подъем технической учебы был достигнут на Урале во время очередного Всесоюзного смотра, проходившего в августе 1932 г. в ознаменование годовщины постановления ЦК ВКП(б) о техпропаганде. Повсеместно состоялись партийные собрания или партийно-технические конференции, посвященные этому вопросу. Улучшилось руководство. Например, серьезные недостатки имелись в работе Лысьвенского РК ВКП(б). Его решения носили подчас общий характер, слабой была практическая помощь низовым парторганизациям. В ходе подготовки к смотру положение изменилось. В середине июля 1932 г. Лысьвенский райком направил всем парткомам письмо о подготовке к смотру, а по Лысьвенскому металлургическому заводу разработал конкретный план мероприятий и помог его осуществить [1]. Областной комитет ВКП(б) организовал обмен опытом. С целью передачи своего опыта бригада Уралмашстроя выезжала на Магнитострой [2], бригада Челябтракторостроя — на строительство Нижне-Тагильского металлургического комбината [3].

Смотр привлек к производственно-технической пропаганде все общественные и хозяйственные организации, научные учреждения и институты. В помощь профсоюзным организациям обком союза металлургов направил на заводы своих работников. Институт металлов выделил для чтения лекций многочисленные лекторские группы.

В дни смотра на металлургических предприятиях Урала оформились четыре секции общества «За овладение техникой», появились новые кружки проката на Нижне-Тагильском заводе, кружки «Друзей шихты» в Кушве [4]. В угольной промышленности только по Губахинской шахте, шахтам имени В. И. Ленина, Володарского было дополнительно вовлечено в учебу 1462 рабочих [5].

Но самый большой подъем техпропаганды наблюдался на новостройках. Число школ и кружков по Челябинскому тракторному заводу увеличилось с 47 (на 1 января 1932 г.) до 119 (на 1 января 1933 г.), а количество слушателей в них с 539 до 2473. За время смотра состоялись три производственно-технические конференции: был выпущен технический бюллетень, началось издание технических листков, которых до декабря 1932 г. было выпущено 20 номеров, 18 раз в месяц проводились технические передачи по радио, раз в декаду выпускался радиобюллетень «Большевики должны овладеть техникой». Создан был единый по строительству и заводу теxкабинет. Во Всесоюзном конкурсе коллектив Челябтракторостроя занял одно из первых мест [6].

Повышение уровня партийно-организационной работы и укрепление связи парторганизаций с беспартийными массами и их действенность в развитии и совершенствовании производственно-технической пропаганды лишний раз подтверждали известное положение марксизма-ленинизма о том, что «Последний источник сил есть масса рабочих и крестьян, их сознательность, их организованность» [7].

Несмотря на недостатки в организации массовой технической учебы на отдельных предприятиях, которые выражались в отсутствии надлежащего руководства техпропагандой, подмене массовой работы администрированием, отсутствии связи учебы с производственными задачами, она сыграла громадную роль в решении проблемы подготовки индустриальных кадров рабочего класса в годы первой пятилетки. Массовая техни-

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 1054, л. 53-об.
[2] «Уральский рабочий», 1932, 14 ноября.
[3] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 1054, л. 117.
[4] Там же, л. 53-об.
[5] Там же, д. 1055, л. 64.
[6] Там же, лл. 116—117.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 163.

ческая учеба способствовала повышению культурно-технического уровня рабочих и успешному выполнению хозяйственных задач. В начале 1933 г. удельный вес квалифицированных рабочих составлял: по предприятиям треста «Союзкалий» 46,6 проц., на Красноуральском медеплавильном комбинате — 46 проц., Березниковском химкомбинате — 42,6 проц., Красноуральских рудниках — 64,8 проц., по объединению Востокостали — 38,6 проц.[1]

Овладение техническими знаниями позволило десяткам и сотням бригад систематически перевыполнять производственную программу. На строительстве Челябинского тракторного завода такими были бригады, возглавляемые тт. Монаховым, Скубенко, Феррисом, на строительстве Березниковского химкомбината положительно зарекомендовали себя в учебе и на производстве бригады во главе с тт. Лопатиным, Рязанцевым, Ромашевым, Сипевым[2] и многие другие.

В металлургическом цехе Красноуральского комбината в результате технической учебы производительность труда поднялась с 200 до 320 тонн. В инструментальном цехе завода имени Ф. Э. Дзержинского в Перми, где в 1932 г. охват техучебой составлял 80 проц., производственная программа выполнялась не менее, чем на 106 проц.[3] Настоящей кузницей кадров был Уралмашстрой. На 1 июня 1932 г. рабочие действующих объектов были вовлечены в учебу на 83 проц., а в инструментальном цехе — на 97 проц. Благодаря учебе бетонщики из бригады коммуниста Муравьева установили мировой рекорд по укладке бетона: вместо 1,6 кубометра на человека, они укладывали 3,5 кубометра. Бригада арматурщиков во главе с коммунистом Болотниковым, овладев техникой, выполняла задания значительно раньше установленного срока и при высоком качестве работ[4]. По неполным данным к августу 1932 г. 815 строителей, занимаясь в кружках, получили высшие разряды, 117 человек было выдвинуто на административно-хозяйственную работу[5]. Слушатели техкружков Уралмашстроя внесли в течение первых семи месяцев 1932 г. многочисленные рационализаторские предложения с общим экономическим эффектом в 580 тыс. руб.[6] Курс партийных организаций на максимальное вовлечение рабочих в техническую учебу и превращение ее в мощное средство повышения квалификационного уровня и профессионального мастерства кадров оправдался. Рост культурно-технического уровня трудящихся в свою очередь позволил ввести в действие строившиеся предприятия, реконструировать старые заводы, шахты, рудники и освоить целый ряд новых производств: производство инструментальной, нержавеющей, быстрорежущей, шарикоподшипниковой, динамной, трансформаторной сталей, гвоздильной ленты, ферросплавов, оборудования для металлургических заводов и горных работ, станкостроения. Это резко повысило технический уровень уральской промышленности, способствовало освобождению Советской страны от зависимости капиталистического рынка.

Развитие массовой технической учебы в годы первой пятилетки подготовило переход к обязательному техническому минимуму, который был введен с 1 января 1933 г. для всех рабочих, обслуживающих сложные агрегаты. Введение обязательного техминимума в годы второй пятилетки свидетельствовало о том, что производственно-техническая пропаганда в советском обществе поднялась на более высокую ступень, соответствующую потребностям народного хозяйства и стремлениям рабочего класса к собственному самосовершенствованию.

[1] Сб. «Хозяйственное и культурное строительство на Урале». Изд. Уралплана. Свердловск, 1934, стр. 174.
[2] Журнал «Уральский коммунист», 1932, № 8, стр. 29.
[3] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 1055, лл. 100, 128.
[4] Журнал «Уральский коммунист», 1932, № 8, стр. 27, 28.
[5] «Уральский рабочий», 18 августа 1932 г.
[6] Журнал «Уральский коммунист», 1932, № 8, стр. 28.

Кандидат исторических наук, доцент Н. М. ПЫШКОВА

АГИТАЦИОННО-МАССОВАЯ РАБОТА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ УРАЛА ПО ОРГАНИЗАЦИИ И РАЗВЕРТЫВАНИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)

В тяжелые годы Великой Отечественной войны огромное значение в мобилизации всех сил советского народа на борьбу с фашистской Германией имело дальнейшее развитие социалистического соревнования. Оно способствовало повышению производительности труда, выявлению новых дополнительных резервов производства, улучшению технико-экономических показателей предприятий, а главное — увеличению выпуска продукции для фронта.

Организуя творческую активность и самодеятельность трудящихся в годы войны, партийные организации руководствовались указаниями В. И. Ленина и Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, а также использовали многолетний опыт социалистического соревнования, накопленный партийными организациями в довоенный период.

В. И. Ленин в произведениях «Очередные задачи Советской власти», «Как организовать соревнование?», «Великий почин» и др. дал глубокое теоретическое и научное обоснование соревнованию, рассматривая его как важнейший метод строительства социализма и коммунизма. «Социализм не только не угашает соревнования,— писал В. И. Ленин,— а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами» [1].

В годы Отечественной войны социалистическое соревнование явилось наиболее ярким выражением советского патриотизма. Безграничная любовь советского народа к Родине и Партии, ненависть к гитлеровским захватчикам, высокое сознание долга, страстное желание оказать всестороннюю помощь Советской Армии в ее героической борьбе за свободу и независимость нашего государства вызвали невиданный трудовой подъем. Соревнование поднялось на более высокую ступень и обогатилось новыми формами народного творчества и самодеятельности масс. Индивидуальные обязательства, движение двухсотников, тысячников,

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.

сталеваров-скоростников, многостаночников и совместителей профессий, организация комсомольско-молодежных и гвардейских бригад, почасовое соревнование между бригадами, сменами, цехами, по профессиям, между заводами, городами и областями, соревнование за выпуск сверхплановой продукции в фонд Советской Армии, городов-героев и штурма Берлина — таков далеко не полный перечень основных форм социалистического соревнования. В годы войны социалистические обязательства, принимавшиеся трудящимися по увеличению производства вооружения, в форме писем направлялись Центральному Комитету Коммунистической партии. В конце 1941 г., когда немецко-фашистские полчища временно захватили важные в экономическом отношении южные и юго-западные районы страны, среди уральцев родилось замечательное патриотическое движение — новогоднее письмо Коммунистической партии. Трудящиеся Свердловской области поклялись «отдать все свои силы, работать дни и ночи, чтобы в новом 1942 г. удвоить, утроить выпуск всех видов вооружения и боеприпасов, еще лучше снабжать всем необходимым нашу доблестную Красную Армию» [1].

Новогоднее письмо обсуждалось на собраниях трудящихся всех промышленных предприятий, колхозов, совхозов, МТС, в учреждениях и учебных заведениях. К 31 декабря 1941 г. его подписало свыше 1 млн. человек [2]. Каждое предприятие разработало конкретные мероприятия по выполнению принятых обязательств. Например, многотысячный коллектив Уралмашзавода обязался в первом квартале 1942 г. увеличить выпуск продукции на 50 проц. по сравнению с четвертым кварталом 1941 г., поднять производительность труда на 40 проц., сэкономить 1,5 млн. руб., освоить новые виды продукции и снизить ее себестоимость на 20 проц.[3] Новогоднее письмо уральцев и полугодовые рапорты Коммунистической партии отражали самоотверженный труд рабочих, колхозников и интеллигенции Свердловской области в годы борьбы с фашизмом.

Особенно массовый характер и многообразные формы соревнование принимает с мая 1942 г. Когда весной 1942 г. в связи с отсутствием второго фронта в Европе и наступлением гитлеровцев на Юго-Западном фронте создалось тяжелое положение, Центральный Комитет партии обратился к рабочему классу и всем трудящимся с призывом организовать Всесоюзное социалистическое соревнование для усиления помощи Советской Армии. На Урале одним из первых на это обращение откликнулся передовой коллектив орденоносного тракторного завода им. С. М. Кирова в Челябинске. Затем в соревнование включились все предприятия танковой, авиационной, металлургической, химической и др. отраслей промышленности. Соревнование превратилось в могучую силу патриотического движения по оказанию всесторонней помощи фронту.

В борьбе за дальнейшее развертывание социалистического соревнования наряду с партийно-организационной деятельностью проводилась большая массово-политическая работа. Основные задачи и формы идеологической работы среди народа ЦК ВКП(б) были даны с начала войны в периодической печати, а позднее в специальных постановлениях по вопросам пропаганды и агитации в 1943—1945 гг.: «Об организации политических докладов партийных и советских работников для сельского населения» (VII, 1943 г.), «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» (VIII, 1944 г.), «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» (IX, 1944 г.), «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной органи-

---

[1] «Свердловск». Свердловск, 1946, стр. 423.
[2] ПАСО, ф. 4, оп. 25, д. 412-а, л. 7.
[3] ПАСО, ф. 161, оп. 6, д. 1378, л. 99.

зации» (II, 1945 г.)[1] и др. Указав на серьезные недостатки в постановке идейно-политической работы, Центральный Комитет разработал конкретные меры по повышению уровня идеологической работы среди всех трудящихся и населения. Центральный Комитет подчеркивал, что коренное улучшение массово-политической работы должно служить главным средством мобилизации рабочих, колхозников, инженерно-технических работников и служащих на выполнение хозяйственно-политических задач, выдвинутых партией и правительством. Партийным организациям было предложено охватить политическим влиянием всех работающих, используя многочисленные средства политической работы, организовать правильную и своевременную информацию населения о военных, политических и международных событиях. Выполняя эти постановления, партийные организации повсеместно провели пленумы, собрания партийного актива, на которых, после обсуждения решений Центрального Комитета партии и состояния пропаганды и агитации на местах, разработали меры по повышению уровня агитационно-массовой, пропагандистской и культурно-просветительной работы.

Главным направлением массово-политической работы на промышленных предприятиях Урала являлась мобилизация трудящихся на выполнение социалистических обязательств.

На протяжении всей войны областными, городскими и районными комитетами партии Свердловской, Челябинской и Пермской областей регулярно обсуждались вопросы социалистического соревнования. В решениях указывались пути по дальнейшему развертыванию творческой активности народа и повышению уровня агитационно-массовой работы. Так, в постановлении бюро Свердловского обкома ВКП(б) от 24 июля 1943 г. «О проведении политической работы по мобилизации трудящихся области на выполнение обязательств, взятых на второе полугодие 1943 г.» отмечалось, что необходимо всю агитационно-массовую работу подчинить мобилизации трудящихся на выполнение клятвы Коммунистической партии, при проведении политической работы воспитывать у них сознание ответственности и долга перед Родиной, желание работать с полной отдачей сил и энергии для победы.

Обком партии рекомендовал секретарям городских и районных комитетов шире освещать итоги выполнения социалистических обязательств, популяризировать опыт работы лучших производственников, подвергать суровой критике невыполнявших нормы выработки, а также улучшить руководство политической работой на предприятиях[2]. Аналогичные решения были приняты Челябинским и Пермским областными комитетами партии. Выполняя их, партийные организации промышленных предприятий Урала развернули политическую работу по дальнейшему развертыванию соревнования. Особенно большой и интересный опыт агитации был накоплен на Уралмашзаводе, Магнитогорском металлургическом комбинате, Челябинском тракторном и ферросплавном заводах, машиностроительных предприятиях Перми, Нижнего Тагила, Серова и др. городов. Партийные организации этих предприятий постоянно направляли внимание агитаторов на решение основных хозяйственных задач, на проведение политической работы среди всех групп трудящихся. Два-три раза в месяц при партийных комитетах и бюро проходили совещания руководителей агитколлективов и семинары агитаторов.

В течение всей войны на заседаниях партийных комитетов и бюро заслушивались вопросы о состоянии агитационно-массовой работы на предприятиях, в цехах и на участках, уделялось особое внимание мобилизации трудящихся на улучшение технико-экономических показателей,

[1] Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б), Госполитиздат, 1947, стр. 462—468, 479—482.

[2] ПАСО, ф. 4, оп. 25, д. 547, лл. 99—100.

повышение производительности труда и выполнение социалистических обязательств. Например, партийный комитет завода сельскохозяйственного машиностроения г. Перми в сентябре 1943 г. рассмотрел вопрос о состоянии политической работы по организации социалистического соревнования в одном из цехов. Вскрыв серьезные недостатки, партком потребовал от руководителей цеха повышения уровня политической работы. С целью выработки мероприятий по претворению в жизнь этого постановления было проведено цеховое партийное собрание. После этого политическая работа в цехе, на всех участках значительно улучшилась. Агитаторы стали более тщательно готовиться к беседам, уделяя серьезное внимание воспитанию молодежи. В цехе с новой силой развернулось соревнование, которым были охвачены все рабочие. Комсомольско-молодежные бригады Рогожникова и Чувызгалова стали показывать образцы трудовой доблести и выступили инициаторами предоктябрьского социалистического соревнования. Коллектив цеха намного улучшил свою работу и в 1943 г. дважды завоевывал первенство в соревновании металлургических цехов наркомата [1].

Используя богатый довоенный опыт в области политического воспитания масс и руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) и местных партийных организаций, агитаторы и партийно-хозяйственный актив провели значительную агитационно-массовую работу среди рабочих промышленных предприятий по организации и развертыванию социалистического соревнования. Широко использовались старые и испытанные формы политической агитации (индивидуальные и групповые беседы, читки, политинформации, митинги и т. д.). Агитаторы доводили до сознания всех работавших взятые коллективом обязательства, помогали им найти новые дополнительные резервы производства и лучше организовать труд. Они разъясняли огромное значение соревнования в борьбе за повышение производительности труда, за снижение себестоимости выпускаемой продукции и проведение режима экономии. Агитаторы показали, какой вклад вносит каждый рабочий в выполнение обязательств бригады, цеха, предприятия и какое это имеет значение для победы над гитлеровской Германией.

В итоге проделанной работы агитколлективы вместе с профсоюзными организациями добились того, что в активную борьбу за выполнение социалистических обязательств вместе с передовиками производства включились все рабочие, в том числе ранее не выполнявшие план и имевшие нарушения трудовой дисциплины. На одном машиностроительном заводе Свердловска планировщик В. А. Сергеев умело сочетал производственные обязанности с работой агитатора. При расположении станков и применении деталей, он учитывал квалификацию и способности каждого рабочего. Доводя до сознания рабочих очередные задания, Сергеев проводил не только разъяснительную работу, но и использовал отдельные формы наглядной агитации. Задания рабочим оформлялись в виде плакатов, которые вывешивались у станков. Например, задание рабочему Васильеву было оформлено следующим образом:

> Тов. Васильев! Тебе в третьей декаде мая 1943 г. надо сделать на операциях 10, 25, 35, 40 — 300 деталей. Ты работаешь на новом станке, береги его и борись за перевыполнение нормы. Фронт ждет от нас помощи! [2]

Раз в неделю В. А. Сергеев проводил беседы на злободневные темы, увязывая их содержание с работой завода, цеха, участка, смены, бригады, рассказывая о лучших людях, вскрывая недостатки и критикуя нерадивых работников. В июле 1943 г. он провел беседы о выполнении уральцами социалистических обязательств за первую половину 1943 г., о рево-

---

[1] ПАПО, ф. 889, оп. 4, д. 21, л. 70.
[2] ПАСО, ф. 4, оп. 37, д. 413, л. 29.

люционной бдительности, о героической борьбе Советской Армии против немецко-фашистских захватчиков. Каждую декаду на участке агитатор, старший мастер и профорг проводили производственные совещания, на которых обсуждались итоги работы за прошлую декаду и намечались задачи на следующие десять дней. На участке развернулось социалистическое соревнование между сменами, рабочими по профессиям и «фронтовыми» бригадами. На доске учета ежедневно отражался ход соревнования. Улучшение политической работы, чуткое отношение к людям и индивидуальный подход к ним со стороны агитаторов Сергеева и других коммунистов дали положительные результаты. Если в мае 1943 г. на участке было 18 проц. рабочих, не выполнявших норм выработки, то в июне их число сократилось вдвое, а в июле — до нескольких человек[1]. Или другой пример. В конце 1942 г. на Кировском заводе в Челябинске на участке мастера Пахманова работницы Светлова и Исакова, недавно поступившие на завод, проявляли недисциплинированность и не выполняли норм. Агитатор Пахманов в течение нескольких дней проводил с работницами индивидуальные беседы, внушая им, что от выполнения плана заводом и каждым рабочим в отдельности зависит обеспеченность Советской Армии вооружением. После таких бесед работницы стали выполнять план на 110—115 проц.[2]

Большой интерес представляет изучение опыта политической агитации по мобилизации коллектива на выполнение социалистических обязательств на Уралмашзаводе. Главные задачи партийного комитета завода тех лет сводились к следующему: 1) доведение до сознания всех опасности, переживаемой нашей Родиной, и ответственности работников тыла по обеспечению Советской Армии вооружением; 2) повышение морального духа заводского коллектива, воспитание настойчивости и упорства в выполнении заданий Коммунистической партии и Государственного Комитета Обороны; 3) дальнейшее развитие творческой мысли и инициативы трудящихся в решении производственных вопросов[3].

Для выполнения этих задач широко использовались многочисленные средства организаторской и агитационно-массовой работы. На заводе регулярно проводились партийные, профсоюзные и рабочие собрания, партийно-технические конференции, общественные смотры, конференции стахановцев и производственные совещания, на которых всесторонне обсуждались вопросы выполнения клятвы уральцев, улучшения технико-экономических показателей и укрепления трудовой дисциплины.

Прочно вошли в практику политической работы на заводе индивидуальные и групповые беседы, политинформации, митинги, политдни, вечера вопросов и ответов, выступления «живой» газеты. Широко использовались радиовещание и различные формы наглядной и печатной агитации. Свыше 600 агитаторов под руководством цеховых бюро проводили повседневную и кропотливую работу[4].

Беседы лучших агитаторов Миронова, Бажанова, Белоусова, Неминущего, Немченко, Чумачева, Серпака и многих других всегда были содержательными, актуальными и тесно связанными с решением конкретных производственных вопросов. Так, агитатор транспортного цеха Немченко каждый день рассказывал рабочим о ходе социалистического соревнования, о положении на фронтах, о важнейших событиях международной и внутренней жизни. Зная производственные задания и их выполнение каждым рабочим, он критиковал отстающих. Когда выяснилось, что рабочие Пелевин и Буйнов недобросовестно относятся к обязанностям и срывают выполнение плана, Немченко провел беседу на тему:

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 37, д. 413, л. 30.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2409, л. 107.
[3] ПАСО, ф. 1020, оп. 2, д. 337, лл. 34—35.
[4] Там же, л. 46.

«Во что обходится государству каждая минута простоя?». Беседа прошла оживленно, рабочие вносили предложения, направленные на укрепление трудовой дисциплины и на выполнение социалистических обязательств [1]. Серьезным средством коммунистического воспитания трудящихся и мобилизации их на выполнение клятвы уральцев на Уралмашзаводе являлась такая испытанная форма политической работы в массах, как политинформация. Они проводились каждый понедельник. Информаторы выделялись из партийно-хозяйственного актива. С интересными и актуальными сообщениями перед рабочими выступали начальники передовых цехов П. Г. Левандовский, Б. А. Шендеров, М. П. Родионов, В. Н. Соловьев, В. Ф. Лубенский, секретари партийных организаций А. И. Яшенькин, В. П. Петровский, А. Н. Егоров, П. И. Акимов, Г. Е. Norкин и др.[2] До начала работы или в обеденный перерыв политинформаторы делали краткий обзор событий на фронтах за неделю, отвечали на вопросы, волновавшие рабочих, и ставили задачи, которые необходимо было решать цеху, участку, бригаде. Раз в месяц политинформации проводились в клубе Уралмашзавода.

Большое место в агитационной работе занимала наглядная агитация и печать. Кроме досок показателей социалистического соревнования, лозунгов, плакатов, «окон ТАСС», художественных панно, широкое распространение имели витрины, выставки газетных и журнальных материалов «Наша помощь фронту», «Борьба советских партизан», «Зверство фашистских захватчиков» и др.[3] Радио, многотиражная газета «За тяжелое машиностроение» и стенная печать поддерживали все новое в социалистическом соревновании и являлись трибунами распространения передового опыта. По радио и на страницах газет неоднократно выступали лучшие люди завода: кузнец Г. М. Коваленко, лекальщик А. М. Чугунов, штамповщик Ф. Н. Шестак, электросварщик А. А. Судорогин, токарь П. К. Спехов, бригадир комсомольско-молодежной бригады М. Ф. Попов и многие другие. Газета «За тяжелое машиностроение» имела 175 рабкоров, из них 48 рабочих, 52 инженерно-технических работников, 37 человек партийного, комсомольского и профсоюзного актива, 38 служащих и домохозяек [4].

Решающую роль в выполнении социалистических обязательств на Уралмашзаводе, так же как и на других промышленных предприятиях Урала, играли коммунисты. Они выполняли авангардную роль на производстве, активно участвовали в политической жизни, действовали личным примером в выполнении самых сложных и ответственных заданий, показывая настойчивость и трудолюбие. Большим уважением пользовались члены партии Г. М. Коваленко, Ф. Н. Шестак, М. М. Шутов и др. Свои методы работы они охотно передавали молодежи. Среди инструментальщиков завода первенство держал коммунист слесарь-лекальщик А. М. Чугунов. За 1944 год он выполнил семь с половиной годовых норм. Производственный план на заводе выполняли все коммунисты [5].

Повседневная массово-политическая и организаторская работа среди коллектива Уралмашзавода благотворно сказалась на коллективе, она вызвала новый трудовой подъем. Непрерывно развиваясь, социалистическое соревнование превратилось в массовое патриотическое движение, охватившее всех рабочих. Только за 1944 год количество соревнующихся увеличилось с 76 до 87 проц.[6] В годы войны коллектив завода несколько раз завоевывал первое место в социалистическом соревновании, ему присуждались переходящие Красные знамена Государственно-

[1] Газ. «За тяжелое машиностроение», 27 апреля 1944 г.
[2] ПАСО, ф. 1020, оп. 2, д. 462, лл. 36—37.
[3] Там же, д. 337, л. 44.
[4] ПАСО, ф. 1020, оп. 2, д. 585, л. 49.
[5] ПАСО, ф. 161, оп. 6, д. 1815, лл. 36—40.
[6] ПАСО, ф. 1020, оп. 2, д. 585, л. 75.

го Комитета Обороны, Наркомата, гвардейских дивизий, областного и городского комитетов партии. Передовики соревнования награждались орденами и медалями Советского Союза, а также денежными премиями.

В борьбе за дальнейшее развитие социалистического соревнования и решение важнейших хозяйственно-политических задач в годы войны партийные организации Урала нашли наиболее действенные наступательные и мобилизующие формы агитации: фронтовые или боевые задания, переписка и встречи работников тыла с фронтовиками и колхозниками освобожденных районов, сменно-встречные собрания, политдни и т. д.

Важнейшим средством мобилизации трудящихся на выполнение социалистических обязательств и заданий Государственного Комитета Обороны являлись фронтовые задания, получившие в практике работы партийных организаций Свердловской, Пермской и Челябинской областей большое распространение. Фронтовые задания коллективам предприятий, цехов, бригад и отдельным рабочим давались городскими и районными комитетами партии, исполнительными комитетами Советов трудящихся, а также директорами, партийными и профсоюзными организациями заводов. Вручение фронтовых заданий приурочивалось к тому времени, когда особенно необходимо было усилить помощь фронту или к знаменательным датам в жизни советского народа. Так, накануне 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, городской комитет и исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся г. Березники Пермской области обратились ко всем рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим города с призывом объявить предпраздничную декаду фронтовой, перевыполнить план и дать Советской Армии как можно больше боевой продукции. Фронтовое задание заканчивалось словами: «Вручая Вам это фронтовое задание имени 25-й годовщины Октября, мы уверены, что Вы, истинные патриоты нашей Родины, своей героической работой перевыполните установленное задание и в борьбе за первенство во Всесоюзном социалистическом соревновании докажете свою преданность Родине и Коммунистической партии!» [1].

Аналогичные фронтовые задания вручались на большинстве промышленных предприятиях Урала. В процессе выполнения этих заданий партийные и профсоюзные организации развертывали массовую работу, объявляли фронтовые декады и месяцы. Итоги выполнения фронтовых заданий подводились на общезаводских собраниях, о них сообщалось специальными рапортами в районные и городские комитеты партии. Например, когда в конце 1942 г. в одном из цехов машиностроительного завода Перми выявилось отставание по производству особо важной детали, за подписями директора завода А. И. Быховского и парторга ЦК ВКП(б) А. М. Сюндюкова коллективу цеха было вручено фронтовое задание. Партийное бюро вместе с профсоюзной организацией и руководителями цеха подготовили и провели рабочее собрание о значении предстоящей работы, агитаторы разъяснили каждому рабочему значение задания. Перед началом работы проводились пятиминутные информации, на которых подводились итоги за смену, отмечались лучшие, критиковались отстающие. Наглядная агитация широко отражала ход выполнения фронтового задания. В итоге проделанной работы цех полностью ликвидировал отставание и увеличил производство деталей с 4—5 до 8—9 штук, т. е. в два раза [2].

Одной из действенных форм агитационно-массовой работы по мобилизации трудящихся на выполнение социалистических обязательств являлись сменно-встречные собрания. Они прочно вошли в практику пар-

---

[1] ПАПО, ф. 59, оп. 18, д. 64, л. 20.
[2] ПАПО, ф. 889, оп. 4, д. 21, лл. 82—83.

тийной работы на предприятиях г. Магнитогорска. Положительной стороной этой формы являлось то, что здесь осуществлялась наиболее тесная связь политической работы с решением конкретных производственных вопросов, с борьбой за выполнение заказов фронта. Сменно-встречные собрания проводились ежедневно за 40—50 минут до начала работы. На них присутствовал весь коллектив. Вначале предоставлялось слово агитатору, который в течение 10—15 минут проводил беседу или читал газету о положении на фронтах. После этого, подведя итоги работы прошедшей смены, начальник ставил задачи для новой смены. На собрании обменивались опытом работы, заслушивали рабочих, не выполнявших норм выработки и нарушавших трудовую дисциплину. Особенно хорошо проходили сменно-встречные собрания в мартеновском цехе Магнитогорского металлургического комбината. Здесь, как правило, присутствовало до 90 проц. работавших. Сталевары на этих собраниях брали дополнительные обязательства. Например, в январе 1944 г. сталевары Замура и Ермоленко обязались сократить срок плавки стали на 4 часа. В цехе началось соревнование, оно охватило всех рабочих. Свое слово сталевары сдержали. На собрании они подробно рассказали о своих методах работы. Наглядная агитация отражала работу лучших и распространяла их опыт, подвергала суровой критике нерадивых. Когда в феврале 1944 г. сталевар Оськин в погоне за увеличением выпуска продукции начал давать некачественную сталь, о его работе была помещена заметка в регулярно выходившем сатирическом листке «Крокодил». Это подействовало на Оськина, и он стал выполнять норму. В результате соцсоревнования только в первом квартале 1944 г. выплавлено было сверх плана около 10 тыс. тонн стали. За высокие показатели работы в марте 1944 г. коллективу цеха было вручено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны [1].

Через многообразные формы агитации воплощались в жизнь ленинские принципы социалистического соревнования: гласность, сравнимость результатов, распространение передового опыта, товарищеская взаимопомощь, поощрение хорошо работавших коллективов и лучших производственников.

Условия Всесоюзного социалистического соревнования доведены были до сознания каждого рабочего не только различными формами устной агитации но и печатью. На страницах центральных и местных газет в мае и июне 1942 г. были опубликованы условия Всесоюзного социалистического соревнования, разработанные каждым наркоматом совместно с ВЦСПС.

Ход социалистического соревнования освещался различными видами наглядной агитации: на досках показателей работы предприятий, цехов, участков, смен, бригад, рабочих ведущих профессий; в плакатах, молниях, боевых листках, в заданиях и обращениях коллективов заводов, городских и областных комитетов Коммунистической партии. Информация трудящихся о ходе выполнения обязательств осуществлялась на производственных совещаниях, рабочих собраниях, конференциях и совещаниях передовиков производства, во время проведения индивидуальных и групповых бесед, на митингах и посредством радиовещаний. В начале месяца заводские жюри, рассмотрев итоги социалистического соревнования за месяц, присуждали первые и вторые места цехам с вручением переходящих Красных знамен, присваивали почетные звания «Лучший цех», «Лучшая бригада», «Лучший рабочий» своей профессии. Лучших представляли к наградам, заносили на Доски и в Книги почета предприятий. Так, на одном машиностроительном заводе Нижнего Тагила по итогам соревнования за 1943 г. переходящие Красные знамена в разное время присуждались 33 цехам, 24 участкам и 38 бригадам. В течение года

[1] ПАЧО, ф. 288, оп. 12, д. 366, лл. 2—3.

передовые цеха получали Красные знамена от 4 до 9 раз. За это же время звание «Лучший токарь», «Лучший фрезеровщик», «Лучший кузнец» и др. рабочих профессий было присуждено 964 рабочим, звание «Лучший технолог» — 82 инженерам, «Лучший мастер» — 164 чел.[1] Передовыми бригадами, добившимися высокой производительности труда, были признаны комсомольско-молодежные бригады Татьяны Бревновой, Николая Гудимова, Наума Корензаева, Василия Воложанина, Ивана Охрименко, Татьяны Булгаковой[2]. Высокое звание «Лучший сталевар» было присвоено И. А. Крюкову, «Лучший кузнец» А. А. Коваленко, «Лучший токарь» М. Д. Дудник, «Лучшая автоматчица» А. Б. Яровой[3].

В условиях войны особенно возросла роль печати в организации и развертывании социалистического соревнования. Широко освещался опыт соревнования в областных, городских и многотиражных газетах. Областные газеты Урала «Челябинский рабочий», «Звезда», «Уральский рабочий», городские газеты «Серовский рабочий», «Тагильский рабочий», многотиражные газеты Уралмашзавода «За тяжелое машиностроение», машиностроительного завода Нижнего Тагила «Коминтерновец», «Верх-Исетский рабочий» и многие другие приложили немало усилий для вовлечения рабочих и инженерно-технических работников во Всесоюзное социалистическое соревнование, за право получения предприятиями переходящих Красных знамен Государственного Комитета Обороны, ВЦСПС, гвардейских дивизий. Газеты уделяли большое внимание распространению передовых методов труда. Газеты писали о движении двухсотников, трехсотников, скоростников, об организации комсомольско-молодежных бригад, о первых тысячниках, о движении многостаночников и совместителей профессий. Пионеры новых форм социалистического соревнования на Урале Нурулла Базетов, Дмитрий Босый, Егор Агарков, Павел Спехов и др. на страницах газет рассказывали о том, как они добились высоких показателей в работе.

Таким образом, в росте патриотического и трудового подъема, в дальнейшем развитии социалистического соревнования на промышленных предприятиях Урала важную роль сыграла агитационно-массовая работа. Всестороннее использование партийными организациями разнообразных форм и средств устной, наглядной и печатной агитации позволило довести до сознания каждого труженика тыла сложность военной обстановки и необходимость непрерывного увеличения производства вооружения и боеприпасов для победы над гитлеровской Германией. Агитация имела огромное значение в мобилизации трудящихся на выполнение клятвы уральцев Коммунистической партии, в развитии творческой инициативы, энтузиазма и самодеятельности трудящихся. В среднем социалистическим соревнованием на предприятиях Урала в эти годы охвачено было 75—85 процентов работавших, а на отдельных предприятиях в соревнование были вовлечены почти все рабочие. В Дзержинском районе г. Нижнего Тагила соревновалось от 75 до 90 проц.[4], на Лысьвенском металлургическом заводе соревнованием было охвачено 99,9 проц.[5], а Первоуральском Новотрубном заводе — 100 проц. рабочих, инженерно-технических работников и служащих[6]. В ходе соревнования выросло число ударников и стахановцев. Так, в конце 1944 г. на предприятиях Нижнего Тагила стахановцы и ударники составляли 70—75 проц. работавших[7]. За высокие показатели в работе неоднократно

[1] ПАСО, ф. 483, оп. 3, д. 325, лл. 107—108.
[2] «Технический бюллетень завода», 1944, № 3—4, стр. 3—5.
[3] ПАСО, ф. 483, оп. 3, д. 325, лл. 108—109.
[4] ПАСО, ф. 4, оп. 39, д. 27, л. 33.
[5] ПАПО, ф. 105, оп. 1-а, д. 35-а, л. 102.
[6] ПАСО, ф. 75, оп. 5, д. 48, л. 57.
[7] ПАСО, ф. 4, оп. 39, д. 97, л. 38.

присуждалось первенство во Всесоюзном и областном социалистическом соревновании, знамена прославленных гвардейских дивизий и Государственного Комитета Обороны коллективам Уралмашзавода, машиностроительных и металлургических предприятий Перми, Свердловска, Челябинска, Нижнего Тагила, Серова и др. городов Урала.

Всенародный характер социалистического соревнования явился новым подтверждением ленинских положений о том, что только с победой социалистической революции, с ликвидацией эксплуататорских классов, с установлением диктатуры пролетариата трудящиеся выходят на дорогу самостоятельного творчества, они способны проявлять энергию, смелый почин, обнаруживать свои таланты и способности.

Многие формы социалистического соревнования, получившие распространение в те годы, используются партийными организациями в настоящее время в борьбе за выполнение исторических решений XXIII съезда КПСС. К ним относятся индивидуальные обязательства, соревнование по профессиям, различные формы внутризаводского соревнования, соревнования между городами, областями, за переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС.

Выражением высокого подъема трудовой и политической активности советского народа в борьбе за построение коммунизма в нашей стране является широко развернувшееся движение за получение высокого звания ударника, бригады, цеха и предприятия коммунистического труда. В этом движении участвует более 30 млн. человек.

XXIII съезд КПСС, разработавший дальнейшую программу по созданию материально-технической базы коммунизма, подчеркнул, что главное сейчас состоит в том, чтобы мобилизовать все наши усилия на выполнение пятилетнего плана. В связи с чем еще более возрастет ответственность партийных организаций. «Они должны,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС,— выступать подлинными организаторами осуществления намеченных партией планов, развивать творческую инициативу, соревнование трудящихся масс, поддерживать движение за коммунистический труд»[1]. Использование богатейшего опыта массово-политической работы по организации социалистического соревнования и развитию творческой самодеятельности трудящихся в годы Великой Отечественной войны может оказать большую помощь партийным организациям Урала в выполнении исторических решений XXIII съезда партии.

[1] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, стр. 72.

Кандидат исторических наук, и. о. доцента
В. Д. ШАМШУРИН

РУКОВОДСТВО ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА СОРЕВНОВАНИЕМ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД В ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ СЕМИЛЕТКИ

Грандиозный план коммунистического строительства в СССР может быть воплощен в жизнь только активной деятельностью всего советского народа. Поэтому Коммунистическая партия придает особое значение вопросам организации социалистического соревнования, которое, как указывал В. И. Ленин, создает возможность вовлечь большинство трудящихся в активную работу, где они могут проявить себя, развернуть свои способности. Это ленинское предвидение полностью подтвердилось всем опытом строительства социализма и коммунизма в СССР.

Вся многосторонняя жизнь нашей страны стала примером небывалого роста народной инициативы, которая проявляется в наши дни и в соревновании за коммунистический труд. Его участники ставят перед собой великую цель: учиться работать и жить по-коммунистически, как завещал В. И. Ленин. В своем приветствии участникам Всесоюзного совещания передовиков движения за коммунистический труд, проходившего в апреле 1963 г. в Москве, ЦК КПСС дал высокую оценку этому движению, подчеркнул, что под руководством партии оно выросло в великую силу [1].

Новый характер соревнования требует новых форм и методов партийного руководства. Они рождаются в гуще жизни, во всех уголках нашей страны. Обобщение опыта, накопленного партийными организациями, играет большую роль в дальнейшем развитии движения за коммунистический труд и повышения его действенности. На это не раз указывал В. И. Ленин, говоря о необходимости систематической постановки и обсуждения вопросов социалистического соревнования.

В. И. Ленин учил партию решать задачи социалистического и коммунистического строительства на основе глубокого научного анализа жизни общества и практического опыта масс. Непоколебимую верность партии этим ленинским заветам с новой силой показали решения Пленумов ЦК КПСС, состоявшихся в октябре и ноябре 1964 г.

Партия исходит из того, что успешное решение великих задач строительства коммунизма возможно путем максимального развития творческой активности, инициативы и самодеятельности народных масс. И она сделала строительство коммунизма близким и понятным миллионам людей, вовлекла их в активное участие в этом историческом процессе. Великие идеи строительства коммунизма облеклись в конкретную, новую

---

[1] «Правда», 26 апреля 1963 г.

форму социалистического соревнования, девизом которого стал лозунг «Учиться работать и жить по-коммунистически». Решающее значение в превращении инициативы первых бригад и ударников коммунистического труда во всенародное и действенное движение имели постановление ЦК КПСС о созыве XXII съезда партии, опубликование проекта новой Программы и решений съезда, организаторская деятельность партии.

Великая программа строительства коммунизма подняла политическую и трудовую активность масс на новую, небывало высокую ступень. В 1965 г. в движении за коммунистический труд участвует 33 млн. человек [1]. В трех областях Урала (Свердловской, Пермской и Челябинской) участвует в соревновании около 1 млн. 700 тыс. человек [2].

Большую роль в обеспечении массовости и действенности движения за коммунистический труд играют местные партийные организации. Обкомы КПСС Свердловской, Челябинской и Пермской областей направляют деятельность горкомов КПСС, первичных партийных, профсоюзных и комсомольских организаций по руководству соревнованием. Они регулярно обобщают опыт работы коллективов коммунистического труда и деятельность партийных организаций по руководству соревнованием, помогают партийным организациям совершенствовать формы и методы работы по развитию и повышению его действенности, учат их последовательно применять ленинские принципы руководства соревнованием.

Первый опыт работы бригад и ударников коммунистического труда на Урале был обобщен на городских и областных слетах участников соревнования. Они обратились к трудящимся своих областей с горячим призывом усилить борьбу за выполнение задач строительства коммунизма, разработали конкретные предложения, которые сыграли значительную роль в дальнейшем развитии движения.

Обкомы КПСС областей Урала систематически проводят на предприятиях семинары секретарей партийных организаций, руководителей профсоюзных, комсомольских и хозяйственных организаций. На них обсуждаются такие вопросы, как опыт руководства соревнованием за коммунистический труд, формы и методы воспитательной работы на производственных участках шахт, внедрение передовых методов труда в специфических условиях той или иной отрасли промышленности. В качестве докладчиков наряду с областными работниками выступают и руководители местных организаций.

Руководствуясь ленинскими принципами организации соревнования (обеспечение гласности, сравнимость результатов и возможность практического применения передового опыта), партийные организации горных предприятий Урала не только используют ранее выработанные формы руководства соревнованием, но и обогащают их новыми. К их числу следует отнести вечера трудовой славы, встречи соревнующихся коллективов с участием членов семей, слеты передовиков соревнования, широкое и многогранное содружество участников соревнования с учеными и инженерно-техническими работниками в различных самодеятельных формах: общественные конструкторские бюро; комплексные бригады по рационализации; бюро технической информации; бюро и группы экономического анализа; советы новаторов; исследовательские лаборатории; университеты техники и т. п.; индивидуальную и коллективную помощь, необходимую для достижения успехов в работе, учебе, быту.

Эти формы руководства соревнованием не только содействуют вовлечению новых слоев трудящихся в борьбу за коммунистический труд, распространению передового опыта, выявлению резервов дальнейшего роста производства, но и воспитывают у каждого рабочего чувство хозяина

---

[1] Газ. «Труд», 24 декабря 1965 г.

[2] Текущие архивы отделов труда и заработной платы Челябинского, Свердловского и Пермского облсовпрофов. 1963 г. Сводные статистические отчеты.

своей страны, ответственность за выполнение принятых обязательств, усиливают роль моральных стимулов.

Сами обязательства коллективов и ударников коммунистического труда стали качественно новыми. В них отражается стремление участников соревнования не только работать, но и жить по-коммунистически. Это расширяет роль и значение соревнования. По-новому разрабатываются и принимаются обязательства. Главное внимание теперь уделяется их конкретности и выполнению в определенные календарные сроки. К разработке обязательств привлекаются все трудящиеся данного коллектива. Это повышает ответственность каждого за выполнение обязательств.

Особое внимание сейчас уделяется организации индивидуального соревнования внутри бригад, цехов, отделов, предприятий, которое содействует проявлению инициативы участников, подтягиванию до уровня передовиков всех остальных, дает возможность наиболее полно вскрыть и использовать резервы каждого рабочего. Это нисколько не противоречит коллективности как основному принципу соревнования, потому что из индивидуальных обязательств рабочих и служащих складывается высокопроизводительный труд всего коллектива.

Форма индивидуального соревнования особенно целесообразна на подземных работах, где люди, работающие в одной бригаде, часто совершают раздельные, самостоятельные, законченные операции.

Обеспечение широкой гласности и конкретность обязательств потребовали изменения порядка подведения итогов соревнования. С 1962 г. на горных предприятиях Урала введена практика еженедельного, а на ряде предприятий ежедневного подведения итогов соревнования. К обсуждению вопроса о присуждении высокого звания привлекаются все работники данного коллектива. При этом учитываются достижения соревнующихся не только на производстве, но и в учебе, участие их в общественно-политической жизни, соблюдение ими норм и правил коммунистической морали. Трудящиеся широко знакомятся с ходом и результатами соревнования через стенгазеты, «молнии», плакаты, радио, кинофильмы, беседы, собрания, лекции, выступления самих передовиков, школы передового опыта.

Для поощрения передовиков местные партийные организации используют различные формы:слеты,выставки, портретные галереи, фотогазеты, специальные выпуски стенгазет и «молний», памятные подарки, Почетные грамоты, занесение на Доски почета и в Книги почета.

Для развития движения за коммунистический труд и повышения его действенности партийные организации Урала используют многочисленные самодеятельные общественные организации, широко опираются на коллективы и ударников коммунистического труда, привлекают их к осуществлению производственных, массово-политических и воспитательных задач. Это расширяет состав беспартийного актива и укрепляет связи местных партийных организаций с массами, способствует политическому воспитанию и росту общественной активности участников соревнования.

Соревнование оказало влияние на стиль работы горкомов КПСС. Укрепилась их связь с предприятиями. Добиваясь вместе с коммунистами первичных организаций широкого развертывания соревнования, работники городских комитетов более конкретно и оперативно помогают им организовывать работу по коммунистическому воспитанию трудящихся.

Массовое соревнование за коммунистический труд предъявляет новые требования и к хозяйственным руководителям. Теперь они должны повседневно общаться с рабочими не только на производстве, но и в быту, помогать им в учебе, в техническом творчестве, влиять на людей всем своим опытом, знаниями, личными положительными качествами.

Активную роль в развитии движения за коммунистический труд иг-

рают партийные группы. Они обеспечивают авангардную роль коммунистов, организуют индивидуальное соревнование в бригадах и сменах, вовлекают в работу по воспитанию людей весь коллектив бригады, смены.

Особенно велика роль партийных групп в горной промышленности, где почти вся воспитательная работа может проводиться коммунистами, непосредственно работающими в комплексной бригаде. Опыт работы партийных организаций предприятий Урала показывает, что наибольшего размаха и действенности соревнование достигает именно тогда, когда центром его организации становится партийная группа.

Например, партийная группа смены экскаваторного участка, которую возглавляет С. В. Моисеев (Магнитогорский железный рудник), вначале развернула работу по организации индивидуального соревнования за звание ударника коммунистического труда. Весь коллектив смены (52 человека) включился в соревнование за это высокое звание, и большинство членов коллектива завоевало его. После этого была проведена работа по вовлечению в соревнование за звание коллектива коммунистического труда всей смены. Такая организация соревнования и личный пример коммунистов группы содействовали тому, что эта смена стала передовым коллективом. Ему первому на руднике в январе 1960 г. было присвоено звание смены коммунистического труда, которое он с честью носит и сейчас [1].

В. И. Ленин подчеркивал, что коммунизм есть высшая, чем при капитализме, производительность труда организованных, сознательных, использующих передовую технику рабочих. Конкретные пути повышения производительности труда определены Программой КПСС, которая решающую роль в выполнении этой задачи отводит техническому прогрессу.

Партийные организации горных предприятий Урала проводят огромную работу по вовлечению участников соревнования и всех трудящихся в борьбу за технический прогресс. Результаты сказались в улучшении работы первичных партийных организаций по внедрению новой техники и в росте числа изобретателей и рационализаторов. Поднялась их творческая активность, стал выше технический уровень рационализаторских предложений и изобретений. Так, по трем областям Урала в 1962 г., например, число рационализаторов по сравнению с 1958 г. возросло почти в полтора раза, количество рационализаторских предложений увеличилось на одну треть, экономия от внедрения предложений выросла более чем на 30 процентов [2]. Например, рационализаторы и изобретатели Североуральских бокситовых рудников Свердловской области за 3,5 года внесли в рационализаторский фонд семилетки 2,9 млн. руб., при обязательстве на семилетку — 4,9 млн. руб.[3]

Для привлечения участников соревнования за коммунистический труд и всех трудящихся к техническому творчеству партийные организации горных и других промышленных предприятий Урала используют разнообразные методы и формы. К числу их относятся смотры-конкурсы рационализаторской работы, комплексные бригады по рационализации, выставки по изобретательству и рационализации, соревнования за лучший цех или шахту, составление комплексных планов технического совершенствования рабочего места и личных планов рабочих по участию в рационализации, составление единых планов по техническому прогрессу шахты, предприятия, исследовательской лаборатории и т. д.

---

[1] Текущий архив партийного бюро Магнитогорского железного рудника, 1963 г. Справка о состоянии соревнования за коммунистический труд на руднике в 1959—1963 гг.

[2] Отчеты Свердловского, Челябинского и Пермского облстатуправлений по ф. № 4-НТ за 1958—1962 гг.

[3] Текущий архив Свердловского областного совета ВОИР. Отчеты о работе совета ВОИР Североуральских бокситовых рудников за 8 месяцев 1962 г.

С возникновением и ростом соревнования за коммунистический труд, неотъемлемой чертой которого является борьба за технический прогресс, партийные организации стали уделять главное внимание развитию технического творчества в соревнующихся коллективах.

Партийная организация Центрального рудоуправления треста «Ураласбест», поддержав предложения участников соревнования за коммунистический труд, организовала составление единого общерудничного плана по техническому прогрессу. Осуществление его дало возможность увеличить объем производства, поднять производительность труда, создать условия для ритмичной работы рудника [1].

В активной и многогранной борьбе за технический прогресс возникли новые формы содружества рабочих, научных и инженерно-технических работников.

На Уралвагонзаводе и Уралмаше родились такие самодеятельные организации, как общественные конструкторские бюро и бюро экономического анализа. Свердловский обком КПСС и партийные организации горячо поддержали эту инициативу, помогли рабочим, научным и инженерно-техническим работникам глубже понять значение начатого дела и направили их усилия на решение первоочередных и крупных задач технического прогресса. Газета «Правда» поддержала и широко популяризировала эту инициативу [2].

Новые формы творческого участия масс в борьбе за технический прогресс получили широкое распространение. В 1962 г. в трех областях Урала работало 1842 общественных конструкторских бюро, объединявших около 20 тыс. человек, и 2286 общественных бюро экономического анализа, которые насчитывали свыше 22 тыс. человек [3].

В горной промышленности особенное значение имеет внедрение новых, наиболее производительных систем разработки полезных ископаемых. Партийные организации направляют усилия участников соревнования и всех трудящихся на решение этой задачи. Так, партийная организация Высокогорского рудоуправления Свердловской области обеспечила создание и применение новой системы принудительного блокового обрушения с массовыми взрывами руды. Это дало возможность коллективу довести количество обрушаемой руды за один взрыв до 1 млн. тонн, в 1,5 раза повысить производительность труда, добиться самого низкого в стране объема проходческих работ (на одну тонну руды здесь приходится теперь не более 3 погонных метров выработок). Сочетание этой прогрессивной системы разработки с механизацией и автоматизацией производства дало возможность, например, на шахте «Магнетитовая» достигнуть среднесменной выработки на человека 37,5 тонны — втрое больше нормы.

О новых методах достижения высокой производительности труда этого коллектива писала газета «Правда» (2 октября 1963 г.).

Техническое творчество, возросшая роль коллективного начала, активное содействие партийных организаций создали благоприятные условия для рождения новой категории рабочих — рабочих-исследователей. Это событие исключительной важности и большого будущего. Созданная после XXI съезда КПСС исследовательская лаборатория новаторов производства на шахте «Буланаш 2-5» треста «Егоршинуголь», в которой работало 32 человека, накопила ценный опыт в создании средств автоматики для горнодобывающей промышленности. Опыт работы этой лаборатории изучался Государственным научно-техническим комитетом при Совете Министров РСФСР. Она стала участником ВДНХ СССР.

[1] Текущий архив Центрального рудоуправления треста «Ураласбест» Свердловской области, 1961 г.

[2] См. «Правду» за 5 февраля, 17 июня, 16 сентября 1960 г.

[3] Текущие архивы отделов производственной работы и заработной платы Свердловского, Челябинского и Пермского облсовпрофов, 1963 г.

Один из активных новаторов, работающих в лаборатории, А. И. Шаповалов, выступал с докладом в Институте горного дела Академии наук СССР[1].

В борьбе за технический прогресс приняли участие технико-экономические советы, созданные при горкомах. Так, технико-экономический совет при Нижне-Тагильском горкоме КПСС успешно разрешил важную и трудную задачу комплексного использования руды Высокогорского рудника: нашел пути извлечения из руды, кроме железа, других ценных компонентов[2].

Партийные организации Урала изо дня в день ведут большую работу по вовлечению масс в борьбу за технический прогресс. Свердловский обком КПСС с начала семилетки каждый квартал подводит итоги борьбы за технический прогресс, обсуждает их на заседаниях бюро, отмечает передовиков движения за новую технику и намечает меры по дальнейшему ее внедрению. Большую работу в этом направлении проводят горкомы, партийные комитеты и первичные партийные организации.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина и Директивами XXII и XXIII съездов КПСС, партийные организации Урала всемерно способствуют широкому распространению и внедрению передового опыта. На заседаниях бюро обкомов партии, в горкомах и первичных организациях систематически рассматриваются вопросы, связанные с поддержкой, обобщением и распространением опыта передовиков производства. Для осуществления этой задачи партийные организации используют разнообразные формы и методы работы. Обобщаются и распространяются достижения передовиков в виде технических брошюр, схем, плакатов, технических кинофильмов. Сами передовики выступают с лекциями и докладами, обучают своим приемам других. Проводятся междурудничные и межзаводские школы и конференции по обмену передовым опытом, практикуются поездки на другие горные предприятия области и страны, организуются семинары бригадиров с участием на них руководителей предприятий. Созданы и работают на общественных началах группы и бюро технической информации. Достижения передовиков производства освещаются в печати, по радио и телевидению, распространяются с помощью устной и наглядной агитации.

Как известно, правильная организация труда имеет важное значение в повышении его производительности. Партийные организации сосредоточивают внимание участников соревнования на решении этой задачи. На горных предприятиях, ведущих добычу полезных ископаемых подземным способом, созданы комплексные бригады. Участники соревнования за коммунистический труд, используя преимущества такой организации труда, добиваются повышения эффективности производства. Так, забойная бригада Левихинского медного рудника Свердловской области, возглавляемая Ф. Ф. Череповым, продуманно расставив работников, лучше используя забойную площадь и ведя работу одновременно в нескольких забоях разного сечения, сократила потерю рабочего времени и повысила производительность труда на 10 процентов[3].

В период строительства коммунизма трудовая деятельность все более основывается на широком применении достижений науки и техники. Рабочие должны уметь управлять сложными машинами и аппаратами, сам процесс производства требует от трудящихся повышения их образовательных и технических знаний.

---

[1] Текущий архив Свердловского обкома КПСС. Протокол заседания бюро Свердловского обкома КПСС от 15 августа 1961 г., № 73 и приложение к нему — Записка отдела тяжелой промышленности, транспорта и связи обкома.

[2] Текущий архив Свердловского обкома КПСС, 1962 г. Записка отдела партийных органов обкома «О развитии общественных начал в руководстве промышленностью и строительством».

[3] Газ. «За большую Дегтярку», 30 марта 1961 г.

Партийные организации, установив тесную связь со школами, постоянно поощряют тех, кто учится, контролируют их работу, создают необходимые условия для успешной учебы. В результате и в этой области были достигнуты большие успехи. В 1963 г. в вечерних общеобразовательных школах Пермской, Челябинской и Свердловской областей обучалось 813 тыс. человек [1]. Непрерывно растет число обучающихся и на горных предприятиях. Так, на предприятиях комбината «Кизелуголь» в 1963 г. в вечерних школах обучалось более 2,5 тыс. человек [2].

Партийная организация Магнитогорского металлургического комбината провела большую работу по составлению перспективного семилетнего плана обучения и подготовки кадров, который успешно осуществляется. За четыре года семилетки на курсах мастеров, в техникумах и институтах по плану должно было обучаться 13 001 человек, фактически обучалось 13 789. Должно было закончить обучение 2175 человек, а закончило 2624 [3].

Программы общеобразовательных вечерних (сменных) школ рабочей молодежи дополнены разделами, содержащими инженерно-технические сведения по соответствующим специальностям. Большое внимание в профессионально-технической подготовке уделяется распространению и практическому освоению опыта новаторов. Организовано глубокое изучение техники и технологии в различных школах и на курсах производственного обучения, количество учащихся на них растет из года в год. Так, на предприятиях комбината «Челябинскуголь» за четыре года семилетки различные формы производственно-технического обучения закончили 34 131 рабочих, вместо намеченных по плану 26 600 человек [4]. В 1962 г. в трех областях Урала: Челябинской, Свердловской и Пермской, на вечерних и заочных отделениях техникумов и высших учебных заведений училось более 180 тыс. человек, на 55 тыс. больше, чем в 1960 г.[5]

Анализ большого фактического материала показывает, что целеустремленная и многогранная работа партийных организаций Урала, в том числе и горных предприятий, по мобилизации трудящихся на борьбу за технический прогресс и высокую производительность труда дала положительные результаты. Промышленность Свердловской, Челябинской и Пермской областей досрочно завершила выполнение семилетки. Производительность труда непрерывно повышалась, и темпы ее роста были выше намеченных контрольными цифрами. За семилетку рост валовой продукции всей промышленности по трем областям Урала превысил уровень, намеченный планом. Перевыполнены также задания по росту производительности труда [6].

Таким образом, в коллективах коммунистического труда ведется плодотворная работа по подготовке всесторонне развитых и высококвалифицированных рабочих, способных овладеть новой техникой, совершенствовать ее и на этой основе достигать высокой производительности труда. Деятельность этих коллективов содействует увеличению размаха и подъему качественного уровня работы по рационализации и изобретательст-

---

[1] «Уральский рабочий», 28 января 1964 г., «Челябинский рабочий», 24 января 1964 г., «Звезда», 25 января 1964 г.

[2] Текущий архив Пермского обкома профсоюза работников угольной промышленности, 1963 г. Справка о состоянии соревнования за коммунистический труд на предприятиях Кизеловского угольного бассейна.

[3] Текущий архив отдела производственной работы и заработной платы Челябинского Облсовпрофа, 1963 г. Справка о состоянии и развитии соревнования за коммунистический труд в г. Магнитогорске.

[4] Текущий архив отдела кадров комбината «Челябинскуголь». Статистические отчеты, ф. № 6—7 за 1959—1962 гг.

[5] «Челябинский рабочий», 26 января 1962 г.; «Уральский рабочий», 28 января 1962 г.; «Звезда», 27 января 1963 г.

[6] «Челябинский рабочий», 30 января 1966 г.; «Звезда», 25 декабря 1965 г.; Уральский рабочий», 31 декабря 1965 г.

ву. Новые, более совершенные формы технического творчества: общественные бюро экономического анализа, конструкторские бюро, исследовательские лаборатории, и т. п. способствуют успешному решению сложных технологических проблем, росту технического и профессионального уровня рабочих и, в конечном счете, преодолению существенных различий между умственным и физическим трудом. Участники соревнования, овладев прогрессивными методами труда и новой техникой, активно распространяют эти методы среди других коллективов, оказывают им разностороннюю помощь; всем известны факты, когда отдельные члены передовых коллективов переходят работать на отстающие участки. В этом ярко проявляется замечательная черта коммунистических производственных отношений.

В период строительства коммунизма непосредственной и важной задачей партийных организаций является воспитание нового человека. Коммунизм есть живое творчество масс, в результате которого преобразуется не только материальный мир, но и духовный облик самих созидателей. В ходе коммунистического строительства изменяется психология людей, изменяются их взгляды на жизнь, мировоззрение в целом. В этом сила коммунизма. Новая коммунистическая нравственность складывается в труде и борьбе. Яркое свидетельство тому — коллективы коммунистического труда. Движение за коммунистический труд становится великой школой формирования человека с высоким уровнем сознания и культуры, коллективиста и общественника.

Партийные организации Урала улучшили политическую работу в массах и сумели организационно закрепить политическую активность трудящихся, вызванную решениями XXII съезда и новой Программой КПСС.

В 1962—1963 учебном году в сети политического просвещения по трем областям Урала обучалось, например, около 2 млн. человек[1]. Большую работу в этом направлении ведут партийные организации горных предприятий. Так, партийная организация добычного разреза № 1—2 треста «Коркинуголь» Челябинской области, борясь за осуществление решений XXII съезда КПСС, вовлекла в политическую учебу в 1963/64 учебном году более двух третей всего коллектива, создала группу пропагандистов и лекторов в количестве 85 человек. В пропагандистской работе участвуют все руководящие работники предприятий: начальник разреза И. А. Афонин руководит группой лекторов, главный механик И. А. Боев — лектор, главный энергетик Н. И. Жуков — пропагандист кружка. Хорошее знание ими производства позволяет связать теоретические занятия с повседневным решением практических задач, превратить политическую учебу в важный фактор воспитания людей. В течение семилетки угольный разрез перевыполнял производственные планы, а в период соревнования в честь XXII съезда КПСС за успехи был награжден Почетной грамотой ВЦСПС[2].

Деятельность коллективов и ударников коммунистического труда полностью подтверждает марксистско-ленинское положение о том, что труд — это главное средство воспитания людей. Создаются новые возможности для воспитания и дальнейшего развития личности труженика. Здесь воспитывается отношение к труду как к первой жизненной потребности, формируется новый человек — коллективист, человек с высокими моральными качествами. Участники соревнования глубже чувствуют морально-политическую ответственность за работу, жизнь и быт каждого товарища, коллектива, предприятия, общества в целом. Развиваются и совершенствуются физические, умственные и нравственные силы людей.

---

[1] «Звезда», 1 н 7 октября 1961 г.; «Челябннскнй рабочнй», 30 сеитября 1962 г.; «Уральскнй рабочнй», 1 октября 1963 г.

[2] Текущнй архив партийиой организацнн добычного угольного разреза № 1—2 треста «Коркинуголь», Челябинской области, 1963 г.

Многочисленные примеры самоотверженного труда и высокой сознательности участников соревнования показывают, как в процессе трудовой деятельности под руководством партийных организаций, под воздействием коллектива воспитываются и претворяются в жизнь принципы морального кодекса строителя коммунизма.

Партийные организации Урала выработали новые формы привлечения широких слоев трудящихся к воспитательной работе. К числу таких форм следует отнести шефство кадровых рабочих над новичками, привлечение к жизни производственных коллективов членов их семей, шефство коллективов коммунистического труда над школами, создание дружин по охране общественного порядка, товарищеские суды и т. д.

Под воздействием партийных организаций в коллективах коммунистического труда складывается и развивается повседневная производственная взаимопомощь, формируются новые взаимосвязи и отношения между людьми, начинается процесс перерастания социалистических производственных отношений в коммунистические.

Вместе с совершенствованием производственных отношений и на их основе в коллективах коммунистического труда формируются и новые черты коммунистической нравственности. Здесь действует товарищество, основанное на дружбе, взаимном уважении, взаимовыручке и коллективной требовательности, которая рождает у рабочих чувство ответственности перед коллективом, обществом в целом, повышает у каждого человека требовательность к самому себе, к своему духовному росту и стремление к нравственному совершенствованию.

Коллектив оказывает сильнейшее моральное воздействие на каждого, кто не выполняет какие-либо из совместно принятых обязательств или совершает поступок, противоречащий принципам товарищества и нормам коммунистической нравственности. Сбывается предвидение основоположников марксизма-ленинизма о том, что коллективное ведение производства приведет к глубокому изменению и всего облика людей.

Партийные организации Урала, вооруженные решениями XX, XXI и XXII съездов партии, Постановлениями ЦК КПСС, возглавив творческую инициативу трудящихся, улучшили деятельность по коммунистическому воспитанию рабочих. Используя новые формы и методы идеологического воздействия, они перенесли центр массово-политической работы в коллективы, соревнующиеся за коммунистический труд, и, опираясь на них, активизируют и повышают действенность воспитательной работы.

Роль коллективов в воспитании людей особенно значительна в условиях горной промышленности. Здесь каждый работник в отдельности не дает окончательного продукта, а этот продукт — уголь, руда — добывается в результате коллективной деятельности. Кроме того, специфические условия подземной работы, где от поведения каждого и в процессе труда, и в быту часто зависит успех работы всего коллектива, усиливают чувство товарищества, личную ответственность каждого перед коллективом. Учитывая это, партийные организации используют коллектив и его воздействие на каждого в отдельности не только в производственной, но и в воспитательной работе. Партийная организация добычного разреза № 1—2 треста «Коркиноуголь» Челябинской области, например, еженедельно проводит так называемые «среды» — собрания трудящихся по сменам. На «средах» слушаются лекции, подводятся итоги социалистического соревнования, обсуждается поведение отдельных работников. Партийная группа участка № 4 этого разреза повседневно и умело ведет воспитательную работу с коллективом. На участке систематически читаются лекции, доклады, проводятся беседы на различные производственные, политические, научные и этические темы. Коммунисты группы показывают личный пример на производстве и в соблюдении моральных норм поведения. К проведению воспитательной работы с коллективом партийная группа привлекает учителей подшефной школы, членов семей работников смены.

Такая целенаправленная и многосторонняя работа партийной группы дала положительные результаты. За 4 года ни один из 80 работников участка не сделал ни одного прогула, не совершил аморального поступка. Все это благотворно сказалось и на производственной деятельности участка, который систематически из года в год перевыполняет государственные задания [1].

Предприятия горной промышленности в большинстве своем расположены в небольших поселках. Это обстоятельство еще более увеличивает роль соревнующегося коллектива в воспитании людей. Здесь коллектив содействует достижению успехов не только в труде, но и становится центром культурной и духовной жизни людей. Учитывая это партийные организации горных предприятий превращают его в большую силу, способствующую духовному росту трудящихся. В трех областях Урала: Свердловской, Челябинской и Пермской в 1963 г. работало более 200 народных университетов, слушателей в них более 100 тыс. человек. Оживилась работа профсоюзных клубов, Домов и Дворцов культуры, в художественной самодеятельности которых участвовало около 350 тыс. человек [2].

Изучение опыта партийных организаций Урала по руководству соревнованием за коммунистический труд позволяет сделать вывод об основных направлениях в его развитии: в движении органически взаимосочетаются коллективная и индивидуальные формы соревнования. Массовое движение за коммунистический труд усилило непрерывный рост самодеятельности и общественных начал в решении всех вопросов жизни и работы коллективов.

Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС поставил новую задачу — социалистическое соревнование должно организовываться по отраслевому принципу. В этой связи опыт партийных организаций Урала по руководству соревнованием имеет большое практическое значение для всей горной промышленности СССР.

Вместе с тем необходимо отметить, что в работе некоторых партийных организаций горных предприятий Урала по руководству движением за коммунистический труд имеются факты формального и поверхностного руководства. Так, на Кальинском, 2 и 3 северных рудниках Североуральских бокситовых рудников, Свердловской области, были случаи, когда не все участники соревнования имели индивидуальные обязательства, а иногда их не было даже у отдельных бригад. Нарушались сроки проверки обязательств. Не регулярно проводился обмен передовым опытом между соревнующимися бригадами. При проверке обязательств обращалось внимание только на выполнение производственных показателей и не учитывались такие стороны деятельности соревнующихся, как повышение общеобразовательного и технического уровня их, соблюдение норм морального кодекса строителя коммунизма. Присвоение почетных званий коллективам производится иногда без достаточного изучения их деятельности. Так организации Дегтярского медного рудника (Свердловская область) в погоне за количеством без достаточного изучения деятельности присвоили звание коллектива коммунистического труда забойной бригаде шахты «Капитальная-1», возглавляемой И. В. Смолыгиным, а через некоторое время выяснилось, что почетное звание ей было присвоено преждевременно.

В целях устранения недостатков в руководстве соревнованием можно было бы рекомендовать ряд мер, направленных на улучшение организа-

---

[1] Текущий архив партийной организации добычного угольного разреза № 1—2 треста «Коркинуголь», Челябинской области, 1963 г. Материалы о руководстве соревнованием за коммунистический труд.

[2] Текущие архивы отделов культурно-массовой работы Челябинского, Свердловского и Пермского областных советов профсоюзов, 1962—1963 гг. Отчеты профорганизаций.

ции и руководства соревнованием на предприятиях горной промышленности. В каждой производственной бригаде, наряду с коллективным, следует организовать индивидуальное соревнование за звание ударника коммунистического труда. При этом социалистические обязательства коллектива следует сочетать с индивидуальными обязательствами, которые должны способствовать реальному, своевременному выполнению общих обязательств. Такой порядок организации социалистического соревнования дает возможность правильно решить вопрос о присвоении звания, так как в решении участвуют все члены данного коллектива; привлечь к выработке обязательств, планов работы предприятия и к контролю за их выполнением всех трудящихся, что способствует росту их творческой инициативы, активному участию в управлении производством.

Учитывая особенности работы горных предприятий целесообразно установить такой порядок присвоения почетных званий: бригаде присваивать звание, если она в целом систематически выполняет свои обязательства, и большинство ее членов, сравнительно длительное время работающих в ней, завоевали звание ударника коммунистического труда.

Коллективу добычного участка присваивать звание коллектива коммунистического труда за постоянное выполнение своих обязательств, при условии, что большинство его бригад уже завоевало почетное звание.

Коллективам шахт присваивать звание при систематическом и длительном выполнении социалистических обязательств при условии, что все коллективы участков носят это высокое звание.

Коллективу предприятия (рудника, карьера) присваивать звание коллектива коммунистического труда при условии, что он выполняет систематически обязательства, а коллективы шахт, разрезов и всех других цехов уже завоевали это почетное звание.

У многих работников местных партийных, хозяйственных, общественных организаций и у самих участников соревнования возникает вопрос о дальнейших перспективах движения за коммунистический труд. Ответ на этот вопрос мы находим у В. И. Ленина. «Все дело в том,— учил В. И. Ленин,— чтобы не довольствоваться тем умением, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти непременно дальше, добиваться непременно большего, переходить непременно от более легких задач к более трудным»[1].

Коллективам, которым уже присвоено высокое звание, следует выработать и принять на себя обязательства, способствующие переходу на новую, более высокую ступень работы. Здесь нет границ: техника производства непрестанно развивается. Необходимо не только не отставать от общего движения, но ускоренно двигаться дальше. Надо обязательно вовлечь всех работников в индивидуальное соревнование за звание ударника коммунистического труда, а тем членам коллектива, которым уже присвоено это звание, брать на себя новые обязательства, повышающие их роль в производстве, в общественной деятельности, способствующие воплощению в жизнь норм морального кодекса строителя коммунизма, превращению их во внутренние побудительные стимулы поведения.

В отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии подчеркивается, что партийные организации должны «развивать творческую инициативу, соревнование трудящихся масс, поддерживать движение за коммунистический труд»[2].

Надо организовать дело так, чтобы коллективы и каждый трудящийся, участвующий в движении за коммунистический труд стремились не к формальному получению звания, а к претворению в жизнь основной задачи движения — достижению высоких результатов в труде и воспитанию коммунистически сознательного человека.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 196.

[2] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, Москва, 1966, стр. 72.

Ассистент Е. Т. НОСЕНКО

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ УРАЛА В БОРЬБЕ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ РАБОЧИХ В ГОДЫ СЕМИЛЕТКИ

В период коммунистического строительства наряду с решением главной задачи — создания материально-технической базы коммунизма — огромное значение имеет формирование коммунистического мировоззрения, всестороннее и гармоническое развитие личности, полное преодоление всех пережитков капитализма в сознании людей.

В Программе Коммунистической партии, принятой XXII съездом, сформулированы основные задачи идеологической работы и культурного строительства в нашей стране. «Переход к коммунизму предполагает,— говорится в Программе КПСС,— воспитание и подготовку коммунистически сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и умственному труду, к активной деятельности в различных областях общественной и государственной жизни, в области науки и культуры»[1].

Составной частью культурной революции является повышение общеобразовательного и культурно-технического уровня населения. В нашей стране созданы все условия для получения образования широкими слоями народа через сеть дневных, вечерних и заочных средних и неполных средних общеобразовательных школ, средних и высших специальных учебных заведений. К концу семилетки различными видами обучения было охвачено 71 млн. человек. Только в общеобразовательных школах занималось 48 миллионов человек[2]. Одним из основных средств повышения общеобразовательного уровня без отрыва от производства являются вечерние (сменные) школы рабочей молодежи.

Огромное значение для привлечения рабочих в вечерние и заочные школы имели льготы, представляемые партией и правительством учащимся этих школ, переход на сокращенный рабочий день, создание руководителями предприятий условий для обучающихся в школах без отрыва от производства. Это способствовало росту вечерних школ и количеству учащихся в них. Если в 1956—1957 уч. году в СССР было 894 школы рабочей молодежи, где училось 14,7 миллионов человек, то в 1959—1960 учебном году число таких школ возросло до 8365, а количество учащихся в них — до 17,2 миллиона человек[3].

Значительно выросло количество школ рабочей молодежи и на индуст-

[1] Программа КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 122—123.
[2] «Правда», 9 марта 1966 г.
[3] Статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1959». Госполитиздат, 1960, стр. 372, 740.

риальном Урале. Например, в 1957—1958 учебном году в Челябинской области было 110 вечерних школ с общим числом учащихся 25 466, а в 1959—1960 учебном году насчитывалось 137 школ, в которых обучалось 55 393 учащихся [1]. В 1960 г. в вечерних школах Свердловской области занималось 114 тыс. человек [2]. Но, несмотря на проведенную работу, общеобразовательный уровень значительной части рабочих оставался еще низким. Так, 61 проц. трудящихся предприятий цветной металлургии Свердловской области в 1960 г. имели образование ниже шести классов [3]. Не лучше обстояло дело и на предприятиях горной промышленности Урала. В 1959 г. на Высокогорском руднике Нижне-Тагильского металлургического комбината из 9 тыс. работавших 4250 в возрасте до 35 лет не имели неполного среднего образования [4]. В Пышминском рудоуправлении число трудящихся, не имевших семилетнего образования, составляло 59,3 проц.[5] Аналогичное положение было и на других предприятиях. Поэтому перед партийными организациями горных предприятий Урала стали большие и ответственные задачи по поднятию не только профессионально-технического, но и общеобразовательного уровня рабочих как одного из важнейших условий дальнейшего роста производительности труда.

С ценной инициативой по составлению перспективных планов повышения общеобразовательного и технического уровня трудящихся выступил коллектив Нижне-Тагильского металлургического комбината.

Под руководством партийных организаций, при широком участии инженерно-технических работников и передовиков производства такие планы стали составляться на горных предприятиях Свердловской и Челябинской областей. Это особенно видно на примере Североуральских бокситовых рудников. Летом 1959 г. здесь началась работа по составлению семилетнего плана роста культурно-технического уровня трудящихся. Специально созданные комиссии установили минимум общеобразовательной и специальной подготовки по всем профессиям и помогли каждому рабочему избрать целесообразную форму учебы. Этому содействовала и широко развернувшаяся агитационно-массовая работа. Индивидуальные беседы о важности повышения общеобразовательного и технического уровня проводили агитаторы А. Остапенко, И. Аксенов и другие. Вопрос об учебе трудящихся неоднократно обсуждался на рабочих и партийных собраниях. Итогом проведенной работы явилось составление семилетнего плана роста культурно-технического уровня трудящихся рудников. Планом предусматривалось охватить учебой в вечерних школах рабочей молодежи за семилетие 2876 человек [6]. Кроме того, намечалось повысить квалификацию 7257 рабочих и подготовить через учебно-курсовой комбинат 2420 человек [7].

Результатом всестороннего и глубокого обсуждения на комсомольских и профсоюзных собраниях, совещаниях инженерно-технических работников, методических советах комбината, в заводской и городской печати явилось составление перспективного плана повышения культурно-

---

[1] «Народное образование», 1961, № 5, стр. 67.

[2] Текущий архив Свердловского облоно, материалы зонального совещания директоров школ рабочей молодежи в г. Челябинске 21—23 апреля 1963 г.

[3] Текущий архив отдела труда и зарплаты Управления цветной металлургии Средне-Уральского совнархоза. Справка о состоянии производственно-технического обучения кадров, октябрь 1960 г.

[4] Текущий архив Высокогорского железного рудника Н.-Тагильского металлургического комбината. Справка о состоянии учебы трудящихся в школах рабочей молодежи за 1959/60 уч. год.

[5] Текущий архив отдела труда и зарплаты Средне-Уральского совнархоза. Справка о состоянии профтехобучения на предприятиях цветной металлургии от 5 марта 1960 г.

[6] Текущий архив Североуральского ГК КПСС.

[7] Текущий архив отдела технического обучения Североуральских бокситовых рудников.

технического и общеобразовательного уровня горняков г. Асбеста. В течение семилетки планировалось охватить различными формами обучения 32 010 человек [1]. Перспективные планы повышения культурно-технического и общеобразовательного уровня трудящихся были разработаны почти всеми горными предприятиями Урала. Выполняя намеченные мероприятия, партийные организации рудников, шахт и аглокомбинатов провели значительную партийно-организационную и идейно-политическую работу.

В годы семилетки вопросы повышения общеобразовательного и культурно-технического уровня горняков находились в центре внимания партийных организаций. Они постоянно рассматривались на заседаниях бюро областных, городских и районных комитетов партии, на бюро парткомов и первичных организаций, а также на партийных, профсоюзных и комсомольских собраниях. Например, в постановлении бюро Челябинского обкома партии «О мерах улучшения вечернего и заочного общего образования в области» от 15 июля 1961 г., наряду с подведением итогов работы общеобразовательных школ за два года семилетки, отмечались существенные недостатки, разработаны были меры по улучшению учебной и воспитательной работы в ШРМ. Бюро обкома партии отметило, что дальнейшее развитие вечерних и заочных школ сдерживает отсутствие необходимой учебно-материальной базы. Особенно тяжелое положение сложилось в гг. Копейске, Коркино, Еманжелинске, Сатке и др. Во многих школах учебно-воспитательная работа поставлена неудовлетворительно. Партийные, комсомольские, профсоюзные организации и органы народного образования недостаточно проводят разъяснительную работу по вовлечению трудящихся в вечерние общеобразовательные школы, по закреплению контингента учащихся. Бюро обкома партии потребовало от городских и районных комитетов КПСС, горисполкомов и райисполкомов, отделов народного образования, руководителей предприятий, профсоюзных и комсомольских организаций устранить отмеченные недостатки, расширить сеть школ рабочей молодежи и заочное обучение, улучшить материально-техническую базу школ [2].

Городские и районные комитеты партии, первичные партийные организации проявляли большую заботу об укреплении учебно-материальной базы школ. Вопросы о строительстве новых школ, ремонте школ рабочей молодежи, оборудовании кабинетов и лабораторий рассматривались на бюро Североуральского ГК партии (1960 г.) [3], на заседании партийного комитета треста «Волчанскуголь» (1964 и 1965 гг.) [4]. В этих постановлениях предлагалось исполнительным комитетам депутатов трудящихся, отделам народного образования, руководителям хозяйственных и партийных организаций шахт и рудников принять все меры для окончания строительства школ рабочей молодежи, своевременно завершить ремонт действующих школ, оборудовать кабинеты и лаборатории учебными и наглядными пособиями.

В целях изыскания дополнительных помещений для школ рабочей молодежи по инициативе облисполкомов и областных комитетов ВЛКСМ проводились специальные рейды и общественные смотры-конкурсы по подготовке к учебному году. Такие мероприятия были проведены осенью 1960 г. на предприятиях Свердловской области [5], и в июле — октябре 1962 г. на предприятиях Челябинской области [6]. В результате проделанной работы многие школы рабочей молодежи получили собственные зда-

---

[1] Справка о подготовке кадров Асбестовского горнообогатительного комбината.
[2] ПАЧО, ф. 288, оп. 157, д. 22, л. 37.
[3] Текущий архив Североуральского ГК КПСС, протокол бюро 8/VI-60 г.
[4] Текущий архив парткома треста «Волчанскуголь». Постановление от 11 августа 1964 г. и 24 августа 1965 г.
[5] «Учительская газета». 25 октября 1960 г.
[6] Текущий архив Челябинского облоно. Справка о работе школ рабочей молодежи от 25 декабря 1962 г.

ния. В школах были открыты новые лаборатории, кабинеты и библиотеки, оформлены наглядные и учебные пособия. Особенно укрепилась материальная база школ рабочей молодежи в гг. Копейске, Коркино, Североуральске, Асбесте. Трест «Волчанскуголь» произвел ремонт учебных зданий, мебели и оказал помощь в изготовлении наглядных пособий. Трест «Вахрушевуголь» представил школам рабочей молодежи помещения и построил дополнительно специальное здание[1]. Новую школу с хорошо оборудованными кабинетами и лабораториями получили горняки Центрального рудоуправления треста «Союзасбест»[2]. Это дало возможность увеличить прием учащихся, ввести сменные занятия и повысить уровень учебно-воспитательной работы. Например, строительство новой школы на 400 мест на Гороблагодатском железном руднике в 1960 г. позволило увеличить контингент учащихся в два раза по сравнению с предыдущим годом и охватить обучением в две смены 600 человек[3].

Наряду с укреплением учебно-материальной базы школ, партийные организации проводили большую организационную и массово-разъяснительную работу по вовлечению работающей молодежи в школы, по сохранению контингента учащихся и улучшению всей учебно-воспитательной работы. Положительный опыт в решении этих вопросов накопили партийные организации трестов «Волчанскуголь», «Вахрушевуголь», Высокогорского железного рудника, Североуральских бокситовых рудников, на горных предприятиях Асбеста и др. Так, вопрос о выполнении семилетнего плана повышения общеобразовательного уровня горняков обсуждался на собраниях партийно-хозяйственного актива треста «Волчанскуголь» в 1960 и 1961 гг. Участники собрания в своих выступлениях отметили, что в работе вечерних школ рабочей молодежи имеются серьезные недостатки, главными из которых являются: отсев учащихся, низкая успеваемость и посещаемость.

Выполняя решения собрания партийного актива, партком стал больше заниматься вопросами повышения образовательного уровня рабочих. На его заседаниях систематически обсуждались вопросы о школах рабочей молодежи. Так, вопросы комплектования и подготовки школ к новому учебному году рассматривались на парткоме в мае 1963 г., августе 1964 г. и 1965 г.[4] Партком треста неоднократно заслушивал на своих заседаниях секретарей партийных организаций Второго и Третьего разрезов о ходе обучения рабочих в вечерних школах[5]. По инициативе парткома проведены были семинары партгрупоргов (24 июня 1964 г.) и совещание главных инженеров предприятий треста (июнь 1965 г.), на которых также обсуждались вопросы состояния общеобразовательной учебы трудящихся[6]. Эти и другие меры привели к прекращению отсева, к росту контингента учащихся и улучшению работы школ. Если в 1959—1960 учебном году в школах рабочей молодежи г. Волчанска обучалось 552 человека, то в 1962—1963 учебном году количество обучающихся увеличилось до 753 человек[7]. Систематическая работа партийных организаций по сокращению отсева обеспечила сохранение контингента учащихся в школах рабочей молодежи г. Копейска. Если в 1962—1963 учебном году в школах рабочей молодежи училось 3,5 тыс. человек, то в 1963—1964— 6,5 тыс.[8] В итоге значительной партийной работы сократился отсев уча-

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 64, д. 306, л. 50.
[2] Там же, ф. 4, оп. 59, д. 353, л. 54.
[3] Текущий архив Свердловского облоно. Справка о состоянии учебно-материальной базы школ рабочей молодежи Свердловской области.
[4] Текущий архив парткома треста «Волчанскуголь». Протоколы заседаний парткома 20 мая 1963 г., 11 августа 1964 г. и 24 августа 1965 г.
[5] Текущий архив парткома треста «Волчанскуголь». Протоколы заседаний парткома от 11 февраля и 14 ноября 1963 г.
[6] Там же. Протоколы заседаний парткома от 24 июня 1964 г. и 3 июня 1965 г.
[7] Текущий архив парткома треста «Волчанскуголь».
[8] «Копейский рабочий», 24 июля 1964 г.

щихся из школ рабочей молодежи Челябинской области. Так, если в 1957—1958 учебном году отсев учащихся составлял 28,9 проц., то в 1964—1965 учебном году он снизился до 15 процентов [1].

Серьезную помощь школам рабочей молодежи оказывали комиссии содействия, созданные партийными организациями на большинстве горных предприятий Свердловской и Челябинской областей. В состав их входили лучшие производственники, представители партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Члены комиссий вели разъяснительную работу среди горняков, были частыми гостями в школах, следили за успеваемостью и посещаемостью рабочих, помогали им в создании нормальных условий для учебы. Тесную связь со школами рабочей молодежи имели члены комиссий содействия треста «Коркинуголь», председатель шахтного комитета т. Корсунов, начальник добычного разреза № 1—2 И. А. Афонин, секретарь партбюро разреза А. М. Кукса. Повседневную помощь школе рабочей молодежи оказывала комиссия содействия Гороблагодатского рудника. В состав ее входило 96 членов. Среди них токарь П. Н. Рощупкин, машинист экскаватора Герой Социалистического Труда А. Е. Иванов, секретарь партбюро аглокомбината П. Е. Храмцов и многие другие. Члены комиссий проводили индивидуальную работу с каждым учащимся. Они не только выявляли недостатки в обучении, но и принимали решительные меры к их устранению. Благодаря деятельности комиссий в период смотра состояния общеобразовательной подготовки трудящихся, проводившегося на руднике в 1963 г., 30 рабочих вернулись в школы и вновь поступили учиться 99 человек [2]. В результате активной деятельности членов комиссии содействия школам треста «Вахрушевуголь» А. И. Устинова, А. С. Черного и т. д. в 1963 г. 180 горняков сели за парты [3].

Вместе с партийными и общественными организациями, администрацией горных предприятий большую работу по сохранению контингента учащихся, улучшению учебной работы проводили учителя школ рабочей молодежи. Заслуживает внимания опыт работы учителей вечерних школ Североуральских бокситовых рудников. Здесь учителя закреплены за всеми крупными цехами и шахтами, имеют тесную связь с руководителями предприятий, секретарями партийных, комсомольских организаций шахт и рудников. Учителя школы рабочей молодежи № 1 В. А. Воробьева, В. А. Горская, В. Е. Слуднева, О. В. Александрова являются членами коллегии газеты «За учебу», которая выходит в школе раз в неделю. В ней помещаются статьи и заметки об успеваемости и посещаемости учащихся. В конце каждой четверти школа рассылает предприятиям сведения об успеваемости учащихся.

Широкое распространение в деятельности партийных организаций горных предприятий и школ рабочей молодежи получило проведение общих профсоюзных и рабочих собраний по итогам работы школ и подготовке к предстоящему учебному году.

В результате постоянного внимания партийных и общественных организаций учительских коллективов к работе школ рабочей молодежи школы добились не только закрепления, но и увеличения контингента учащихся, улучшения всех показателей учебной работы. Например, в школе рабочей молодежи № 4 в течение первого полугодия 1965—1966 учебного года сохранился весь контингент учащихся (323 человека), а в школе № 2 были ликвидированы пропуски занятий без уважительных причин [4].

---

[1] Текущий архив Челябииского облоно. Справка о работе школ рабочей молодежи.

[2] Текущий архив Свердловского облоио. Справка о состояиии общеобразовательиой подготовки кадров иа Гороблагодатском рудиике.

[3] «Карпииский рабочий», 6 сеитября 1963 г.

[4] Текущий архив Североуральского ГК КПСС. Протокол V плеиума ГК КПСС от 26 ноября 1965 г.

С каждым годом растет количество учащихся в школе рабочей молодежи № 4 г. Асбеста. Так, если в начале семилетки училось 418 человек, то в конце — 646 человек. Среднегодовая успеваемость учащихся в течение семилетки составляла свыше 94 проц.[1] По Челябинской области за годы семилетки успеваемость в школах рабочей молодежи значительно повысилась. В 1958—1959 учебном году она составляла 83,9 проц., в 1961—1962 уч. году — 88 проц., в 1962—1963—90 проц., а в 1963—1964 уч. году — 91 проц.[2] Поднялась успеваемость учащихся в ШРМ горных предприятий. Так, в конце 1963—1964 учебного года она составляла в г. Верхнем Уфалее — 93 проц., Сатке — 92 проц.[3], г. Копейске — 93 проц.[4]

Партийные организации горных предприятий Урала, наряду с повышением общеобразовательного уровня, большое внимание уделяли профессионально-технической подготовке горняков.

«Непременным условием ускорения технического прогресса,— указывается в решении июльского Пленума ЦК КПСС (1960 г.),— является улучшение профессиональной подготовки квалифицированных рабочих кадров, дальнейшее повышение производственной квалификации...»[5]. С этой целью при помощи партийных и хозяйственных организаций шахт и рудников во многих школах рабочей молодежи было введено производственное обучение.

Выполняя решения партии и указание В. И. Ленина о том, что «...переход к более высокой ступени культуры и технического образования необходим для успеха всего советского строительства»[6], за годы семилетки многие горные предприятия (Нижнего Тагила, Коркино, Копейска, Асбеста, Североуральска, Магнитогорска, Карпинска, Дегтярска и др.) накопили большой и интересный опыт по профессионально-технической подготовке рабочих. Например, в школе № 7 Высокогорского железного рудника, профессиональное обучение было введено в 1959—1960 учебном году. На занятиях учащиеся 5—7 классов знакомились с общими основами горного дела, а учащиеся 8—10 классов овладевали профессией машинистов экскаваторов[7]. В вечерней школе № 3 треста «Коркинуголь» изучались передовые методы работы и были организованы курсы по подготовке машинистов экскаваторов[8]. Введение в школах рабочей молодежи занятий по конкретной экономике способствовало получению учащимися необходимого минимума экономических знаний. В школе Дегтярского медного рудника на уроках конкретной экономики учащиеся производили расчеты экономической эффективности применения прогрессивных систем горных выработок[9]. В ряде школ рабочей молодежи Карпинска, Асбеста, Нижнего Тагила были созданы технические кабинеты, где учащиеся знакомились с новейшими машинами и оборудованием в горной промышленности и получали квалифицированную помощь в оформлении рационализаторских предложений.

Для повышения уровня профессионального обучения, учителя школ рабочей молодежи знакомились с производством, со спецификой работы горных предприятий, на которых работают их учащиеся. В этом им постоянную помощь оказывают партийные организации, инженерно-технические работники шахт и рудников. Для учителей организуются экскурсии на предприятия, проводятся семинары, доклады и лекции. На семи-

---

[1] Справка директора ШРМ № 4 г. Асбеста.

[2] Текущий архив Челябинского облоно.

[3] Там же. Материалы о работе школ рабочей молодежи.

[4] Текущий архив Копейского гороио Челябниской области.

[5] Постановлеиие июньского (1960 г.) Плеиума ЦК КПСС. Госполитиздат, 1960, стр. 22.

[6] В. И. Леиии. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 163.

[7] Текущий архив Свердловского облоно. Материалы совещаиия директоров школ рабочей молодежи Урала, 1963.

[8] Текущий архив добычного разреза № 1—2 треста «Коркииуголь».

[9] Текущий архив школы рабочей молодежи Дегтярского медного рудинка.

нарах, организованных для учителей Асбеста, Североуральска, Карпинска и других городов были сделаны доклады, которые знакомили с технологией, автоматизацией и механизацией производства, с энергетическим хозяйством горной промышленности. С интересным докладом о перспективах развития асбестовой промышленности и росте ее технической вооруженности выступил главный инженер треста «Ураласбест» т. Терехин. Лекции для учителей школ № 3 и 4 г. Карпинска прочитали инженерно-технические работники треста «Вахрушевуголь» тт. Денисов, Симонов, Манолий, Андреев. Они познакомили учителей с производственными процессами добычи и обогащения угля, с вопросами организации труда и зарплаты [1]. Знакомство учителей с научными основами экономики горного дела, технологией и организацией производства, а также трудовой деятельностью учащихся помогало им глубже увязывать программы и учебные планы с деятельностью предприятий, с решением конкретных производственных задач. Учителя школ № 1, 2, 3, 4 г. Карпинска Х. И. Штерез, Е. П. Гаак, Е. Д. Денисюк, В. И. Зараменских постоянно стремятся органически увязывать материал, изучаемый на уроках физики, химии, математики и других предметов, с фактами и примерами, взятыми из практики работы шахт, рудников и аглокомбинатов [2]. Введение профессионально-технической подготовки в ШРМ способствовало также повышению общего уровня учебной работы школ рабочей молодежи, росту успеваемости и улучшению посещаемости учащихся.

В годы семилетки партийные организации горной промышленности, осуществляя постоянное руководство общеобразовательной и профессиональной подготовкой рабочих, проводили также значительную идейно-политическую работу среди учащихся школ рабочей молодежи. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, постановлениями Коммунистической партии, а также решениями местных партийных организаций по идеологическим вопросам, они использовали многообразные формы пропаганды и агитации для политического воспитания трудящихся. Особенно широкое распространение получили лекции, доклады, беседы, диспуты, выступления ветеранов труда, передовиков и новаторов производства, ударников коммунистического труда, вечера вопросов и ответов, экскурсии на предприятия, различные формы наглядной агитации (плакаты, лозунги, доски показателей и т. д.). С лекциями о перспективах развития горной промышленности Урала выступали перед учащимися А. М. Шеломович, А. П. Королева, В. И. Жуков (комбинат «Ураласбест») [3], Е. С. Горев, П. А. Сафутин, С. А. Сташков (г. Североуральск). Большое впечатление на учащихся школ рабочей молодежи гг. Копейска и Карпинска произвели встречи с членами бригад коммунистического труда, рассказавшими о своих успехах в труде. Перед учащимися выступили Герой Социалистического Труда П. П. Кавалеров, ударники А. Новиков, В. Гавряков (г. Копейск), Ф. Тылик, А. Нерадовский (г. Карпинск) и другие.

Хорошо прошел диспут в школе рабочей молодежи № 1 г. Асбеста на тему: «Чем красив человек?». В нем участвовало более 100 учащихся и учителей. О беспримерном героизме и мужестве советских людей в годы войны с фашизмом на фронте и в тылу, о выдающихся полетах в космос летчиков-космонавтов Ю. А. Гагарина, Г. С. Титова, В. В. Николаевой-Терешковой и др., о лучших людях шахт и фабрик Асбеста, о настоящей человеческой красоте говорили на диспуте учащиеся — рабочие Центрального и Южного рудоуправлений, обогатительной фабрики В. Осинцева, А. Наймуллин, Н. Бачуренко и др.

Повышению идейно-политического уровня учащихся школ рабочей молодежи во многом содействовали центральные, областные, городские,

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 60, д. 490, л. 182.
[2] «Карпинский рабочий», 18 июня 1961 г.
[3] «Асбестовский рабочий», 15 февраля 1961 г.

районные газеты. Для освещения работы школ широко использовались стенные газеты: «Учение и труд» (Дегтярский медный рудник), «За уголь» (Центральный добычной разрез треста «Вахрушевуголь») и т. д. Эти и другие мероприятия, проведенные партийными организациями в области идейно-политической работы, способствовали формированию коммунистического мировоззрения, повышению сознательности учащихся школ рабочей молодежи, глубокому пониманию ими грандиозных задач коммунистического строительства.

Вечерние школы вооружают рабочих не только основами знаний по физике, математике, биологии, химии и другим дисциплинам, но и способствуют росту их активности в борьбе за построение коммунизма. Большинство учащихся ШРМ перевыполняют производственные задания и являются передовиками производства. Успешно учатся и хорошо работают учащиеся г. Асбеста помощник машиниста электровоза В. С. Чуприянов, машинист тепловоза В. А. Карелин, помощник машиниста экскаватора И. Р. Бадер и др. Ежемесячно они выполняют план на 105—110 проц., их имена занесены на Доску почета. Многие из учащихся вечерних школ за высокие производственные показатели удостоены почетного звания «Ударник коммунистического труда». Это звание получили 70 учащихся школ № 1 и 9 г. Копейска, свыше 40 учащихся школы № 3 г. Коркино. Среди них мотористы ленточных конвейеров добычного разреза № 1—2 треста «Коркинуголь» тт. Шестерова, Ломовцева, Синкович и помощники машинистов экскаваторов тт. Новичихин, Плашков и др.[1] В среде учащихся есть талантливые изобретатели, рационализаторы. Например, в рейде за лучшее использование машин, механизмов и оборудования, проведенном партийными организациями шахт в г. Копейске в январе 1963 г., активно участвовали учащиеся школ тт. Бородин, Васильев, Фетисов, Вутке и др.— горнорабочие очистного забоя шахты № 22. Они подали много ценных предложений, направленных на повышение производительности труда, на улучшение культуры производства и сокращение числа неиспользованного оборудования[2].

Рост общеобразовательного уровня трудящихся горных предприятий Свердловской и Челябинской областей имеет положительное влияние на улучшение производственных показателей и на развитие социалистического соревнования. Предприятия треста «Волчанскуголь» г. Североуральска, г. Асбеста и другие досрочно завершили выполнение семилетнего плана по всем экономическим показателям.

Широкое развитие получило движение за коммунистический труд. Например, на разрезе № 2 треста «Волчанскуголь» в конце 1965 г. в нем участвовало 24 смены и 28 бригад, 627 человек[3]. На Североуральских бокситовых рудниках в соревновании за коммунистический труд в начале 1965 г. участвовало 169 комплексных бригад, в которых работало 1682 человека. Более пятисот горняков были удостоены высокого звания ударников коммунистического труда[4].

Деятельность партийных и хозяйственных организаций предприятий горной промышленности по повышению общеобразовательной подготовки трудящихся дала положительные результаты. Тысячи горняков за годы семилетки повысили свой общеобразовательный уровень в школах рабочей молодежи, получили семилетнее и среднее образование. За 1959—1965 гг. на шахтах и рудниках г. Североуральска учебой в вечерних школах рабочей молодежи было охвачено 4441 человек, вместо 2876 чело-

---

[1] Из отчета школ рабочей молодежи № 1 и 9 г. Копейска. № 3 г. Коркино Челябинской области.

[2] «Копейский рабочий», 24 февраля 1963 г.

[3] «Карпинский рабочий», 15 сентября 1965 г.

[4] Текущий архив парткома Североуральских бокситовых рудников. Протокол парткома от 16 апреля 1965 г.

век, предусмотренных семилетним планом. К концу семилетки около 75 проц. рабочих в возрасте до 30 лет имели восьмилетнее, среднее и средне-техническое образование [1].

Об окончании 7—8 и 10—11 классов вечерних школ рабочей молодежи № 1 и 4 г. Асбеста, № 7 Высокогорского рудника г. Н. Тагила свидетельствует следующая таблица [2].

Учебные годы	Количество окончивших					
	ШРМ № 1 Асбеста		ШРМ № 4 Асбеста		ШРМ № 7 ЖР	
	7—8 кл.	10—11	7—8 кл.	10—11	7—8 кл.	10—11
1959—1960 гг.	56	64	—	—	72	40
1960—1961 »	60	79	88	42	69	54
1961—1962 »	9	98	—	55	57	49
1962—1963 »	109	76	116	111	55	64
1963—1964 »	70	91	164	121	38	92
1964—1965 »	54	34	140	—	61	27
Итого . . .	359	442	508	329	352	326

Из этих данных видно, что в течение 5—6 лет получили семи-, восьмилетнее и десяти-, одиннадцатилетнее образование в двух ШРМ г. Асбеста 1638 человек и ШРМ № 7 Высокогорского железного рудника 678 горняков [1].

Таким образом, за годы семилетки партийные организации горных предприятий Урала провели значительную работу по повышению общеобразовательного уровня трудящихся. Они оказали помощь в создании и расширении материально-технической базы школ, провели серьезную организационную и массово-политическую работу по комплектованию и закреплению контингента учащихся, содействовали улучшению учебно-воспитательной работы и проведению политехнического образования учащихся. В результате этой деятельности многие горняки повысили свой общеобразовательный и культурно-технический уровень, благодаря этому возросла производительность труда. Задания пятилетнего плана большинством предприятий горной промышленности были перевыполнены.

Рост общеобразовательного и культурно-технического уровня горняков, как и всего советского народа, является важным шагом по преодолению существенных различий между умственным и физическим трудом.

В решениях XXIII съезда КПСС и Директивах нового пятилетнего плана разработана программа по дальнейшему развитию народного образования, повышению общеобразовательного уровня населения, улучшению подготовки специалистов. «В течение пятилетки,— говорится в Директивах,— завершить в основном введение всеобщего среднего образования для молодежи» [3].

Партийные организации горных предприятий Урала призваны еще выше поднять уровень партийно-организационной и идейно-политической работы среди трудящихся и с честью выполнить задачи, поставленные XXIII съездом.

---

[1] Текущий архив Североуральских бокситовых рудников, отдел технического обучения кадров.

[2] Таблица составлена на основании справок директоров ШРМ № 1 и 4 г. Асбеста и ШРМ № 7 г. Н. Тагила.

[3] Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг. «Правда», 10 апреля 1966 г.

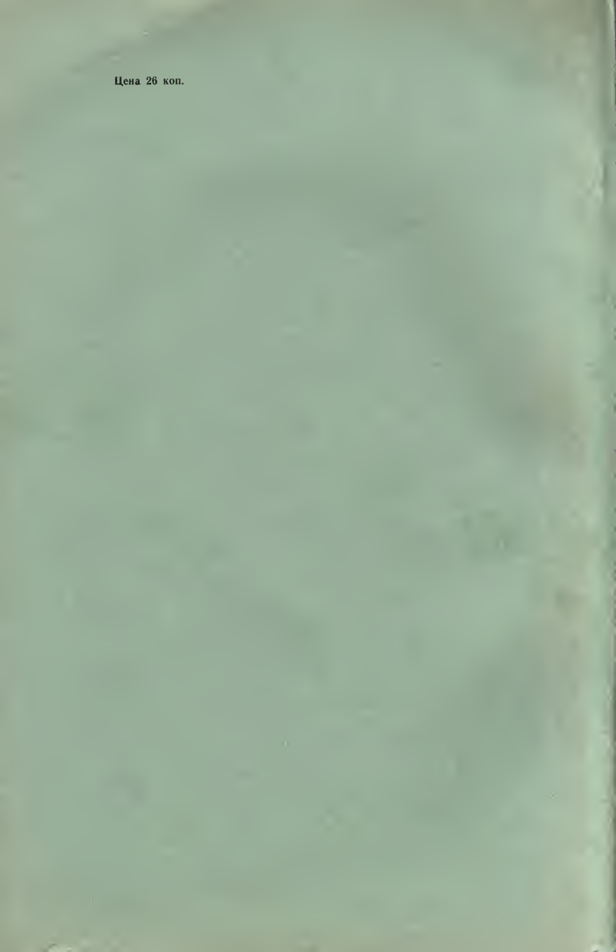
СОДЕРЖАНИЕ

Из истории уральских партийных организаций

Редактор издательского сектора и
технический редактор О. Ф. ПАВЛЕНКО
Корректор Л. Т. СВЕРЧКОВА

НС 19527. Подписано к печати 24/III 1967 г.
Бумага 70×108 1/16 доля листа. Печатных листов 6 1/4.
Тираж 800 экземпляров. Цена 26 коп. Заказ № 655.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

Цена 26 коп.